

М И Н Е Е В

1927 г.

Нов. ст. **Январь** (31 д.)

15

В. С. 7 ч 51 м
З. С. 4 ч 29 м

15 351

Ст. ст. **2** **Январь**
19 27 г. (31 д.)

2 364

Суббота

*Св. Сильвестра п. р. Мч. Феогена еп. парійск.
Открытие Ст. Петербургск. Публичн. библ.
(1814). Первая газета въ Москвѣ церк.
шрифта (1703). Андрусовск. миръ (1667).*

30 седч. по Пятидесятницѣ.
Изд. ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко. въ Берлинѣ.

КАЛЕНДАРЬ ПРЕВРАЩЕНИЙ

МИНЕЕВ

КАЛЕНДАРЬ
ПРЕВРАЩЕНИЙ

Тольятти 2018

ББК 84 (2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
М 41

Минеев.

КАЛЕНДАРЬ ПРЕВРАЩЕНИЙ:

роман / Минеев. – Т.: ОТО г.о. Тольятти
М 41 "Тольяттинская писательская организация, 2017. –
192 с.

ISBN 978-5-98147-102-5

Редактор **Владимир Мисюк**

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и
Союза российских писателей

ISBN 978-5-98147-102-5

© А. Минеев, 2018
© М. Шляпина, 2018
© ОТО г.о. "ТПО", 2018

ЛЕТО

Хочешь узнать, где самые спелые вишни?

Спроси у мальчишек и дроздов.

Гете.

ИЮНЬ

I

Я родился, то есть появился на свет в человеческом облике, в августе одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Не трудно посчитать, что вообще в виде странного паразита, видимого только в микроскоп, я возник и начал расти в теле моей матери в ноябре семьдесят пятого. Даже она сама об этом начала догадываться только через месяц. Но об этом подробно я расскажу дальше. Начну я издалика. Сначала об окружающем мире, потом о себе.

Превращение ребенка в старика не менее удивительно, чем превращение гусеницы в бабочку. Это будет книга не только моих наблюдений за превращениями в природе, за превращениями людей. Это скорее собрание наблюдений моих и того, кто наблюдал до меня и наблюдал за тем, как наблюдаю я, и будет наблюдать, когда меня не будет.

— Ты где там? — зовет томный голос из темной комнаты. — Иди сюда!

Женщина отнимает слишком много. Слишком много жизни, времени, лучших сил человеческих тратится на нее и на мысли о ней.

Я собрал со стола и убрал в ящик ворох фотографий, старых писем и свои дневники, которые веду с детских лет. Погасив лампу, я выключил компьютер и прошел в спальню.

— Ты что так кусаешься больно?! — вздрогнув, прошипела она.

— Больно? — удивился я. — Прости, пожалуйста. Я, вроде бы, как обычно.

Я облизываю ее языком, которым мне в своей жизни приходилось говорить много разных гадостей. Казалось бы, мой язык должен быть шершавее кошачьего.

Вся ночь была впереди. В моей квартире никто не спрашивает у сторожа, сколько ночи осталось.

II

Солнечным летним утром темнеют вдали высокие тополя посреди желтого поля. Оглушительно стрекочут кузнечики и гудят шмели. Высоко в синем небе медленно плывут белые облака.

Если отправиться туда, то, пройдя поле, можно подойти к железным воротам. На них висит погнутая табличка, на которой указаны имя и адрес смотрителя сельского кладбища.

В мусорной куче у ворот лежат венки, поломанные черенки лопат, завядшие букеты, бутылки, бумага, стеклянные банки, малярные кисти. Венки похожи на клубки спутанной проволоки, их бумажные цветы превратились в разноцветную сопревшую шелуху, растрепались красные и черные мягкие ленты. Редко и степенно каркают вороны. В ржавой коричневой бочке бегают водомерка по зеленой воде.

Заскрипев несмазанными петлями, можно отворить калитку и пройти по приготовленному под будущие могилы пустырю. Пройти мимо нескольких свежих нарядных могил, украшенных цветами. А потом дальше в тени громадных тополей прохладно и сумрачно. Там спящие под землей люди. Они сложены в бесконечные ряды. Им нет числа.

Могила заросла травой, каменная плита упала, погнуты прутья решетки. За оградой свалена куча сухих веток с серыми, словно бумажными, хрустящими листьями. Землю прикрыли большие мягкие листья лопухов. В расщелину быстро вползла зеленая ящерка.

Возле скромного памятника стоит белая фарфоровая тарелка с синей каймой. В ней лежат карамель и печенье, по которым бегают черные муравьи.

Елисеева Надежда Илларионовна
1885 — 9.11.1968

По кривым железным прутьям тянется вверх тонкий гибкий вьюн. В углу неистовый хитрый работяга быстро сучит ногами, сплетая липкую паутину. В траве видны высыпанные желтые дробинки пшена. В стеклянной банке поникли увядшие цветы, вода протухла.

Боголюбов А.В.
1925 — 13.11.1972

Заколдованное безмолвное царство, в котором можно долго задумчиво бродить, плутая между тесно примыкающими оградами. Читать высеченные на камнях и вытравленные на металле надписи: «Тому, кто дорог был при жизни, от тех, кто любит и скорбит... Какая шутка наша жизнь земная!.. Вы ко мне не спешите, я вас подожду... Не надо надписи для камня моего, скажите просто здесь: он был и нет его!.. Вы, листочки, не шумите, нашу маму не будите... Спи, дорогая, у Господа в светлом раю... Я девушкой, невестой, умерла!»

Потом найти знакомый деревянный столик, обтянутый полопавшейся клеенкой со смытым дождями рисунком, и низкую скамейку с ржавыми шляпками гвоздей.

Вся эта земля набита досками и гвоздями, тухлым мясом, костями, червями, кожей, галстуками, платьями, туфлями, волосами, глазами, зубами, пуговицами, ногтями. Хотя знающие люди говорят, что теперь покойники сильно отличаются от прежних. Все чаще, если приходится вскрывать могилу даже достаточно давно умершего человека, на нем видят мало признаков разложения. Вся пища, которую ест современный человек, содержит много химии, которая накапливается в его организме. Теперь трупы не разлагаются, а консервируются. Скорее всего, я и вы, кто читает эти строки, будем лежать в земле столетия, подобно мумиям египетским. Исполняя мечту первых христиан, которые солили своих мертвых, чтобы в день воскресения они восстали в хорошо сохранившемся теле.

Солнце переместилось и сквозь ветви светит прямо в глаза. Проснувшись, я зажмурился. Сел, потер лицо, и неожиданно услышал совсем рядом звонкий детский смех:

— Возьми себе козявочку!

Между густых кустов мелькает белое платье. То появляется, то исчезает.

— Возьми себе козявочку! — смеется маленькая проказница.

— Соня! — раздается строгий голос молодой мамы, которой не видно за кустами. — Я кому сказала! Иди сюда быстро. Сейчас получишь у меня. Здесь нельзя баловаться!

— Возьми себе какашечку?

Детский смех звенит сильнее прежнего. Она кривляется, дразнится, захлебывается смехом, и вдруг поперхнулась, сильно краснеет, кашляет до слез.

— Вот! — сердито говорит мама, обнимает ее, вытирает платком лицо. — Не слушаешься меня.

Я за ними подглядываю, а они меня не видят. Успокоившись, глубоко дыша, Соня отошла и сорвала цветок. Потупившись, надув губки, смотрит исподлобья. А немного спустя хитро улыбнулась и спросила:

— Мамочка, показать тебе, что у меня есть?

Протянув руку, девочка медленно осторожно разжала пальцы. В ее маленькой розовой ладони лежал тяжелый зеленый стеклянный шарик.

— Это моя жемчужина!

Природа часто безобразное превращает в прекрасное. Жемчужина растет в теле моллюска. Когда внутрь раковины попадает песчинка или заводится паразит, то на них тонкими пленками годами нарастает перламутр. Обычно белого цвета, но встречаются также кремовые, розовые, желтые, зеленые, черные и очень редкие голубые. Жемчужина живет около двухсот лет, а потом стареет и умирает. Постепенно теряя блеск, мутнеет и разрушается. Ее размер зависит от вида и хорошего здоровья моллюска, в котором она росла. Самая крупная жемчужина была выловлена восемьдесят лет назад возле филиппинского острова Палаван. Она весила шесть с половиной килограммов, а сам моллюск весил триста килограммов. Рыбак погиб при попытке извлечь невиданную жемчужину. Когда он потянулся к ней, гигантская тридакна с чудовищной силой захлопнула створки своей раковины.

Но я представил, что в детской руке лежит та самая средневековая жемчужина, жемчужина причудливой формы, жемчужина с пороком, прекрасная и уродливая, знаменитая португальская *regola barossa*. Волшебный, странный, живой, пышный, порочный барочный мир. Во времена барокко Галилей направляет свой телескоп в звездное небо, а Левенгук склоняется над микроскопом. Дворяне надевают напудренные парики с буклями, а их бледные дамы появляются на балах в корсетах и пышных юбках. На стенах вместо икон висят

портреты и пейзажи, вместо религиозной музыки звучат скрипичные концерты Вивальди. Во дворцах стоят каменные статуи с настоящими человеческими зубами и волосами.

Я сидел тихо, и они меня так и не заметили. Потом я видел, как они ушли. Молодая женщина держала за руку отшлепанную, заплаканную и присмирившую маленькую девочку. Они вместе несли банки с краской, кисти и тряпки.

Солдаткина Наташа
13.08.1974 — 24.04.1975

В моем кармане звонил телефон, который я хотел и забыл выключить. Достав бутылку водки, я посмотрел на фотографию на памятнике. Это невозможно представить, что я сейчас старше своего отца. Это похоже на фантастический рисунок в учебнике по физике из моего детства. Космонавт улетает в далекое путешествие, и только спустя долгие годы возвращается обратно. По-прежнему молодой он бодро выходит из ракеты, а его встречает сгорбленный дряхлый старик с седой бородой и машет ему рукой: «Привет, отец!» До сих пор помню, как это тогда поразило меня.

Помню из детства еще одну удивительную картинку-загадку. Ползет черепаха, следом за ней прыгает заяц, в которого летит выпущенная стрела, и бежит охотник. Победителем в этом странном соревновании оказывается черепаха. Оказывается, что никто из них ее никогда не догонит.

Рядом самодовольно растет маленький и пузатый, как самовар, коричневый чугунный памятник. Белой краской неряшливо и торопливо на нем написано:

Дарын В.А.

Высокий синий крест, рассохшийся и растрескавшийся. С круглой железной литографии на меня смотрит закопанный под ним человек. Возбужденный, если не безумный, взгляд выкатившихся из орбит глаз. Лохматые волосы, густая борода. Черная строгая одежда с наглухо застегнутым воротом.

Здесь покоится прах
Акимова Семена Сергеевича
3.VIII.1864 — 7.VIII.1955

Древние римляне хоронили своих покойников не в городах, а по обочинам дорог. Все их надгробные надписи обычно начинались словами:

«Остановись, прохожий!..»

А на пустынном берегу холодного Белого моря среди песчаных дюн стоят гигантские кресты высотой в пять-шесть метров. Под напором морских штормов дюны со временем перемещаются, как барханы в пустыне. Поэтому некоторые кресты вросли в песок наполовину, другие совсем ушли в землю. Но остались и те, которые стоят во весь рост, сопротивляясь времени и стихии. Сильное и даже гипнотическое впечатление производят эти русские могилы на краю света.

Солнечные лучи просеиваются сквозь густые ветви. Потрескивают толстые стволы. Тихо шелестят листья. Все вокруг неподвижно, поникло и спит. Летний сон в тени высоких деревьев.

Все вокруг представляется, как роскошная иллюзия и сон. Удивительный, непознанный, опасный, несправедливый, прекрасный и единственный, известный нам, мир. Вселенная, в которой человек находится между всем и ничем. Он наблюдает явления, но не способен понять ни их начала, ни смысла, ни конца. Он жадно собирает коллекцию противоречивых знаний. Свет и тьма, душа и плоть, время и вечность, великое и ничтожное. «Жизнь есть сон!» Человек словно цветок, теряющий лепестки. Спящий бог ничем не может ему помочь. Надписи на развалинах, уголь и мел, крапива и роза.

— Кар? — строго спросил старый ворон, сидя высоко на дереве, блестит иссиня-черным оперением, зорко следит одним глазом.

— Кар-р!

— Кар-р-р!.. — соглашаясь, важно отвечают ему с других веток, раскрывая толстые и гладкие металлические клювы.

Взмах крыльев. Черный ворон тяжело грузно спланировал на землю. Шагает в своем траурном одеянии, твердо переставляя сильные гусарские ноги. Заложив крылья за спину, сутулясь, он задумчиво кивает, он многое помнит.

Открыта дверь, приглашающая гостя. Это глубокая черная яма посреди белого снежного поля. Или среди зеленых

трав и ярких цветов. Гулкая барабанная дробь от бросаемых на опущенный в нее гроб горстей земли и комьев глины.

А накануне этот ночной ужас, вызываемый мертвым телом. Когда в тусклом свете в тишине оно лежит в комнате. Одновременно человек и вещь. Серый нос торчит из гроба. Удивленный шепот мальчика:

— А что это там?

...Сидевшая на цветке бабочка вспорхнула и улетела.

Где-то наверху снова строго и важно гаркнул ворон:

— Кар-р!

И снова стало тихо. Только робко шелестят листья.

III

Вокруг лишь руины разрушенного и разграбленного фосфорного завода. Под палящим солнцем грозно стоят величественные и печальные развалины.

Высоко устремились осыпающиеся здания. Горные пики из битого кирпича и ржавого лома, бетонных блоков и плит, поросшие деревьями и кустарниками. Детали невероятных машин и механизмов, покрытые птичьими гнездами. Или это древний индийский город, который поглотили непроходимые джунгли. Это явно некогда мощная, но погибшая в результате катастрофы неизвестная цивилизация. Полная нереальность происходящего. Гигантские котлованы, словно оставшиеся после падения метеоритов. По фантастическим ржавым и зеленым от плесени механизмам прыгают птицы, бегают ящерицы.

Распахнуты ворота лагерного барака, внутри которого темно. Под подошвами ботинок скрипят осколки. Покрытые пылью лежат разбитые ящики с противогАЗами. Под самый потолок, в коробках и россыпью, неисчислимо навалено стеклянных флаконов с желтой жидкостью, с пронзительно кричащей надписью: «ЯД!»

Медленно плывут белые облака. Безраздельно царит покой, наступивший после страшного апокалипсиса.

Он угрюмо сидит рядом. Заканчиваются утомительные сутки нашего дежурства. У него на коленях лежит его огромный живот, словно мешок, в котором урчит какое-то животное.

Глядя на него, я вспомнил, что самый большой чужеродный организм, способный жить в человеческом теле, может

вырасти до пятнадцати метров. Его живот был подходящим местом для такого сожителя.

Наклонившись, он вырвал пучок травы и сказал мне:

— Вот этой лебеды кролик если сожрет, то крикнет сразу.

— Почему? — удивился я.

Он пожал плечами.

— Его если самого выпустить, чтобы он сам гулял, то он ее не будет жрать. Только если ему в клетку вместе с нормальной травой сунуть. Он, когда в клетке сидит, то жрет все подряд не разбирая.

Рельсы заросли травой. Черные промасленные шпалы, засыпанные щебнем. На путях, ведущих в тупик, стоит длинный состав товарных вагонов. Цистерны «ЮКОС». Цистерны «Кальцинированная сода». Вокруг валяются кирпичи, ржавые трубы, ящики, пожарные рукава, униформа с нашивками ГО.

— Я в Средней Азии вырос. У нас там дикобразы водились. Это тоже такое тупое животное. Он ведь по ночам только по своим делам выходит. Днем он спит. А ночью его встречаешь, просто фонариком в морду ему осветил и все. Он стоит, как под гипнозом.

На всех окнах здесь наварены железные решетки и торчат в рамах осколки битых стекол. Чибисы свистят. Жуки, бабочки, осы, голуби. Все это вокруг жужжит, порхает, воркует... Отчаянно бьется муха в паутине.

— У нас там петушиные бои были. Мы как делали? Вот если твоего петуха ушатали. Ночью лезешь к тому в курятник. Берешь напильник бархатный и по клюву по кончику два раза проводишь и все. Это у них считается, будто его в очко отодрали. Он знает, что он теперь шкварной. Он с этого дня всех щемится. Он драться больше ни с кем никогда не будет.

Теперь не в его животе, а рядом в кустах некто лениво пошевелилось и заурчало. Словно подтверждая его слова. Он угрюмо покосился на кусты и огляделся вокруг. Не найдя под рукой ничего тяжелого, вытер платком лоб и спросил:

— А ты чего из Москвы обратно вернул?

Я глотнул из бутылки минеральной воды и пожал плечами.

— Правильно! — кивнул он лысой головой. — Потому что там одни упыри живут.

Он носком ботинка скovyрнул из мусорной кучи пыльную тяжелую бутылку от шампанского. Взяв ее, широко

размахнулся и метнул в кусты. Раздался режущий уши визг, томно отдылавшее животное в ужасе полетело прочь, с хрустом ломая ветки.

— У-у, лошара! — улыбнулся он, вытирая руки. — Я ведь тоже в Москву ездил. Мы железо собирали. КАМАЗ подъезжает к дому, который на снос идет. Хоть днем, хоть ночью. Мы втроем с инструментами спрыгиваем и идем по квартирам. Дверь с ноги выбил, а там, оказывается, жильцы еще не съехали. Спят или телевизор смотрят, и тут ты с ломом заходишь. Извинился, пожелал спокойной ночи и прешь в соседний подъезд. Там также дверь высадил. Прощел, осмотрелся. По ванне посередине пару раз дал кувалдой. Она лопнула, вырвал ее и потащил. Потом в подвал спускаешься. В темноте ногу опустил и сразу по колено в воду. Или бомжи на тебя с ножами. Или кошка дохлая с трубы тебе прямо на череп вместо шапки упала. Потом приезжали к одному жлобу, сдавали ему все. Он нам по пятьсот рублей в день давал. Спать ложились в строительном вагончике. Утром только успел в туалет сходить, покурить, как сын его, маленький желобок подрастающий, в окно стучит, что на работу пора...

— Это когда было? Давно?

— Зачем давно? В прошлом году. А когда с москвичкой жил, то все деньги, что зарабатывал, ей отдавал. Она сама не работала. Как только я заболел, выгнала меня без копы на улицу. В чужом городе, переночевать негде, без денег, больной... Короче, как вспомнишь, так вздрогнешь. Никому такого не пожелаю.

Вокруг нас цветущий рай, сказочный Вавилон, сирийские развалины, пирамиды египетские, руины Явы. Солнечным днем в тени сидят два мудреца и неспешно беседуют.

Он сплюнул под ноги и вздохнул. Потом наклонился и сорвал цветок.

— А это молочай. Видишь? — он показал белые капли, которые выдавил из стебля себе на руку. — Вот они сейчас потемнеют. Они ранки заживляют. Вы ведь, молодежь, даже этого не знаете. Вас за городом в поле выпусти. Вы, как тот кролик, сожрете чего-нибудь и лапы склеите.

Он стал капать на садины на костяшках пальцев распухшего кулака. Хмуρο пояснил:

— Я недавно в кабаке похулиганил маленько.

Он снова вздохнул и неожиданно сказал мечтательно:

— Я всегда хотел жить в лесу. Наблюдать за природой... — он подумал и зло добавил: — А живу здесь. Наблюдаю за парями и плебеями всякими.

IV

В детстве самое прекрасное время в году наступало в первый день лета, когда целых три месяца каникул были впереди. Моя любимая детская книжка начиналась словами:

— У первой же лягушки, которую вы будете вскрывать, попробуйте вырезать толстую кишку и расщипать ее иглами. Вы посмотрите и поразитесь, какая там кипит жизнь!

Ни одной лягушки сам я так и не вскрыл. Но кипящую жизнь представлял себе очень живо. Бабочек, жуков, зеленые и желтые листья заготавливал в неисчислимом количестве. Давно исчезли гигантские деревья, которые казалось должны расти вечно, от них не осталось следа на земле, а их сухие листья четверть века хранятся в книгах в моем шкафу.

Что надо запасти к лету, чтобы заниматься собиранием животных, насекомых и растений? Эти названия до сих пор звучат для меня, как самая волшебная музыка. Сачок и водяной сачок, пинцет и мягкий пинцет, складная пила и складной нож, ботаническая папка, пресс для сушки растений, клей, нитки, проволока, вата, песок, морилки, булавки, бумага и картон, штативы, лупы и различные ловушки.

Библиотека для детей и юношества «Жизнь и знание». Краткое практическое руководство для начинающих натуралистов. Простейшие работы по изготовлению зоологических и ботанических коллекций. Пособие для занятий по естествознанию и ручному труду.

«Если на практических занятиях по зоологии или просто на кухне вам попадет в руки мертвое животное, то вооружитесь препаровальными ножницами, вскройте кишечник и принимайтесь, не торопясь, за консервирование паразитов, которые живут довольно долго и вне хозяина. Найденных червей собирайте пинцетом. Если они не отстают, то лучше отрезать и кусок кишки вместе с присосавшимся паразитом. Коллекции паразитов в любительских сборах часто бывают редкими и неполными. Когда вы будете писать этикетку, не забудьте отметить, в каком животном, когда и где пойманном, в каком месте его тела был найден

паразит». Вот такие тексты вместе с Конан-Дойлом, Киплингом, Эдгаром По и Уэллсом страстно будоражили мое воображение. Или мутная фотография грустной полосатой собаки с подписью: «Австралийский тилуцин, вымерший в 1936 году».

Однажды я был в гостях у дрессировщика птиц. Там оказалось много необыкновенных и невиданных мною прежде, но меня поразил ворон. Он сидел в клетке с гордым видом. Хозяин сказал мне, что я могу с ним поздороваться.

— Добрый день! — улыбнувшись, сказал я.

— Здравствуйте! — ответила ученая птица совершенно человеческим голосом.

Я пришел в восторг, и мне захотелось снова услышать.

— Добрый день! — повторил я. — Здравствуйте! Доброе утро!

Но черный ворон упорно молчал, и я удивился:

— Почему он молчит?

Сидя на полу, перебирая свои хитрые сачки и ловушки, хозяин поднял голову и резонно ответил:

— Так он ведь сегодня с тобой поздоровался. Теперь только завтра.

Помню, как я изумился и с еще большим уважением посмотрел на умную черную птицу.

В античные времена неизвестный подражатель Гомера сочинил героическую поэму о войне мышей и лягушек. О том, как в жаркий летний день лягушиный царь Вздоломорд нечаянно погубил молодого царевича Крохобора. Тогда мышиный царь Хлебогрыз призвал мышей отомстить за сына. На берегу болота разворачивается жестокая битва. Мыши одолевают, но на помощь лягушкам выползают страшные горбатые в панцирях и с ножницами раки. Сам Зевс вынужден вмешаться в ход битвы и бросает с небес на поле боя молнию.

Но все это дела давно минувших дней. Стародавние времена, когда мыши были гигантскими, а лягушки отважными. А сейчас летним вечером серые мыши вылезают из нор на белый свет и садятся, сложив короткие когтистые лапки на груди. Домашние мыши не поют, чтобы не привлекать к себе внимания. А полевые мыши любят ради собственного удовольствия издавать тихие нежные звуки. Выпучены мышинные глаза, дрожат от возбуждения длинные голые хвосты. Маленькое мышинное сердце бьется в десять раз чаще челове-

ческого. Рядом в ржавой бочке желтые яйца окружены толстым слоем студенистого вещества и соединены в гроздьи и шнуры. В воде в несметном количестве роятся головастики. Под мышиную песню сидит согреваемая последними солнечными лучами лягушка, погруженная в сладкую дремоту.

Космос Циолковского и Земля Вернадского. Паразитарные и противоречивые учения о возникновении жизни. Интерес к этому вырос из простого детского удивления. Из зажатой в кулаке тонкой нити, привязанной к синей стрекозе. Все то, что я сначала так жадно читал об окружающем мире, а потом поднимал голову и оглядывался вокруг новыми изумленными глазами.

Все то, что я переписывал из толстых книг себе в тетрадь. Как удивителен факт, что в геологической истории Земли нет эпох отсутствия жизни. Следы этой былой жизни хранятся в накоплениях известняков, углей, горючих сланцев, рассеянных в горных породах остатках органического вещества. В земной коре нельзя отыскать слоев, свободных от влияния живого вещества.

Постелив себе мягкой травы, глубоко под землей лежит мускулистый крокодил в густой черной шерсти. У него широкий лоб и короткий хобот. Его широкие кисти с вывернутыми ладонями и когтями похожи на лопаты. У него есть глаза, но они заросли волосами. Зато у него прекрасный слух. Прислушиваясь к звукам мышинной песни, доносящимся сверху, он ест дождевого червя. Если мышь или лягушка случайно окажутся в его норе, то он съест и их. Когда-то давно зоологи к своему удивлению открыли, что у крота зубы по форме и расположению больше всего похожи на челюсть крокодила. Согласно хитроумным истинам халдейских мудрецов, всем существам, живущим на земле, соответствуют такие же, живущие в море, за исключением крота.

Человек появился не менее миллиона лет назад, на несколько миллионов лет раньше появилась лошадь, а леса шелестели листьями десятки миллионов лет назад. Наши представления об окружающем мире основаны на мысли о постепенной эволюции жизни, ее развитии от простого к сложному. Но некоторые организмы неизменны на протяжении всей истории. До сих пор живут и не изменяются морские радиолярии или брахиоподы в течение сотен миллионов, миллиарда и больше лет. Весь живой мир вокруг них изменился до неузнаваемости.

Летает и гудит назойливая серая муха. Следя за ней, широко расставил ноги и держит натянутые липкие нити паук с крестом на спине. Не замечая, что его самого готовится склевать воробей. Но к воробью на мягких лапах осторожно подкрадывается кошка. А в кошку, зажмурив один глаз, целится из рогатки мальчишка. Натягивается тугая резинка и в кошку отправляется тяжелая пуля. Слово в хаос обрушивается все это нагромождение. Все посыпалось, как костяшки домино. Все разбежались и разлетелись. С отчаянным криком кошка бросается в кусты. Воробей улетает. Прячется паук. Спасенная муха кружит над головой мальчишки. Он с раздражением отмахивается от нее.

Есть всего два ответа на вечный вопрос. Жизнь либо вечна и существует везде, либо она однажды возникла только здесь. Но в условиях Земли никогда не было случая зарождения живого от неживого. Жизнь обнаружена в жерлах вулканов и на дне мирового океана. Некоторые бактерии не погибают даже в атомных реакторах. При этом живые организмы захватывают доступное им пространство с невероятной скоростью. Для бактерий она сравнима со скоростью звука в воздушной среде. Бактерии способны нарастить массу, равную по весу земному шару, за несколько суток. Даже наиболее медленно размножающийся из всех животных слон способен сделать это по космическим меркам почти мгновенно всего за тысячу триста лет.

В разыгравшемся воображении возникает грандиозная картина, от которой захватывает дух. Бесчисленное множество обитаемых миров во Вселенной представляется делом решенным. Везде и всегда происходит постоянное растекание живого вещества, подобно газу, занимающему весь доступный ему объем, постоянное занятие нового места новыми организмами. Однажды появившись, все живое непрерывно делится и размножается, занимая все доступное пространство.

Тусклый свет, тихо гудит вентилятор. Закрепленный на стене спальный мешок растянут и пуст. В горшке под стеклянным колпаком из черной земли замысловато извивается стебель гороха. Подняв светонепроницаемую шторку, женщина через толстое кварцевое стекло иллюминатора смотрит на далекую Землю. Оттолкнувшись ногами от стены, она парит в невесомости. Потом долго смотрит в спокойное лицо спящего мужчины, застегнутого в спальном мешке.

ИЮЛЬ

I

На стене висит отрывной календарь. Сегодня листок на 3 июля. На нем указаны точное время рассвета и заката, написаны полезные советы хозяйке на заметку.

Рядом с календарем висит картина, на которой три птицы сидят на ветке. Птица, жадно клюющая ягоды. Птица, задрывшая голову и поющая песню. И хитрая птица, прячущаяся и крадущаяся.

Когда во всех темных комнатах воцарилась ночная тишина, он осторожно прокрался по спящему дому. Насколько мог плотно закрыл за собой дверь. Он попробовал дернуть ее на себя сильнее. Хотя знал, что это бесполезно. Между кривой дверью и косяком осталась щель. Подойдя к кровати, он тихо разделся и лег.

Вася лежит под одним одеялом с Митей, который на три года младше. На другой кровати лежат вместе девочки. Старшая сестра Лидочка, маленький взрослый человечек, себе на уме. С ней — рядом сопит беспокойная Машенька, из-за которой приходится часто просыпаться ночью.

Зато Митя, как только лег, к стенке отвернулся, и до утра его не добудишься. Вася даже потолкаться, поозоровать с ним не успевает. Вася и сейчас не спит, потому что думает о прожитом дне. Хотя он и набегался, наигрался, но не уснет до тех пор, пока не обдумает все.

Постепенно укладываются в голове все мысли, забываются одновременно такие простые и такие сложные события детской жизни. И скоро бы уснул, если бы вновь не разыгралось его любопытство. А ему вдруг стало интересно, о чем шепчутся отец с матерью в своей комнате.

Приподняв голову от подушки, он услышал, как мать сердито шепчет:

— Подожди, говорю, Петя!.. Поди, не спят.

— Спят... Чего ты? — ответил ей отец каким-то не своим, а мягким и ласковым голосом, а из-за того, что старался говорить тихо, хрипотца тоненько присвистывала в горле.

Зашелестела простынь, заерзали они в постели, словно бороться начали. Но сразу перестали, и снова послышался

отцовский голос, но что было особенно удивительно, стал он странно неуверенный и просящий:

— Чего ты? Спят, спят давно!

— Да где спят? Только что уложила... — она сердито толкнула его и проворчала: — Сколько раз говорила, чтобы сделал дверь нормальную. А то чуть что, так начинается... Сейчас, подожди. Пойду, посмотрю.

Встала с кровати и пошла, легко ступая по полу. Поскрипывают половицы. Сухо треснула, открываясь, дверь.

Уронив голову на подушку, Вася протянул руку и обнял брата, прижался и закрыл глаза. Шаги все ближе и стихли. Наклонившись, она всматривается в его лицо. Вася лежит неподвижно, не открывая глаз и ровно дыша. Он чувствует на своем лице дыхание матери. Поправила одеяло и подошла к девочкам. Потом пошла обратно. Осторожно прикрыла за собой дверь.

Легла она, снова коротко пошептались. А немного спустя в тишине, без слова, без вздоха, стали доноситься такие звуки, словно встали они на кровати и прыгают на ней.

Вовсе изумился любопытный Вася. Очень странный этот шум, и странное все поведение их. Выскользнув из-под одеяла, он свесил ноги с кровати и стал осторожно вставать на пол. Решил подкрасться и подсмотреть незаметно.

Лежа на боку и сложив под щекой руки, хитрая Лидочка холодно и внимательно наблюдает за ним. В щель она еще год назад смотрела.

Но как только Вася встал с кровати, то взвизгнула, выпрямившись, продавленная прежде его весом железная панцирная сетка. А под ногой доска предательски скрипнула.

И сразу там стихло, там услышали. Вася на мгновение замер, а потом, не стараясь быть тише, а нарочно громко пошел на кухню, словно только что проснулся. На табурете стоит ведро, накрытое крышкой. На крышке перевернута вверх дном эмалированная кружка. Взяв ее, он зачерпнул воды.

Сзади слышны тяжелые шаги. Не зажигая свет, отец вошел на кухню и спокойно спросил:

— Ты чего?

С кружкой в руке Вася, притворяясь, произнес сонным голосом:

— Я попить захотел.

— А чего стоишь? — сердито проворчал отец. — Пей!

Поднеся кружку к губам, Вася стал цедить сквозь зубы холодную воду. Выпив, поставил кружку, молча ушел. Проводив его взглядом, отец прошел к столу. Присел, погладил рукой голую грудь и закурил. Плюнул в помойное ведро и усмехнулся, вспомнив своего давнего приятеля, которого спустя много лет на днях случайно встретил в городе.

— Эх, земляк! — горестно качал тот головой. — У тебя волосы седеть начали, Петя? А помнишь, каким ты был? А теперь что от того симпатичного мальчишки осталось? Не следишь за собой. Или у тебя условия жизни вредные?

— Жена вредная досталась.

— Да? А я ведь тоже по молодости за Верочкой ухаживал. Это если бы я тогда на ней женился, то я бы тоже сейчас седой был? Должна Верочка меня помнить. Привет ей от меня передавай!

Он смотрел на него и не верил своим глазам. Перед ним стоял и дико смеялся, зло сверкал глазами и хрипло кашлял неопределенного возраста ублюдок без волос и зубов.

Когда он дождался, что все дети засопели, и снова залез в кровать, то на этот раз она молча широко расставила согнутые в коленях толстые ноги. Он лег на ее мягкий живот, проник в нее и почувствовал, как она обхватила его. Его темные худые волосатые ноги, ее белые гладкие тяжелые ляжки. В темноте она улыбнулась. Подняла колени, судорожно сжала пальцы ног, зацепив ими простынь. С гримасой на лице, вздрагивая, он ронял в нее клейкие капли.

В эту ночь Петр Сергеевич и Вера Ивановна зачали младшего сыночка Ванечку. Спустя положенный срок была боль, муки, стенания, разверзнутое мясо, вывернутые кожные складки, извержение пузырящейся жидкости, и появился на белый свет красный, липкий, скрюченный, сморщенный, в слизи, в жирной сырной смазке, и пронзительно закричал...

II

Ярко светит солнце. На ветке висит спелое золотое яблоко. В нем червяк живет своей особенной жизнью.

День выдался дивный. Яркий, нарядный, блестящий всеми красками. От земли, от деревьев, от прораставшей травы и цветов, от зрелых плодов шло пьянящее очарование вечной жизни. Это был один из тех дней, когда выйдешь из

дома, и все тебе кажется прекрасным. Настоящая благодать земная. Запахи и звуки...

Выйдя на крыльцо, Вера Ивановна стала сплетать из темных тяжелых волос клубок на затылке. Подняв вверх полные руки, зажала в зубах металлическую заколку. На ней было легкое платье с короткими рукавами, которое плотно охватывало ее крепкое тело. Ткань ситцевого платья распирала тугие груди, полные еще незрелым молоком. Под подолом сливочно желтела кожа толстых голых ног.

Солнце заливало все жаркими ослепительными лучами. Густые тени отступали в углы двора. Темнели маленькие грязные оконца сарая и амбара. А все вокруг было наполнено праздником зрелища невиданного, фантазией радости. Во всей природе чувствовалось неповторимое таинство воскресения и дыхания жизни.

Она зажмурилась, прикрыла ладонью глаза и улыбнулась. Весь мир показался ей в этот момент счастливым и беспечным. Бурное и острое чувство полноты жизни переполняло ее. Новый мир добра и тепла, блаженства и ласки. Не было в нем человеческих страстей и трагедий. А все было только неудержимой игрой, веселым вихрем.

На кровати лежал на расстеленных пеленках голый Ванечка. Дрыгая руками и ногами, он ворочал глазами и часто дышал. У него еще не прошла желтуха, какая бывает у новорожденного в первые дни, и кожа его была особого лимонного оттенка. На левом плечике белела папула от прививки. Подсыхающая пупочная культя была замазана бриллиантовой зеленью.

Рядом сидела Лидочка, которую мать оставила приглядеть за ним. Она серьезно смотрела на него и иногда осторожно поправляла под ним пеленки. С криком подбежала Машенька и уткнулась ей в колени. Схватила и накинула себе на голову чистую пеленку и замерла, показывая этим, что она спряталась и ее надо найти.

— А где Машенька? — утомленно вздохнула Лидочка. — Куда она спряталась?

Накрытая пеленкой Машенька стояла молча и неподвижно. Она затаилась, и только легкое дыхание тихо шевелило ткань на ее лице.

— Вот она! — сказала Лидочка и сдернула пеленку с ее головы.

Озорница звонко расхохоталась и стала бегать по комнате. Но вскоре, остановившись и накинув на себя пеленку, она снова замерла.

А вдоль стены к кровати медленно подбиралась слепая старуха. Лидочка поднялась навстречу и, взяв под руку, подвела ее.

С трудом опустившись на колени перед кроватью, старуха протянула к теплому шевелящемуся Ванечке тонкие коричневые руки с вздутыми венами. Она тронула его узловатыми пальцами с плоскими когтями и потянула воздух крючковатым острым носом. Все дряблые мускулы ее закопченного лица вздрогнули. Раскрылся беззубый рот, из которого дурно пахло. Заворочались вылинявшие и бесцветные глазные яблоки.

Ванечка замер, перестав дрыгать ногами. Он долго пристально смотрит на нее голубыми глазами и не отводит взгляд. И было в этом нечто торжественное и страшное. В том, как грубые черствые руки с перепончатой кожей прикоснулись к младенцу. По сморщенному копченому лицу проползла ужасная улыбка. Это было словно встречей жизни начавшейся с жизнью конченной. Ванечка серьезно и строго смотрел широко раскрытыми глазами. В нем, как в каждом ребенке, с момента рождения были все добрые дела и все подлости, которые он совершит позднее.

Разыгравшаяся неугомонная Машенька тянет бабушку за руку, и они вместе падают на кровать:

— Давай повалеяемся!

Слепая старуха громко смеется. Машенька пыхтит, перелезает через нее к стене и приказывает:

— Подвинься!

Обняв и поцеловав внучку, старая вздыхает с улыбкой:

— Ой, хорошо-то как, Вася!

— Я не Вася! — удивленно поправляет ее Машенька.

— Все равно хорошо! — из слепого глаза по щеке скатывается слеза.

А за окном жарко парило солнце. На деревьях, спрятавшись в густой листве, радостно щебетали птицы. Отчаянно билась муха о стекло, за которым был цветущий сад.

Этот сад примечателен тем, что на него узкую рыбью пасть разинул глубокий овраг. Забор стоит прямо на краю и сразу за ним словно страшная рана в земле. В стене оврага извиваются толстые волосатые корни. Дно его за-

валено мусором и темно. Старый клен склонился и закрывает его своей густой кроной.

В траве лежит много опавших яблок. Они в полуденной тишине глухо шлепаются о землю. Под одной из яблонь стоят несколько наполненных ведер. Рядом в кучу собраны гнилые, коричневые, с белым пузырчатым налетом.

В тени деревьев стоит растрескавшийся высохший стол, на котором в луковой шелухе валяются ножницы, осколок шлифовального круга и гвозди. На лавке, лежа на старых стоптанных туфлях, спит кошка. Подойдя, Петр Сергеевич грубо спихнул ее. Она потянулась и пошла между кустов черной и красной смородины.

— Мы когда в город поедem? — сердито спросила отца Лидочка. — Ты давно обещал.

— В город с кривыми ногами не пускают. Из автобуса только вышла, там сразу смотрят.

Качались ветви яблонь, и в густой кроне мелькали тени и блики. Из летней кухни пахло жареным луком. По дороге проехал грузовик с солдатами.

— Что там у них случилось опять? — спросила Вера Ивановна, вытирая руки. — Зачем они приходили?

— Присили дома сидеть.

— Придумали тоже. Мне на почту надо сходить.

— Сходи... — угрюмо сказал Петр Сергеевич. — Может, тебе по дороге башку отвернет кто-нибудь.

— Ты чего бурчишь? — она смерила его взглядом. — Холодный, как крокодил голодный. Что случилось? Нормально можешь сказать?

В огороде среди зеленой картофельной ботвы, словно часовые, стоят высокие подсолнухи. Они склонили тяжелые плотно набитые семечками головы с желтыми гривами лепестков. Вдоль забора растет кукуруза. Их початки туго завернуты в жесткие листья, в мыло липких ниток.

Высоко в небе медленно пролетает серебристый самолет, оставляя белый вихревой реверсивный след. Подняв голову, Вера Ивановна смотрит на него и представить не может, что в этот самый момент из иллюминатора смотрит вниз ее любимая актриса. А здесь на земле из кустов неожиданно выскочил, споткнулся и упал Митя. Перескочив через него, Вася побежал с криком:

— Смотрите туда!

Позади них молча бежал маленький, как карлик, хотя старше их соседский мальчишка. По имени его никто не звал. И среди детей, и среди взрослых за ним давно закрепилась кличка Хитрый.

Со стороны кладбища доносилось нараставшее рычание моторов. Бежавшего по полю бритоголового человека в черной одежде догоняли милиционеры на мотоциклах. Когда его окружили, то такой оказался ярый, что они вчетвером не сразу смогли с ним справиться. Он сам кидался на них, зверино оскалившись:

— А-а, оперсосы гнойные! Всех на свастику порву! У-у... суки распрое... Тьфу! — плевался кровью и хрипел, ослабев от борьбы, он злобно смеялся: — Во волки!.. Ну, вы бакланы!..

Сидя на нем, пыхтя, придавив его коленями, застегнули на его руках наручники. Потом встали покрасневшие, тяжело дыша, медленно заправляясь и отряхиваясь. Весь в налипших колючках репейника, он дрожал и глухо рычал.

Вся семья стояла у забора и молча смотрела далеко в поле. Когда вдруг в тишине они услышали за спиной резкий треск и шорох, все удивленно обернулись и оцепенели. Хрипло дыша, пригибаясь, перепрыгивая через высокие кусты, молча скакали черные тени, как саранча. В черных ватниках. Под глухой топот тяжелых сапог. С хрустом ломая ветки. Перепрыгивая через лавку, на которой безмятежно сидела слепая старуха. Перепрыгивая через сидящую на земле маленькую Машеньку. Длилось это всего лишь мгновения. За последним уркой громко хлопнула калитка. Лишь дрожали кусты смородины и покачивались ветви яблонь.

Но когда они бежали, один из толпы повернулся и улыбнулся. Эта наглая улыбка внушала необъяснимый ужас. Это было то страшное из детства бледное рыло. То, которое с усмешкой всю жизнь наблюдает за нами из темной комнаты. То, которое первым с любопытством заглядывает в детскую колыбель и последним пристально смотрит в глаза умирающего.

Все стояли пораженные увиденным. Долго никто не мог двинуться с места.

В полной тишине, сорвавшись с качающейся ветки, медленно полетело вниз, переворачиваясь в воздухе, и оглушительно ударилось о землю золотое яблоко, внутри которого

прежде безмятежно жил червяк. Отскочило, через треснувшую кожу брызнуло соком и покатилося в траве.

III

В железную сетку забора вплетена мертвая ворона с широко раскрытым в крике клювом. Она облезла, высыхает, черные перья на костях висят. Она давно распята здесь на виду для острастки своих обнаглевших сородичей.

В саду деревянный забор проходит прямо по краю глубокого оврага. Лишь в одном месте на уцелевшем клочке земли за забором растет клен. Он раскинул над оврагом тяжелые ветви, в которых шепчется ветер. Как страшно было стоять, держась за заостренные штакетины забора и, перегнувшись, смотреть вниз. В черной стене оврага, которая ниже становилась песочно-желтой, путались мощные волосатые коряги корней старого дерева. С каждым годом клен все больше наклонялся в сторону оврага, он вздыбил землю позади себя, приподняв забор и куст смородины. Дно оврага усеяно хламом, тряпками, костями, прохудившимися ведрами.

Подойдя к столу посреди сада, Петр Сергеевич столкнул спящую на лавке кошку и сел под выкрашенными извесьтью яблонями. Наточив бруском ножи и протерев тряпкой стол, он молча скоблит рыбу и бросает в большой алюминиевый таз. Гудящий рой мух вьется над столом. Они облепили все, и ходят суетливой толпой по окровавленным рукам старика. Он время от времени взмахивает ими, иногда раздраженно бьет мух. Над столом разом негодующе поднимается жужжащая туча.

По руке старика на четырех ногах шагает и потирает руки серый самец с желтым брюшком. Остановился и стал чистить крылья. На мохнатых ногах у него когти и присоски. У него огромные глаза во всю голову, которыми он видит даже то, что происходит у него за спиной. Он видит, что рядом села самка.

Откладывая после каждой такой встречи по сотне яиц, за свою жизнь она могла бы стать мамой для пары тысяч мушек. Наклонив головы, они опустили толстые хоботы в каплю крови. В этот момент страшный шлепок расплющил их.

Поморщившись и смахнув останки мух с локтя, старик отгоняет от таза кошку. Некоторое время она в стороне

сидит и смотрит, но каждый раз, мягко переставляя лапы, снова возвращается.

Неожиданно на лавку вспрыгнул черненький вертлявый кобелек Валет, добродушно виляя хвостом. Выругавшись, Петр Сергеевич локтем толкнул и его.

Прислонившись к стене бани, взрослая дочь грызет семечки. Подняв на нее лицо с налипшей чешуей, продолжая скоблить лезвием рыбу, он спросил:

— А ты что стоишь? Давай садись рядом.

— Ой, батя... Отвали ты! — усмехнулась Машенька и скинула с плеч на спину густые волосы. — Какая рыба в три часа ночи?

— А жрать потом первая прибежишь?

— Конечно! — вскинув брови, удивилась она. — Жрать-то я люблю. Я только чистить не люблю.

— Болтаешь много. Садись давай!

— Каждому свое. Сапоги чинит сапожник, пироги печет пирожник. Рыбак рыбой занимается. Я к тебе не лезу, чтобы не мешать.

— Эх и язык!.. — качает он головой.

— Папенька, я ведь вредная. Мне лучше сразу уступить. Я сама никому не уступаю.

Петр Сергеевич в очередной раз шугнул ногой от таза кошку Глашу и пса Валета. Они сидят рядом вместе и смотрят. У обоих глаза умные и жалобные. Она сидит неподвижно, потом начинает умываться. Он тихо скулит и нетерпеливо перебирает лапами.

На столе отдельно от облепленных мухами кишок и голов извиваются длинные ленточные черви. В этой куче плоские белые и желтые ленточки шевелятся и запутываются. Расплетаясь, развязываясь из узелков и бантиков, они расползаются в стороны. Одна ленточка доползла до края стола. Петр Сергеевич подцепил ее ножом и бросил к остальным.

— А где пионер?

— Откуда я знаю? — пожала плечами Маша и вытерла рукой губы. — Я что за ним следить нанималась?

Сверху с чердака в щель между досок на них внимательно смотрит выпученный глаз. В солнечных лучах прорезающих чердачный мрак светится летящая пыль. Тихо забившись в угол, Ваня спустил штаны и приставил ученическую линейку к кривому и опутанному вздувшимися венами половому члену. Услышав, что его зовут, он вздрогнул и притаился.

Потом он снова осторожно прижимает глаз к щели и смотрит на голубятню, в которую брат Митя не разрешает без его разрешения даже зайти. Но недолго осталось ждать, потому что Митя скоро уходит в армию.

Как в чудесном сне Ване представляется его собственная необыкновенная голубятня. В ней шумной пестрой толпой толкаются у его ног все голуби, виденные им на картинках и знакомые лишь по рассказам старых голубятников. Башкирские спартаки, николаевские тучерезы, ростовские трясуны, воронежские цыгане, смоленские грачи, ярославские гривуны, московские чистые, краснодарские бойные, индийский королевский и китайская ласточка, спортивный рябой и спортивный сизый, кишиневские и крюковские, одесские и тульские, бакинцы и казанцы, шиммели, турманы и барабанщики.

Во тьме в клетках сидят голубиные пары. Воркуют, издавая нежные, дрожащие звуки. Смотрят выразительными глазами, металлическим блеском переливаются их перья. Бурные, красные, белые, ржавые, серые, сизые, бронзовые, чубатые. Одни крупные и крепко сложены, другие грациозные и стройные. О проволоку клетки трут клювами с крючком, просовывают четыре пальца с ногтями. Шорох передергиваемых крыльев. В урчащих желудках разбухают проглоченные зерна с толченым стеклом. Во тьме едва слышны любовное воркование и тихий голубиный смех: «хи-хи-хи!..»

IV

На протяжении веков и даже тридцать лет назад мне в моем детстве объясняли, что если человек заблудится, то начинает ходить по кругу, потому что у него одна нога короче другой. Теперь доказано, что это неверно. При ходьбе люди с завязанными глазами неизменно совершают движение по кругу, также как рыбы во время плавания и птицы во время полета. Все животные ведут себя одинаково, в том числе и такие микроскопические существа, как амёбы. Все живое обречено двигаться по кругу.

В доме моего отца и моего деда всегда был грандиозный зверинец. В хлеву жевали сено корова и теленок. За стеной постоянно требовали помоев в свои кормушки свиньи, под ними между досками пола видны были бегающие крысы. По двору бродили петух и куры, шлепали ластами

гуси. На солнце грелась кошка, в тени кусала на себе блох собака. В клетках сидели кролики, на крыше хлопали крыльями голуби. Иногда мимо ворот проходил запряженный в повозку смеющийся конь.

Все мы, однажды перешагнув порог родного дома, отправляемся в путешествие. На этой дороге у всех будут счастливые и трагичные дни. Философы говорят, что глупая голова делает этот путь легче. Один на своем пути никогда никому не подаст руки. Другой будет подавать милостыню и всегда оглядываться, чтобы убедиться, поклонились ли ему. Всем на обочине этой дороги однажды попадется лежащий дохлый осел. Как он лежит здесь тысячи лет, гниет и воняет.

Здесь в золотоколосьной русской пустыне между землей и небом проходила бесконечная эта дорога, которая в одной стороне за горизонтом начиналась и в другой стороне за горизонтом заканчивалась. Она была похожа на все серовские и перовские, репинские, васнецовские, суриковские и верещагинские дороги. «Хрустальная дорога» и левитановская Владимирка. Ужас русских равнин для иностранцев, где туманы и снега, заставы, кабаки, придорожные часовенки и безымянные могилы, босые ноги бродяг, усталые лошади, музыканты, богомольцы, новобранцы на войну, переселенцы в поисках лучшей доли, крестные ходы, ямщики на лихих тройках, арестанты в кандалах, почтовые кареты, офицеры с важными донесениями, нищие, пьяные, гонимые, отчаянные и отчаявшиеся. Здесь перед обглоданными человеческими костями и кружащимися воронами останавливался в раздумье на распутье русский витязь, и летним днем безмятежно спал мальчик.

Много лет спустя Мария после развода с первым мужем впервые привезет бабушке из далекого заполярного города свою маленькую дочку. Однажды на кухне будет готовиться обед. Вера Ивановна будет резать капусту и косо поглядывать на сидящую рядом внучку.

— Настенька, о чем ты думаешь? — вкрадчиво спрашивает Вера Ивановна.

— О жизни.

Бледная Настенька никогда не улыбнется, сидит молча одна и не играет с другими детьми. Жалко смотреть на нее. Вздохнув, Вера Ивановна протянула руку к куче овощей, начищенных для супа на большую семью:

— Морковку хочешь?

Подняв голову, тихая внучка посмотрела на нее и неожиданно сказала:

— У нас дома моркови до хера. Я ее столько съела за свою жизнь.

— А что я тебе еще дам? — обиженно насупилась старуха. — У меня больше нет ничего. Тебе конфеты надо? Набаловали родители.

— Я конфеты не ем. От них зубы портятся.

Старуха с изумлением слушала слова умной внучки, которая с тоской смотрела в окно.

— Как жаль, что детство кончилось.

— Кончилось? — Вера Ивановна от неожиданности даже перестала заниматься своими делами и встала посреди кухни, вытирая руки. — А взрослому разве плохо? Делай, что хочешь.

— Ребенком лучше. Забот меньше... — задумчиво рассуждала похожая на куколку чистенькая девочка.

— А у взрослых какие заботы?

— Приличного мужчину в наше время не найти.

— О, Господи! Вот не думала такое услышать. Кто это тебе все рассказал?!

— Бабушка, я хотя и не такая старая, как ты. Но тоже понимаю о жизни.

— Слышь, ты, коза, давно мы полы не мыли.

Настенька молча посмотрела на нее, медленно сползла со стула и тихо пошла из кухни. Провожая ее взглядом, Вера Ивановна покачала головой.

Пройдет совсем немного лет, и эта Настенька, за всю жизнь ни одного дня нигде не работавшая, будет жить на обратной стороне Земли в доме с прислугой, похожем на дворец. Это ведь тоже своего рода невероятное превращение.

Когда обед был готов, бабушка позвала умную внучку к столу. Настенька долго смотрела, как над тарелкой поднимается пар, как в горячем красном растворяется холодное белое пятно, и осторожно начала размешивать его ложкой.

Детские впечатления самые сильные. Давно известно, что в жизни человека важное значение имеет место, где он родился и вырос. Вид на окрестности из окна родного дома. Все то пространство, что окружало в детстве, формирует характер.

Вокруг были бескрайние поля. Они были желтыми или зелеными, белыми или черными в зависимости от времени года. Лишь далеко темнел лес, за которым медленно текла великая река. В одной стороне виднелось кладбище, в другой стороне возвышалась тюрьма для опасных преступников. Между ними пролегла дорога, по которой редко проносились автомобили. Таким был мир, в котором проходило детство. Таким для многих он оставался все годы юности.

Зато ребенку здесь почти невозможно было остаться в одиночестве. Весь день дети проводили вне дома и были предоставлены сами себе. Они рано становились развиты не по годам. Вечно в ссадинах и синяках, они проводили все свое время в играх и озорстве, отвлекаемые родителями лишь на выполнение различных хозяйственных дел. Но эти домашние дела тоже были тяжелы и еще больше укрепляли их. Кроме того, они становились если не умны, то хитры и сообразительны не возрасту. Хотя их сообразительность заключалась прежде всего в том, как бы стянуть что-нибудь с соседского двора или сада. Но в этом они становились до такой степени ловки, что порой вызывали у взрослых изумление. Наказание они переносили легко, и почти сразу были готовы к новым шалостям и проказам. Но они рано получали также разные практические знания и умения. Рано становились если не дерзкими в разговоре со старшими, то точно не испытывали никакого стеснения. Едва научившись говорить, они сразу сыпали отборными ругательствами.

Казалось, что такая бедная и простая, но спокойная жизнь должна здесь продолжаться вечно. Все это представлялось естественным, и этот порядок казался нерушим. Но это был мир уходящий, и ему предстояло разрушиться на моих глазах.

АВГУСТ

I

На берегу реки растет лес, в котором много кустов с ягодами и диких трав. Под сосной и осиной, кленом и жимолостью, ивой и рябиной цветут шиповник, акация и волчья ягода. Душистое яркое многоцветие создают ароматы и краски одуванчика, донника, душицы, вереска, мяты, зверобоя, тысячелистника и шалфея. Здесь много глубоких темных оврагов. На холмистых обрывистых заливных лугах в

изобилии растут тмин, анис, колокольчик, чертополох, ревен, повилыка, мышиный горох, репейник. Но сейчас приближается осень, все отцвело и умирает. Пчелы кружат здесь с пустыми корзинами.

Глухой забор защищает пасеку от холодных и сырых ветров. Под яблонями в тени стоят улья. В тихом безлюдном месте вдали от проезжих дорог и пастбищ, жилых домов и скотных дворов.

Здесь и сейчас происходит трагедия, достойная пера Шекспира. Происходит безжалостное избие и изгнание трутней. Так пчелы поступают со своими самцами всегда в конце лета. Толстые и неуклюжие, большеглазые трутни совершенно незащитны. У них нет даже жала. Разозленные самки кормили и терпели их полгода, а теперь безжалостно кусают и жалят их, прогоняя из пчелиной семьи. Все лето они ели втрое, в близость с единственной полноценной самкой вступал один из сотни, выходили гулять и не выполняли никакой работы. Наверное, им казалось, что так будет всегда. Но очень скоро в живых не останется ни одного из них.

Наступит осень, пчелы запечатают воском вход в улей. И до весны там будет только женское общежитие.

Начинался рассвет. Избитые жалкие трутни лежали у входа, надеясь проникнуть обратно. А рядом на земле лежало такое же безжалостно избитое человеческое тело.

Хлопнула дверь, из дома торопливо вышли двое мужчин, сели в машину и уехали. Внутри автомобиля билась о стекло пчела. Еще никогда она не отправлялась за нектаром так далеко. Она попала прямо на свадьбу, где было много сладкого.

Раскатисто лопнул хохот, громко играет веселая музыка. В ряд составлены разные по высоте и ширине столы, накрыты непромокаемыми клеенками, заставлены блюдами.

Бабушка Валя, старуха Негодяева, шамкает беззубым провалившимся ртом и берет рюмку. У нее ярко накрашены глаза и губы, на шее висят красные бусы. Ее маленькое сморщенное коричневое лицо похоже на гнилое яблоко.

- Она водку пьет? — слышится удивленный шепот.
- Она столько выпьет, сколько ты не унесешь.

Серьезный жених сидит во главе стола. В черном пиджаке, в белой рубашке. С шеи на грудь сползла серой че-

шуйчатой расцветки рыбина галстука. Он обнимает за плечи смущенно улыбающуюся невесту.

Пчела медленно летит над гостями и наблюдает. Локтем толкнули в бок, под стол полетела тарелка. Поправляя платье на плечах, она презрительно кривит губы:

— Кстати, о птичках. Видела я жену его новую. Ничего в ней особенного. И с чего ты взяла, что она симпатичная?

— Она все-таки молодо выглядит. Для своих лет она хорошо сохранилась.

— Я не знаю. Может быть, ты ее видела, когда она только что из холодильника вылезла?

Его не пускают к столу. Он достает и бросает на поднос деньги. Выпивает протянутую рюмку и притворно возмущается:

— У меня у самого семья, я не могу всю получку тут у вас оставить. Меня жена домой не пустит.

— Вино пей, жену бей, ничего не бойся. Жену бей, так щи вкусней.

— Народу больше, чем людей. Вчера, по-моему, меньше было.

Молодая женщина незаметно смахивает со щеки слезу и с упреком говорит:

— Вместо того, чтобы поумнее быть. Ты мужчина, возьми и уступи.

— Ага. С какого тебе уступать? Только потому, что ты бестолковая? — глухо ворчит он. — Я тебе сколько раз говорил? Думай сначала головой!

Окна широко раскрыты, но в летний полдень все равно душно. Снимают пиджаки, расстегивают пуговицы, закатывают рукава, обмахивают покрасневшие лица. Мокрые губы брызжут слюной:

— Слышь, ты, тундра? Ты когда нажрешься? У тебя одна морда сорок килограммов весит!

— Слушай, будь другом, сделай так, чтобы я тебя искала. Не порть людям праздник.

Вскочив, бабушка стала отплясывать и запела неожиданно звонким девичьим голосом. Смеясь окончанию скабрезной частушки, родственники пытаются ее урезонить:

— Угомонись ты, эй! Впервые на арене без намордника.

За спиной молодоженов над швейной машинкой на стене висит зеркало. На золоченой раме сидит пчела и смотрит на происходящее всеми своими пятью глазами. Повора-

чивает голову со ртом и усами, с двумя большими глазами по бокам головы и тремя маленькими на лбу. Если бы человек мог посмотреть вокруг глазами пчелы, то ему представилась бы совершенно иная картина.

Великие импрессионисты отказались от четкого контура, изображения людей и предметов у них стали расплывчатыми. На их картинах краски были очень яркими, они старались получить больше оттенков. У пчелы острота зрения гораздо хуже, чем у человека. Зато красок в пчелином мире вдвое больше. Мир человека бледен. В окружающем нас мире есть яркие краски, о которых человек представления не имеет.

То, что видела пчела, было картиной размытых насыщенных ярких пятен. Таким был мир Ренуара, Дега, Моне и Мане. Кроме того, пчела оказалась на свадьбе. Картины импрессионистов показывали лишь приятные мгновения жизни, они всегда изображали людей во время веселья и отдыха. Они никогда не показывали позорные и некрасивые стороны жизни. Клод Моне или Эдуард Мане могли бы изобразить глазами пчелы ее любимую пасеку, но без убитого пасечника.

— Что у вас в городе девок мало? — улыбается, смущенно прикрывая рукой рот, в котором недавно вырвала зубы. — Зачем она ему нужна?

— А я ему сказала, что татарку только попробуй приведи. В квартиру не пуцу.

— Вот женится, родит внучонка. Еще сама к ним бегать будешь нянчить.

— Прямо! Татарчонка сразу в мусоропровод выкину.

Вытерев губы, лезет обниматься к сидящей рядом капризной девице с пышной прической:

— Дай обниму! Дай поцелую!

— На! — морщится на просьбы настырного кавалера. — Что я тебе не даю разве?

— Так ты тоже ко мне потянись поласковее. А то сидишь хмурая, как макака в клетке.

— Сам ты! Оно мне надо?

Над столом поднята волосатая рука и на жениха указывает толстый палец:

— Он утром мимо меня идет, а у него цзынь-цзынь-цзынь... Я сначала не понял, что такое. А это у него яйца звенят... Потому что пустые!

Он икает и тяжело вздыхает. Потом с горькой усмешкой качает головой и спрашивает:

— Ему сколько лет? Он старше тебя? А такой баламут! Он где сейчас шакалит?

— На колхозном рынке в старом городе.

Подошел незнакомец, наклонился и внушительно прошептал прямо в ухо:

— Родной, а тебя там зовут.

— Кто зовет? — смеясь, повернулся, увидел обращенные на него строгие лица и мгновенно побледнел.

В углу юноша с желтой кожей и красными глазами тихо жалуется:

— Я могу сказать точно, как и когда, в какой день и час это началось... — он снова начинает рассказывать новым слушателям про свою странную болезнь. — Сидел себе спокойно, вдруг почувствовал, что мне плохо. И с тех пор мне постоянно плохо. Столько анализов сдал, всего обследовали. Врачи говорят, что я здоров. Но я ведь чувствую.

Он отвернулся и смотрит в окно. Потом достает из кармана таблетки, глотает и запивает сладким компотом.

— А это что за лекарства ты пьешь?

— Просто витамины.

А двор в это время был полон милиционеров. Им предлагают выпить за молодых, требуют деньги с них. Все сначала подумали, что это сослуживцы пришли. Гости приглашенные шутливо возмущались появлению гостей непрошенных.

Медленно вращаются бобины магнитофона, прокручивая магнитную ленту. Вздрагивает диафрагма, передавая дрожание человеческих голосовых связок, звон струн, грохот барабанов. Но магнитофон вдруг смолк, оборвав песню на полуслове. Тишина наступила. Ничего не объясняя, посадили всех за праздничный стол и начали вкрадчиво расспрашивать:

— А где он вчера был?

— Как где был?! — воскликнули все удивленно. — Здесь на свадьбе со всеми.

— Все готовы подтвердить?

— Конечно!

Бабушка Негодяева неожиданно сильно толкает в грудь изумленного милиционера, едва не свалив его с ног:

— Пусти меня! Дай мне сумку взять! У меня там деньги лежат.

— Сядьте на свое место!

— Ах, ты, падла! Ты мне их потом отдавать будешь?!

А его в наручниках увезли, но многие успели заметить, как сильно он испугался.

— Что случилось?

— Говорят, что на пасеке избили или убили кого-то.

Сбежав от всех, в саду наедине шепчутся две подружки:

— А ты ведь знала!

— Ты обалдела?! — дрожала от страха бледная белокурая девушка перед обвинявшей ее черноволосой и смуглой. — Ничего я не знала!

В этот день пчела смогла вернуться домой, хотя это было не просто. Она подлетела к улью, тяжело нагруженная добычей. У входа жалкие толстые трутни просятся обратно. Их беспощадно жалят и отталкивают от входа. Некоторые лежат закусанные до смерти. Избитые и убитые. Она села рядом под летком и стала отдыхать после трудного пути. Сторожа, защищающие улей от чужих пчел, узнали и пропустили ее. Она осторожно влезла внутрь и здесь начала освобождаться от принесенной добычи. Подруги бросились помогать ей. В это время мимо них медленно прошла матка в сопровождении приближенных. Она точно желала лично удостовериться, что все готово к наступающей осени. Ее поддерживали многочисленные спутницы, которые не переставали оказывать ей различные знаки внимания. Нежно гладили ее или лизали язычком, постоянно поднося ей отборный мед.

На зеленом лугу высоко взмывает в синее небо красный мяч. Слышны крики и детский смех:

— Сидит заяц на заборе
В алюминиевых трусах!

...Душной темной ночью тихо шелестят листья за окном. Серп месяца заволокло тучей, из которой сначала редко, а потом все чаще и сильнее с грохотом посыпались тяжелые капли. Начался дождь.

Катя долго смотрела в окно, потом повернулась и стала смотреть на спящего мужа. Во сне, крепко стиснув зубы, он неожиданно жутко скрипнул ими. При этом лицо его обезобразилось гримасой, со лба на гладко выбритую щеку сползла судорога. «Что это с ним?» — она неприязненно поморщилась.

II

Глаза здесь становятся настолько избалованы, что не изумляются при виде нового чуда. Трудно подобрать слова, чтобы описать красоту местной природы. На лужайках цветут нарциссы и адонисы, лютики и анемоны, офрисы и асфодели, китайские розы и мальвы. Все они поворачивают свои бутоны вслед за движущимся солнцем.

Оливы и смоковницы, мирты и пинии, гранатовые и апельсиновые, миндальные и персиковые, тутовые и лимонные деревья покрыты цветами и плодами. Весь воздух пропитан их нежными тонкими ароматами. Но эти деревья скрывают еще более великолепный вид с высокими скалами и глубокими долинами. Облака лежат ниже за обрывом. Из земли бегут вниз холодные ручьи, они собираются вместе и образуют мощный водопад. Его грохот сливается с грохотом осыпающихся камней в ущелье. Наверху лежит могучий ледник, а внизу цветут вечнозеленые сады.

Теплое море шевелится под жарким солнцем. Склонились пальмы, и ветер со скрежетом переворачивает их жесткие листья. Песчаный пляж у подножия высоких гор.

Мимо плывет белый теплоход. Лишь когда он скрылся за горным выступом, к берегу докатились поднятые им волны. С грохотом накатывается прибой. Пузыри пены лопаются на песке. В зеленой воде неподвижно висят белые студенистые медузы.

Раздался сухой треск, и ветка упала на землю, точно веер, без малейшего дуновения ветра, сломленная собственной тяжестью.

С цепью на ошейнике сидит обезьяна. Серые глаза ее видят прекрасную пару. Высокий мускулистый загорелый итальянец в темных очках принес мороженое. Улыбнулся, блеснув белыми зубами. Сидя в шезлонге, стройная сеньорита в купальнике и шляпе томно рассказывает:

— К общаге подхожу и слышу у подъезда: «Милочка!» Оглядываюсь, баба Валя чешет. Лето, жара, а она в плаще, в резиновых сапогах. Подходит и говорит: «Собирайся, милочка, мой пердун вчера помер, поедем хоронить. Вы ему тоже родственники». Поднялись ко мне в комнату. Я собираюсь, она меня поторапливает. Ходит деловая по комнате в грязных сапогах, руки в карманах. К зеркалу подойдет, повернется, посмотрится и снова: «Быстрей, быстрей давай.

Внизу машина ждет». Спустились вниз, там машина стоит хуже инвалидки. Я таких никогда и не видела. Не знаю, что за марка. Как мы тогда все в ней поместились? Пока ехали, она всю дорогу ну всякую ерунду болтала. Потом только на следующий день до нее дошло, молчком весь день у гроба просидела. А она сама столько себе заказала. В гроб ее положить в туфлях на высоком каблуке, накрасить ее. Две бутылки водки обязательно, самогонный аппарат и кота Барсика. Я говорю: «У тебя гроб неподъемный будет. Кто его понесет?» — «Краном погрузите! Но волю мою последнюю должны исполнить. Я специально в завещании напишу...» Она померла вот недавно совсем, семьдесят шесть лет было. А так до самой смерти носилась, как конь с яйцами.

— А ее где похоронили?

— В Борковке. Где еще? На север к родственникам одна летала. У нее еще психориаз. С нее чешуя постоянно сыпалась. Она когда первое время к ним приезжала, после нее вся квартира в чешуе этой. Анечка бедная с ней замучилась, жаловалась мне. Как ни приедет, после нее надо уборку капитальную делать. Чехую ее из всех углов выметать...

Расстелено покрывало на сером морском песке. В тени под зонтом спит мальчик. Вывернул ручку, сопит, удивленно открыл рот. Под закрытыми веками быстро двигаются его глаза. Словно просматривает бегущие картинки. Рядом лежит раскрытая книга, и ветер переворачивает страницы:

Жил старик со своей бабой Валей
У самого синего моря...

В приложенной к уху ракушке хрипит дыхание глубокого синего моря. Доносятся детский плач из болтающейся на волнах засмоленной бочки. На цепях качается гроб хрустальный, в котором с накрашенным и разодранным кошачьими когтями лицом лежит старуха. Сквозь стекло видно, как по ней и по бутылкам водки на согнутых лапах в тесном гробу ползает и беззвучно разевает пасть одуревший Барсик.

Потом мы долго поднимались по каменным ступенькам вверх к белому санаторию. Внезапно поднялся сильный ветер, и отец взял меня на руки.

Далеко внизу море потемнело, и начинался шторм. Высокие волны с грохотом обрушивались на берег и выбра-

сывали на песок старые монеты. Многие годы их кидали на счастье в море отдыхающие.

III

Он разделся по пояс, обнажил белое безволосое женское тело с раздутым пузом и висящими титьками. Он намеренно ушел в глухой дальний угол большого сада. Здесь он медленно похаживает, поводит полными плечами. Начальник из города приехал к родственникам отдохнуть. Широко расставив толстые ноги, несколько раз наклоняется к земле. Кряхтя, начинает делать зарядку. Услышав сзади странный хрип, он недовольно обернулся, но никого не увидел. Только неподвижные густые кусты под старыми яблонями с выкрашенными известью стволами. Он с досадой потянулся и надел рубашку.

Окна заброшенного дома на краю села забиты досками. В знойный полдень на всей улице не видно ни души.

Неожиданно со двора гурьбой с криками вбегают дети:

— Там в саду Валет лежит и дрожит!

— Он, наверное, заболел сильно!

— Из него прям кровь течет!

Под кустом смородины пес лежит на боку. Дети толкают его, пытаясь играть с ним. Но он против обыкновения не весел и не ласков с ними.

— Отойдите и не трогайте его! — говорит сверху строгий голос.

Каждый отодвинулся на шаг назад. Под кустом смородины лежит на боку и хрипит сбитый на дороге машиной Валет Второй. Задрал голову, поджав и спутав лапы, он дрожит. Сидя на корточках вокруг него, мальчишки молча переглядываются. Пес дышит часто и громко, с резкими хрипами. Грудная клетка в черной шерсти с белым галстуком поднимается и опускается очень быстро. Длинный красный язык вывалился из раскрытой пасти. Он оскалился, обнажив желтые клыки. Его взгляд говорит о том, что он и сам все понимает. Завороженные дети со страхом и любопытством заглядывают в его мутнеющие глаза.

Возле забора стоят две девочки. Старшая зла и хитра, младшая перед ней заискивает. Указательный палец старшей девочки неумолимо направлен вниз. Повинуясь воле

пальца с грязным ногтем, маленькая девочка медленно опустилась на колени и поцеловала ее ногу, высунутую из сандалии. Не поднимаясь с колен, подняла голову и снизу вверх вопросительно посмотрела. Строгая королева снисходительно улыбнулась и разрешила подняться.

Вся летняя кухня завалена разнообразными плодами. Фрукты и овощи, ягоды и листья растений. Все это варится, сушится и солится в невероятных количествах. Наполненные бесчисленные стеклянные банки запечатываются и спускаются по лестнице в холодную яму в саду и в подпол в доме.

На кухне беременная женщина стоит возле горячей плиты. Провинившийся муж стоит у нее за спиной и тихо просит прощения. Она сердито молчит, потом садится за стол, морщит лоб и трет пальцами виски. Резко стряхнув коснувшуюся ее плеча руку, она раздраженно просит:

— Ой, отвянь, а? Пожалуйста, тебя прошу!

В детской кроватке с соской во рту сладко спит младенец. В тишине солнечный луч медленно ползет по стене, по полу, и наконец осторожно вползает в колыбель. Некоторое время ничего не происходит. Но вот младенец пошевелился. Он поморщился и проснулся. Проснулся и закричал.

— А ничего... Да, Катя? — взмахивая сорванной веткой, говорит Маша. — Костюмчик она себе прикупила пестренький такой, симпатичный. Расцветка, как мухи насрали. Что значит вкус у человека есть. Знает, что выбрать, чтобы в огороде копаться.

— Машенька, пойдем, я тебе свой загар покажу? — тянет ее за руку Катя, которая еще пару дней назад лежала на сочинском пляже.

— Куда идти? — засмеялась Маша. — Он у тебя где лежит?

Присев, Катя стала раздевать плачущего сына, и строго погрозила ему пальцем:

— Полз козленок сегодня за конфетами. Я от него специально в шифоньер убрала, так он нашел. Вазу разбил хрустальную, которую мне девки на свадьбу подарили. У-у, сучонок мелкий!

Кусты малины окружают обтянутую черной клеенкой дощатую крытую шифером погребницу. Позади нее на месте прежней бани теперь возвышается куча мусора. На погребнице лежат старые солдатские и офицерские шинели и кители с красными петлицами, фуражки, военные меховые шапки,

кирзовые сапоги. Банки с нитрой и олифой, бутылки с лаком, рулоны толи, листы слоеной фанеры, два ведра алюминиевых ложек и вилок.

Сидя в саду в кустах смородины, они обдирают ветки и ссыпают ягоды в ведро. Зоя рвет и бросает листья отдельно в пакет, чтобы с чаем заваривать. Маша ест яблоко, вытянула и рассматривает свои ноги. Потом, откинув назад голову, закрыв глаза, перебирает свои густые волосы, показывая рваное в подмышках платье.

— Это она мне говорит: «Ты мне подлянку сделала». Я говорю: «Но я ведь перед тобой за то извинилась. Вот гляди, какая ты. Я тебя один раз подвела нечаянно, и ты мне постоянно напоминаешь». Она мне объясняет: «А это у меня организм такой. Кто как ко мне относится, я все помню...»

— Может, она думает, что если у нее брови густые, как у Брежнева, то все ее должны бояться? Это она явно не угадала.

Хлопает калитка, и появляются братья. Дмитрий в спортивном трико и калошах, в самодельном красном вельветовом пиджаке, сшитом из лоскутов. Василий в черном рабочем халате, который весь испачкан известкой, и в кедах на голую волосатую ногу.

Они тоже ушли подальше от посторонних глаз. Убедившись, что рядом никого нет, Дмитрий вынул из кармана толстую пачку мутных фотографий. Василий долго перебирал их с вытаращенными глазами. Прежде он только слышал, но никогда не видел. Свалка мужских и женских тел, которые перемешались так, что и не понять где и что. На переднем плане половые органы сняты крупно.

Вечером, когда стали стелить постели, Лидия подняла голову и ахнула. Весь потолок был засижен комарами. Выставив острые жала, прицепившись острыми крючками на ногах к потолку, они висят вниз головой, смотрят сверху на людей и терпеливо ждут, когда погасят свет.

— Ты глянь! Кто их пустил? Опять дверь открытой оставили? Как сегодня спать будем? Они ведь нас сожрут ночью.

...Утром пыль клубами залетала в железную будку в кузове грузовика, вихрилась, оседала на одеждах и на лицах. В бескрайних желтых полях высились стальные пирамиды с натянутыми электрическими проводами.

Со стороны лимана напоззали тучи. Там вдали виднелась поблескивавшая на солнце вода, строем стояли камыши.

Машина остановилась, но двигатель продолжал работать. Хлопнула дверь кабины. Но в кузове никто не поднялся со скамьи, лишь переглянулись:

— Приехали?

— Погоди. Чего он мотор не глушит?

Глазунов нарочно с такой силой шарахнул по будке, что у всех зазвенело в ушах. После чего раздался его насмешливый возглас:

— Эй, вы, волки! Вылазьте, чего расселись?

Узкий и длинный канал вдали расширялся, разливался в озеро. На берегу его виднелась белая башня насосной станции, огражденная железной сеткой. Темную неподвижную воду трепал ветер, ее местами покрыла пятнами рябь.

— В прошлый раз вы много наловили?

— Мы прошли только туда и обратно. Но все равно почти два мешка.

Присев на корточки, Ваня стал распутывать сеть. Потом разделись и стали ходить вдоль берега по грудь в воде. Дети ждали на берегу, когда они выйдут с трепыхавшейся в сетях рыбой.

Из воды выходили с ногами по колено в грязи. Было холодно, несмотря на яркое солнце. Мерзли на ветру, разговаривали мало. Последних даже поторапливали:

— Хватит, Ваню! Слышь, харэ! Давайте быстрее и поедем.

Я взял в руки рыбу, и в одно мгновение так подробно разглядел ее всю, каждую блестящую чешуйку, красные острые плавники и хвост, удивленный выпуклый глаз и бесшумно широко разрезаемый рот. Но она так сильно забилась в моих руках, что я ее выронил. Упав на землю, она начала скакать, переворачивалась с бока на бок, устремилась к воде. Отец поднял ее и стал расставлять мои пальцы:

— За жабры надо брать. Сюда дави.

Скользкая рыба затихла, слабо виляя хвостом. Я держал ее некоторое время и бросил в мешок. Смело взял другую, но она снова выскочила и поскакала от меня. Растерявшись, я кое-как схватил ее двумя руками, быстро донес к мешку и бросил.

— Маманя, куда заносить?

— В сад несите! — проворчала Вера Ивановна, сходя с крыльца. — В саду, поди, чистить будете?

— Мы ее чистить будем?

— А кто ее чистить будет? — удивилась она. — Мне она сто лет не нужна.

— Мужчина должен принести добычу. У нас, наверное, жены есть? — громко крикнул Дмитрий.

Из раскрытого окна, завешенного марлей, раздались возмущенные голоса:

— Еще чего?! Чтобы от нас потом вашей рыбой воняло?

— А это кто там мужчина, который добычу приносит? Чужой, что ли, кто-то зашел?

Сидя в сених на сундуке, щелкая подсолнечные и тыквенные семечки, Катя задумчиво спросила:

— Вы Люсю Баландину давно видели?

— Что это ты про нее вспомнила?

— Заходила к нам на днях.

— Она к вам является до сих пор? — убрав с губ шелуху, удивилась Lidия.

— Она разве к себе на родину не уехала? — удивилась Машенька.

— Вы про кого говорите? — удивилась Зоя.

— Мы тоже про нее давно ничего не слышали. А это вдруг пришла, торт принесла. Мы сами удивились. Сначала вроде веселая была. Рассказала, как живет с новым мужиком своим. Он у нее мастером на заводе работает. Получает хорошо, не пьет. Потом стала жаловаться, что она его не любит. Что она одного только Витю всегда любила. А его посадили несправедливо за две банки меда. Я ей вроде так возразила культурно: «Не за две банки меда, а за то, что человека убили». Она аж подскочила: «Нет! Это Шутова за то, что убили! А Витю за две банки меда». Потом наревелась, успокоилась. Как уходить собралась, стала извиняться: «Вы простите меня, что пришла. Просто пойти больше не к кому выговориться. К кому еще из знакомых пойду, так мой сразу узнает».

— У нас один мужик рассказывал... — Дмитрий наклонился к ведрам с яблоками, выбрал лучше, ополоснул в бочке.

— Вон с земли бери! — сердито сказал Петр Сергеевич. — Для тебя собирали?

— Приехал к нему корешок армейский, надо отметить. Не нашли ни водки, ни самогонки. А у него знакомая заведующая в галантерейном магазине. Они ей машину разгрузили, она им коробку тройного одеколona дала. Сидят, выпили по несколько флаконов каждый... — говорил он, ку-

сая яблоко и чавкая. — Друг этот ему говорит: «Что-то мне плоховато, живот прихватило, мутит. Пойду-ка я в кусты куда-нибудь спрячусь». Ушел и пропал, долго нет его. Этот даже волноваться начал, пошел его искать. Нашел и видит. Тот сидит, а из него изолента длиннющая лезет. И много ее вокруг него лежит, мотками вот такими... — он широко развел руки.

— Что за изолента? — не понял Василий.

— Бычий цепень. Не веришь? — сплюнув, Дмитрий бросил огрызок на крышу соседского сарая. — Я тебе клянусь, что это на самом деле было. А он еще, знаешь, после этого сразу поправляться стал. До этого он худой был. Прямо, как ты сейчас. А после этого пополнил моментально. Ты случайно не обиделся?

— Я нет, а вот мой цепень очень обиделся. Когда вылезет, смотри, будь осторожен!

IV

Гостиница расположена на склоне горы, к ней нужно долго подниматься по крутой лестнице. За окном нашего номера видна лишь стена из травы, камней и корней деревьев. Сами могучие деревья шелестят листвой где-то там над нами очень высоко. Давно наступило утро. За дверью взошло беспощадное солнце. А за окном темно и прохладно.

В ванной перестал гудеть фен. Запахнув халат, она берет свой телефон и возмущенно говорит:

— Столько пропущенных! Никому не буду отвечать. Все, кому надо, знают, что я в отпуске. Ты почему до сих пор лежишь? У нас на сегодня столько дел запланировано.

Подойдя к зеркалу, она поворачивает в стороны голову, обеими руками поднимая, а потом убирая на затылок волосы, размышляет вслух:

— А мне, кстати, пойдет короткая стрижка. Голова у меня ровная, уши нормальные.

— Неужели? Не может быть.

— Сарказм или ирония?

— Это комплимент.

— Давай одевайся. Комплименты какие-то странные.

— У тебя не может быть обыкновенная голова. У тебя может быть только необыкновенная голова!

Я надел брюки и потянулся за рубашкой. Неожиданно без стука ключом отпирается дверь, входит горничная, но сразу пятится назад:

— Ой, извините, я думала, что никого нет.

Она смотрит на меня, потом переводит взгляд на разбросанные подушки, на сползшее с кровати на пол одеяло и спрашивает:

— А если бы она чуть раньше вошла?

На завтраке мы изумленно наблюдаем за семьей трех толстяков. Весь их стол завален яичницами, сосисками и салатами. Начинаящий маленький толстяк все время порывается вылезти из детской коляски.

— Как можно столько жрать?

— Может, они вчера весь день ничего не ели.

— Да конечно!

Спустившись по узкой тропинке под густыми кронами деревьев, мы вышли на песчаный пляж. Высоко над нами в скале выдолблена пещера или точнее нора, в которой еще сто лет назад жил монах-отшельник.

Как не похожа сегодня река на себя, какой она была вчера. А вчера она была неподвижной. Ровной, как зеркало. Она тихо спала. На дне видны были камни в прозрачной воде. Сегодня волны с грохотом обрушиваются на берег. Темная злая вода бурлит и бесится в мыльной пене.

Под палящим солнцем мы сидим на горячем песке. Она задумчиво перебирает в руках ракушки. Сняв темные очки, спрашивает:

— Ты встречал однолюбков?

— Надо подумать.

— Таких, которые всю жизнь любят одного человека. Я встречала. У меня подружка есть такая. Хотя вообще никто не понимает, что она в нем нашла. Он ни в какой сфере жизни не блещет. Такой очень средний человек. Она умная и красивая, у нее богатые родители. Она раньше всех замуж вышла. Из нас, ее подружек, почти все развелись, а у нее никогда даже мысли такой не было. Хотя он ей повод давал очень много. Она говорит, что любит его.

— Бывает.

— Но она вполне вменяемый человек, она ему тоже изменяет иногда.

— А-а...

Под жарким солнцем нас обдувает сильный ветер, разбрасывает наши вещи. Волны разбиваются и осыпают нас холодными брызгами. Когда она выходит из воды, я восхищенно восклицаю:

— Ты просто Афродита, выходящая...

— Это ты мне вчера говорил. За сутки ничего нового не смог придумать?

Грозно сдвинув брови, я потянулся к сумке и достал нож. С щелчком выскочило и блеснуло стальное кривое лезвие. Я воткнул его в арбуз, и он с хрустом лопнул и развалился на две части.

Эта картина должна быть написана самыми яркими и сочными красками. Улыбаясь, сидя на золотом песке у голубой воды, мы едим зеленый полосатый арбуз с кроваво алой мякотью. А есть еще красные помидоры, зеленые огурцы и зеленый лук, розовая домашняя колбаса, желтый сыр, свежий белый хлеб. Пьем холодный черный квас. Песок хрустит на зубах, песок и соль на ее губах. Мне кажется, что я снова, как когда-то очень давно, молодой и счастливый.

— Счастье от слова час! — шепчет и целует меня.

Потом она смотрит вокруг и вздыхает:

— Только посмотри, какие некрасивые люди! Разве можно так запускать организм? — но сразу спохватывается и сама себе удивляется: — Почему я такая злая? Я ведь добрая!

— Некоторые организмы действительно дико запущены... — вытирая губы, соглашаюсь я. — А ты очень добрая! Добрее я в жизни не встречал.

— Не верю! Опять ты врешь. Собирайся, нам пора ехать.

На окраине мы долго расспрашиваем прохожих. Они удивляются, пожимают плечами, неопределенно указывают рукой куда-то на холмы и долины. За воротами разрушенного механического завода в будке сторожа на столе стоит стакан холодного чая и лежит печенье, над которым кружится оса. На звук моих шагов просыпаются и зевают собаки. Едем дальше мимо каких-то руин. Едем долго. Давно нет никакой дороги. Глушь, тишина, синее небо.

— Меня ведь предупреждали, что на машине я туда не доеду. И сама я его вообще никогда не найду! — в ее голосе чувствуется отчаяние.

Где-то здесь в этой безлюдной местности должно быть старообрядческое кладбище, на котором похоронены ее да-

легкие предки. Приехать сюда и найти его было ее заветной мечтой.

Выйдя из машины, я оглядываюсь вокруг, и мне приходит идея. Долго по кустам я взбираюсь на вершину холма. Сверху, тяжело дыша, смотрю вокруг. Насколько хватает взгляда я не вижу ничего, к чему прикасалась бы человеческая рука. Бесконечно до горизонта холмы за холмами. Высоко в небе парит птица. Растут выше меня желтые цветы. Я хочу сорвать удивительный цветок, чтобы подарить ей. Но двухметровый стебель оказывается крепким, как ствол дерева.

Спускаясь обратно, я останавливаюсь у дикой яблони. Наклонив ветку, сорвал яблоко, вытер и откусил. Оказывается, вот оно знаменитое местное яблочко, которое все так нахваляют. И растет оно не внизу в тенистых садах, а на вершине горы под палящим солнцем.

— Андрей, ты где?!.. — доносится издалека ее голос. — Андрей!..

— Я здесь! Я иду! — кричу я и ускоряю шаг.

Выскочив из кустов, столкнулся с ней. Неожиданно она осыпает меня упреками:

— Как ты мог оставить меня здесь одну? Ушел! Не сказал ничего!

— Я хотел сверху посмотреть, куда ехать.

— Так надолго!

Я растерян и не знаю, как ее успокоить. Я никогда не видел ее такой беспомощной.

— Как ты мог?! — со слезами повторяет она. — Как ты мог меня бросить?!

Не могу вспомнить, чья это мысль, что человеческая грусть есть выражение грусти самой природы. Грустит всякая созданная богом тварь в сказочном саду. Грустит и человек, живущий со всем миром нераздельной жизнью. Трагедия природы в саморазрушении, а выразителем ее тоски является человек.

Эта тяжелая тоска одолевает человека неожиданно в самый прекрасный летний день, в полуденной тиши. Когда как громом паразит старосветских помещиков панический ужас. Жили себе старички в любви и блаженстве, в своем идиллическом мирке. Никакие человеческие трагедии и страсти не проникали извне, и все у них было приятно и спокойно. Пока однажды в прекрасный летний день в этот рай

не проник злой дух под видом тощей драной кошки. Мяу-канье этой серенькой кошечки потрясает воображение Пульхерии Ивановны. Этот таинственный страшный зов среди ясного и солнечного дня. И весь их счастливый мир рушится в одно мгновение.

Я уверен, что каждому приходилось испытывать нечто подобное. Солнечным утром в радостном настроении идти по аллее среди цветущих деревьев и вдруг неожиданно увидеть одно мертвое, серое и высохшее. В недоумении остановиться перед ним. Почему именно оно? Ведь все они одинаково получали влаги, тепла и света. Земля и небо одинаково питали их. Получается, что причина ранней гибели была в нем самом, оно сожрало и сожгло себя изнутри. Сама собой следом приходит мысль, что так бывает и с людьми.

Значительная часть русской классической литературы наполнена описанием невыразимой грусти по ушедшему времени, тоски по прекрасной прежней жизни. Бесконечные воспоминания о некогда милом и разоренном дворянском гнезде, в котором срубаются вековые дубы, приходят в запустение сады, пахнет тиной вода в пруду, как на место прежних добрых слуг приходят новые хамы, а иногда это одни и те же люди, как стены покрывает паутина и плесень, отсюда давно пропали все вещи, даже те, которые не представляли никакой ценности, а были просто дороги и милы прежним хозяевам, и мертвая тишина царит там, где прежде звенел детский смех. Когда наконец даже вернувшемуся на места своего счастливого детства бывшему хозяину старый дом представляется, словно ископаемый скелет, принадлежащий давно вымершему животному. Так, что непонятно, как оно вообще жило. И не верится, какая жизнь, полная простоты и прелести, проходила здесь когда-то. Когда все жили общими заботами, под общий смех и общие слезы. Все это остается лишь как одно светлое трогательное и поэтому еще более болезненное воспоминание.

Очень давно в такой же августовский день в конце лета в альпийских горах странствовал поэт, ученый и министр германского княжества, переживший перед этим тяжелую болезнь и любовную неудачу. В его ведении находились прокладка дорог и набор рекрутов, государственные финансы и горнорудные проекты. Изучая в горах геологию и ботанику, он позже сделал в этих науках важные открытия. В свободное от научных и государственных дел

время он сочинял стихи и прозу. Позже он признавался, что изложение своих страданий на бумаге облегчало его душу. Всю жизнь он был подвержен приступам самой черной меланхолии и часто думал о самоубийстве. В эти дни он встретил свой уже тридцать первый день рождения, а жить ему еще оставалось всего лишь пятьдесят два года. Находясь на вершине Гикельчана, в эти последние дни лета 1780 года он остановился на ночлег в охотничьем домике и там написал на стене свою знаменитую «Ночную песню странника». Одно из самых известных его стихотворений, в оригинале состоящее из двадцати четырех слов, в лучшем русском переводе уместившихся в скупые восемь строчек, заканчивающееся словами, полными утешения:

— Подожди немного,
Отдохнешь и ты!

Стояли последние безоблачные дни. В моем доме на горячей плите в огромном алюминиевом тазу пенилось и булькало яблочное варенье.

Наступала осень...

ОСЕНЬ

Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плед зеленый.

Блок.

СЕНТЯБРЬ

I

За высоким забором с фонарями и колючей проволокой можно увидеть лишь крыши лагерных бараков. На караульной вышке в любую погоду днем и ночью, укрытый капюшоном, стоит и внимательно смотрит часовой. У него в руках смертельное оружие, всегда нацеленное на людей в одинаковой черной одежде. Даже когда они спят.

От кирпичного завода, на котором работают осужденные, дорога мимо лесов и полей тянется бесконечно далеко. Через русские и татарские, мордовские и чувашские деревни и села. В дали трудно различимы заводские корпуса промышленной зоны, дачи и старый город. Трубы химического завода сшиты с небом нитями, которые сначала узкие и темные, а выше расширяются, становятся вихрастыми и светлыми, вращаясь в облака. Ночью только в той стороне горят электрические огни и газовые факелы. А старое кладбище далеко в поле в противоположной темной стороне.

На улице Октябрьской фонарей нет совсем. Поэтому как погаснет последнее окно, так все погружается во тьму. На фоне неба выделяются лишь трубы на крышах домов и крестообразные мачты, возвышающиеся над голубятнями. Полнейшая тишина, непривычная городскому жителю. Редко если залает собака, а другая ее поддержит. Или еще послышится смех, игривый девичий визг. Чирк-

нув, вспыхнет спичка, осветит улыбающееся лицо с сигаретой в губах.

— Эй, чушок! — неожиданно с напускной строгостью восклицает Митя. — Чушонок!

Из темноты не сразу доносится раздраженный голос:

— Чего надо?

— Слышали, откликается! — хрипло булькает смех, падает в темноту плевков. — Шнырь помойный.

Льют дожди, летят желтые листья, падает снег. Только вокруг ничего не меняется. Только над всем этим стремительно проносятся годы.

В деревянном сарае, который все называли кабинетом, я помню багровое пятно на стене. Оно было там всегда, и никто не мог вспомнить, как оно появилось. Эта стена в детстве мне внушала необъяснимый ужас. С тех пор прошло много времени. Я узнал и про другие стены.

Самой романтичной была история про греческую тень. Я узнал, что живопись началась с любовного свидания. Девушка должна была расстаться со своим возлюбленным. Она поставила его так, чтобы луна отбрасывала на белую стену его тень, и обвела эту тень углем. Юноша ушел и погиб на войне, а его тень осталась. Потом эта первая в мире картина будто бы долго хранилась в одном из коринфских храмов.

В замке Вартбург, в Тюрингии, можно пройти в комнату, в которой Лютер, скрываясь от преследования католической церкви, переводил Библию на немецкий язык. Он бросил чернильницей в самого дьявола, явившегося искушать его во время работы. Чернильное пятно на стене до сих пор показывают посетителям замка.

В своих воспоминаниях Конан-Дойл описывает брюхо булочника на стене, а Гюго рассказывает о посещении им тюрьмы для приговоренных к смертной казни. Там он видит преступников в темных погребках за окованными железом дубовыми дверями умоляющих сохранить им жизнь. После этого директор тюрьмы предлагает взглянуть на местную достопримечательность и показывает два пятна на стене сторожевой будки. На этом посту год назад застрелились вместе двое часовых. Почему они это сделали, осталось неизвестным. Они сели, засунули в рот стволы ружей и снесли себе головы.

II

В кабинете пахнет сыростью, на кровати лежит полосатый матрац без простыни и подушка без наволочки. Лишь одна стена кабинета покрашена белой краской. Остальные серые, дощатые.

В тишине нудят, роятся мухи, бьются в тусклое треснутое стекло маленького окна. Света оно почти не пропускает, и днем здесь всегда сумрачно.

На покрашенной стене нарисован от пола до потолка православный крест. Из множества надписей и рисунков выделяется жирно выведенное прыгающими буквами:

«СПАСИ и СОХРАНИ!»

К стене прислонена гитара, оклеенная вырезанными из журналов фотографиями девушек в купальниках. На сундуке сложены тарелки, в которых засохли объедки. Разбросаны алюминиевые ложки, одна из них скручена узлом. Банка с горлодером, мутные стаканы, надкусанные куски хлеба и порезанное соленое сало.

Поднявшись с кровати, Гущеваров в черных трусах и синей майке пошел к двери. Обувая тапки, он задержался у порога.

— Вот баклан!.. — пошатываясь, выругался он. — Курва!

Выйдя на свет, зажмурился и протопал в туалет. Потом ополоснул лицо возле умывальника и высморкался.

Пригнувшись, он шагнул в голубятню и стал брать из клеток встревоженных и всполошившихся голубей. Кидал вверх и свистел. Выкинув всех, он взял длинный шест с намотанной на конце тряпкой и стал им размахивать. Поднявшись высоко, голуби держались вместе, висели в одной точке. Но один сразу уселся на крыше, и ничем его не сгонишь.

Отставив шест, Колька оглядел двор, нашел щепку, кинул в него, она не долетела. Спугнул камешком, засвистел, замахал тряпкой, но черно-пегий турман, перелетев через сад, сел на соседской крыше. Проводив его взглядом, Колька снова вошел в голубятню, сунул руку под голубку, сидевшую на яйцах. Та, приподнимаясь, выгибая на бок голову, гневно глядя на него одним глазом, хлопала по его руке крыльями, клокотала недовольно.

...Накануне вечером они толпой стояли на крыльце. Отец не пускал их в дом.

— Бог нищих нахер посылает. Вот как станешь на человека похож, тогда и пуцу. Не хотите в кабинете, идите вон в бане.

— Что мы в бане? Как бичи какие-то?

— Я тебе сказал? Срач здесь больше устраивать не позволю. Мать до сих пор вон никак не уберет, что вы после себя оставили.

В расстегнутой до пупка белой рубашке Колька пошатывается, не выговаривает внятно слова. Стоя за его спиной, дружки выжидают, чем дело кончится. Молча переглядываются, грызут семечки, поплевывают, не вмешиваясь. Тронув сзади за локоть, Митя стал шептать ему на ухо:

— Ладно, Колян, не унижайся. Не видишь? Он беспонтовый, как маргарин.

Повернувшись, глядя на него стеклянными глазами, Гущеваров воскликнул:

— Где мы там будем?! Там даже присесть не на что.

— Пусть. Зато сами по себе будем, ни на кого не глядя. И на нас никто косяка давить не будет.

На пальцах выколоты воровские перстни, на мизинце он отрастил длинный желтый ноготь. Спускаясь с крыльца, Гущеваров гундосил, в его голосе звучала обида:

— Бывают в жизни злые шутки. Я его вообще не понимаю. Вот он, в натуре, в конец испортился.

— Слушай, ты лучше скажи, кто это тебе засос на шее поставил? — усмехнулся Хитрый.

— Это не засос.

— А что это такое?

— Это меня душили.

— Кто?

— Не важно. Шакал один.

— А ты ему что?

— А я ему ничего. Просто лопату в спину воткнул.

Когда заходили в кабинет, то в темноте кто-то поскользнулся на ступеньках и упал под смех остальных. Сначала было тихо, а потом вдруг неожиданно дико заорали и засвистели:

— А-а!..

Выскочив из кабинета, Хитрый встал у двери, нагнулся и стал стряхивать с плеч и со спины. Вслед ему хохотали и орали:

— Фу! Фу! Тухляк!

Когда он вернулся, снова вроде притихли, доносились лишь разговоры и приглушенный смех.

На их крики подошел к окну, выглянул отец Гущеварова и долго стоял задумчиво. Подошла мать в белой сорочке до пят с распущенными волосами:

— Что там снова вся плешь-компания в сборе?

В ответ ей из кабинета под гитару грянуло:

— С добрым утром, тетя Хая...

Ай-яй-яй!

Вам посылка из Шанхая...

Ай-яй-яй!

А в посылке три китайца...

Ай-яй-яй!

Три китайца красят яйца...

Ай-яй-яй!

В кабинете накурено, от оплывших свечей дрожат тени на дощатых стенах. Ветки царапают стекло, за окном в саду воеет холодный осенний ветер. Раскрытая дверь завешана москитной сеткой. У порога разбросаны тапки, кеды, ботинки без шнурков.

— Это что у тебя за ожоги?

— Да-а... — отмахнулся Митя, закатывая рукав рубашки. — Поспорили вчера с Гущеваром, кто больше об себя бычков потушит.

— Охренеть! И кто победил?

— Он. У меня шесть, у него семнадцать. Почти целую пачку.

— Болит?

— Конечно!

— Вот вы, в натуре, дебилы! — усмехнулся Хитрый и покачал головой.

На двери крупными буквами сделана надпись рукой хозяина:

«Здесь живет Коля!»

Ниже рука гостя криво дописала уточнение:

«Коля — муфлон, олень ветвистый!»

...Встречая на пороге пьяного сына, Вера Ивановна сердито нахмурилась. Маша смеется, наблюдая, как он хочет пройти к кровати и лечь, а отец схватил его за воротник и бьет кулаком в затылок. Повернувшись, посмотрев на него бессмысленным и строгим взглядом, Митя вытянул руку, сложил пальцы козой и с трудом произнес:

— Виляк!

— Что?!

Это у него коронка такая по пьяни. Грозное предупреждение, что вилами проткнет.

— Не бойся, батя. Он тебе ничего не сделает. Это он только пугает... — взмахнув веером ресниц, скромно вздохнула Машенька.

Резко повернувшись, Петр Сергеевич свирепо сверкнул на нее глазами. Взвизгнув, смеясь, она выскочила из комнаты:

— Алле! Тихо! Спокойно! Только без рук!

III

Густея, от земли поднимались сумерки, хотя наверху небо было еще светлым. Вокруг трепался на ветру непричесанный ковыль. Они молча шли втроем по полю. В вечернее время, извиваясь, вылезает из земли старый десятилетний много переживший дождевой червь. Без глаз, без ушей, есть только рот. На него наступает человеческая нога в тяжелом ботинке.

Шмыгая носом и дергая плечами, Ваня всю дорогу чиркал спичками. Резко вспыхивал с дымом и шипением огонь, но ветер мгновенно слизывал его с серной головки. Бросив потухшую спичку под ноги, Ваня доставал другую. Пока пришли, целый коробок сжег.

Нервно покусывая губы, Митя остановился. Он дрожал, глаза его беспокойно бегали. На нем была белая рубашка и галстук, потому что в этот вечер его провожали в армию. Он снял с плеча мешок, в котором тревожно толкались голуби, и достал первого. Держа голубя в руке, зажал его голову между пальцами. Размахнувшись, бросил высоко вверх. Голова птицы осталась у него в руке. Ваня сидел рядом на корточках и сначала ничего не понял.

Обезумевшая в агонии птица металась в воздухе, необычайно сильно хлопая крыльями. Бросалась то в одну, то в другую сторону, то вдруг полетела резко вниз и с

громким шлепком ударилась о землю. Отскочила, как мяч. Взлетела вверх и снова упала. Кувыркаясь, брызгая кровью, обезглавленный голубь прокатился мимо вскочившего Вани. Из его раскрытого рта вырвался дикий крик.

А Митя в это время кинул вверх третьего. Бросившись к нему, Ваня повис на его руке. Страхнув младшего брата с себя, молча с пьяной жестокостью Митя страшно наотмашь ударил его. Упав, Ваня спрятал лицо в ладонях и перевернулся на живот. Сунув руки в карманы широких брюк, Гуцеваров стоял чуть поодаль и не вмешивался. Его губы медленно расплзлись в глумливой усмешке.

Скоро кувыркающимися и скачущими голубями усыпано все поле вокруг. Барахтаются, неистово хлопают крыльями, прыгают, переворачиваются с бока на бок и постепенно затихают. А некоторые еще высоко выются в небе.

Кинув вверх последнего, Митя покрутил в окровавленных пальцах оторванную голубиную голову. Раскрытый короткий клюв и блестящая глазная бусинка с неподвижным зрачком. Он бросил ее в лежавшего на земле брата, попал между вздрагивающих лопаток.

Толкнув ногой калитку, Митя вошел из сада во двор. Навстречу ему из темноты вышла тонкая девичья фигура. Тихий голос смущенно спросил:

— Митя, ты где был?

Он молча вздохнул, бросил пустой мешок и, прислонившись спиной к стене, медленно опустился на корточки. Присев рядом, Катя убрала прядь волос со лба. Заметила кровь на его рубашке и взволнованно спросила:

— Что это у тебя? Ты с кем подрался?

Он сплюнул и выругался. Опустил голову, обхватил руками, сцепив пальцы на затылке.

Она мучительно подбирала слова для того важного, что хотела сказать. Но только она облизнула губы и открыла рот, как он неожиданно всхлипнул. Она замерла, не произнеся ни звука. Ее маленькие пальчики перестали теревить и накручивать пеструю ленту. Она растерянно смотрела, как он вздрагивает и вытирает слезы.

Распахнулась дверь. Ярким электрическим светом залило весь двор с лопатами и вилами, ведрами и бочками. Громко кашляя, на крыльцо вышел Петр Сергеевич. С черными усами, с железными зубами.

Дом полон шумных гостей, громко играет музыка. За праздничным столом каждый служивший в армии старается удивить всех собственными воспоминаниями:

— У нас прапорщик был чурбан. Спросили его, он говорит: «Мне всегда хватает. Как мне в отпуск ехать, я всем родственникам и на всю махалю подарки везу. Мой жена и дети всегда довольный. На выпить, на покушать всегда хватает. На женщину всегда хватает. У меня немка была, полячка была, цыганка была, хохлушка была...» Мы его снова спрашиваем: «Товарищ прапорщик, сколько вы за месяц соляры списываете?» Он кивнет и опять давай пальцы загибать: «Я за свой жизнь имел немку, полячку, цыганку, хохлушку, русскую...»

— У нас у одного три штуки было шаров этих. Он их сам себе вставлял. А как узнали, комбат приказал в течение суток в Союз его отправить. Он уезжать не хотел, вырезал их. К начмеду подходил, показывал, что нет ничего. Но его все равно отправили.

— А зачем они?

— Любая баба, если рогатый попробовала, потом покоя не знает. Один раз засадил, считай, что испортил ее. От обычного ей после этого никакого удовольствия.

Он покосился на скромно жующую рядом жену с выпученными грустными коровьими глазами. Достав платок, он вытер красное лицо, снял и повесил на спинку стула шерстяной пиджак.

— А у нас в татарской деревне знаете, как строго? — оживился обычно молчаливый бритовский татарин. — Вечером ни одной молодой девчонки на улице не встретите. Ей поговорить надо с подружкой, она ей кричит через улицу из-за забора. Раньше по крайней мере так было, сейчас не знаю. Когда я молодой был, я на улице не мог к девчонке подойти.

— А где?

— В библиотеке.

— А то я гляжу, откуда ты, черт нерусский, такой начитанный!

Покурив, Василий снова сел за стол. Его тоже распирает от собственных впечатлений от службы. Он всего полгода назад домой вернулся.

— У нас был один пенсионер. Когда я на дембель уходил, его как раз на пенсию провожали. За него что только не рассказывали, как он по пьяни чудил. Вот ему

выпить надо, он просит: «Мужики, налейте мне стакан, я тараканом закушу». В самом деле ловит таракана. Его выгнать сколько раз пытались...

— Таракана? — с напускной серьезностью спросила его невеста Валя, поправляя шелковый платок на шее.

— Жалели из-за того, что ему до пенсии полгода оставалось.

— Таракану? — прыснув от смеха, она уткнулась в его плечо.

Они достали свои дембельские альбомы. В красном и синем бархате, с висящими на цепочках патронами, с белыми кистями аксельбантов, с рисунками на папиросной бумаге между толстых листов картона с фотографиями. Немецкий город с булыжными площадями, улыбочивые фрау, готические храмы и пивные. Бескрайние полярные просторы, царство белых медведей, северное сияние и скованная льдом подводная лодка. Желтая степь, табуны лошадей и верблюдов, палатки и круглолицые монгольские товарищи.

— Как только свою балалайку достали, значит посылка пришла. Одного гашеного поймали, спрашиваем: «Ты ишак драл?» И он нам гордо так заявляет: «Конечно!»

В кабинете на кровати лежит и горько плачет Ваня. Он слышит за стеной музыку и голоса. Он с ненавистью бросает в стену наполненный окурками тяжелый черный от нагара тракторный поршень и накрывает голову подушкой. Горе его безмерно.

Услышав грохот за стеной в кабинете, Гуцеваров словно очнулся. Он медленно обводит всех взглядом мутных глаз и повторяет то, что слышал от уважаемых людей в лагере:

— Во всем мире всего три силы. Советская, американская и еврейская. Советская кончится, американская кончится, а жида останутся и будут править.

IV

Ночь...

В доме пахнет краской. Недавно покрашены полы и стены, потолки побелены известкой. Составлены в ряд разного размера железные и стеклянные банки с нитрой, олифой, лаком. Малярные кисти отмачиваются в бензине. В углу сложен столярный инструмент. В кучу свалены тряпки.

Все давно спят. Только две подружки, укрывшись одним одеялом, шепчутся украдкой. Смуглая черноволосая соседка Катя давно стала членом этой семьи. Как только Митя придет из армии, то сразу будет сыграна свадьба.

— Я раньше тоже не верила... — от страха Машенька крепче обнимает любимую подружку и загробным голосом шепчет ей в самое ухо жуткий рассказ: — А ты вот не слышала про парня одного, как он пришел с работы и захотел в бане помыться? Ему мать сказала: «Я не топила еще. Дрова кончились. Иди, дров принеси». А ему быстрее надо было. Он одну икону снял, порубил. Вторую снял, порубил. Затопил баню и стал париться. Парится-парится, и долго его нет. Тогда мать забеспокоилась и пошла проверить. Дверь дернула, а он ей из-за двери кричит: «Мама!.. Мамочка, выпусти меня!» И ни он, ни она открыть не могут. А дверь не на замок, а на простой крючок закрыта. Она за топором побежала, и в это время вся баня вспыхнула и почти моментом дотла сгорела. А теперь на этом месте звуки постоянно слышатся такие, наподобие того, что кто-то парится. Веником шлепают, тазы двигают, вода журчит.

Под кроватью, на которой лежат подружки, валяется кукла с вывернутыми руками и ногами. У нее выдраны и слиплись волосы. Один ее глаз закрыт толстым веком с длинными ресницами, второй ее зеленый глаз изумленно горит в темноте. За этот вечер ей столько невероятных историй услышать пришлось. Сразу столько впечатлений разных.

— Старухи сидели возле гроба... — доносится из-под одеяла тревожный шепот. — Тут вдруг дочка его забегает маленькая. А ее утром специально к родственникам подалее отвели, чтобы не видела. Как только она сама дорогу обратно нашла. Вот она заходит, посмотрела и спрашивает: «А кто это у нас в гробу лежит?» И Глазуниха говорит ей с улыбкой: «А это твой папа». Девочка ей кричит: «Что ты врешь? Мой папа в больнице лежит!» А она берет ее за руку, подводит поближе и показывает: «Нет, вот твой папа, погляди внимательно...» Представляешь? Девчонка испугалась и убежала. Ее потом до вечера нигде найти не могли.

Возле двери лежит мышеловка. Тугая пружина механизма. Нанизанный на тонкую иглу кусочек сала.

Вспомнив услышанное недавно изречение, Машенька серьезно сказала:

— Во всем мире есть три силы: вера, надежда и любовь. Но из них любовь всех сильнее и всегда побеждает.

— И зовут его Баландин! — томно вздохнула Катюша.

— Ты!.. — смеясь, Машенька толкнула подругу локтем в бок. — Идиотки кусок! Он вообще женатый.

— И усасть!.. — поморщилась Катюша и передернула плечами: — Фу!

С улицы в окно светит фонарь. Вокруг него вдруг перестали порхать мотыльки. Неожиданно умолк сверчок, и во всем доме стало необыкновенно тихо.

— Одной женщине каждую ночь снились восемь маленьких детей. Все разного возраста. Она сама стояла в середине, а они, взявшись за руки, хоровод водили вокруг нее. У них на ногах у всех копытца были, они цокали ими. И когда она спала, ее никто разбудить не мог. Она во сне на кровати вертелась и кричала: «Уйдите!» Они уходили, а на следующую ночь опять ей снились. И она с ума сошла. А потом выяснилось, что у нее именно восемь абортгов было в молодости...

Зловещая тень легла на них, заслонила свет фонаря, как будто кто-то заглянул в окно из сада. От ужаса девчонки сначала широко раскрыли глаза, а потом зажмурились и притаились, не дыша. Но вроде показалось, померещилось. Дует ветер, шелестят листья. Вроде бы все тихо. И вдруг явственно чьи-то осторожные удаляющиеся шаги...

С рассветом одинокий ворон оглашает всю округу резким криком. Всем известно, что старый ворон без причины каркать не станет. Либо было чего, либо будет чего. Либо известие о беде, случившейся темной ночью, либо роковое предзнаменование.

V

Выйдя из дома задолго до восхода солнца, я отправился туда, где по представлениям древних греков находился край Земли. До этого места от моего дома можно идти пешком.

Осторожно ступая в кромешной темноте, я с улыбкой вспомнил, что в записках сына датчанина и немки, всей душой любившего все русское; военного врача, участвовавшего в крымской войне, подавлении польского восстания и походе на Хиву; друга Пушкина, на руках которого наш незабвенный Александр Сергеевич и умер, и производившего потом вскрытие его тела; собирателя русских сказок и

песен, составителя непревзойденного до сих пор толкового словаря Владимира Даля есть и такое:

«Летним днем грек сидел у моря, что-то напевал про себя, потом вдруг слезно заплакал. Стоявший рядом русский попросил перевести песню. Грек перевел: сидела птица, не знаю, как ее назвать по-русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через поля, через лес... и все. По-русски не выходит ничего, а по-гречески очень жалко».

Древние греки действительно считали, что она находится на краю света. На их картах дальше нее ничего не было. В своих трудах ее описывали отец истории Геродот и астроном Птолемей. В античном мире ее называли Ра, арабы называли Итиль. У нее было много других имен: Етемия, Ердель, Идел, Рау, Иуль. Множество народов, которые жили на ее берегах, считали ее живым существом. Лишь четыреста лет назад, когда все они на протяжении в три с половиной тысячи километров оказались покорены русскому царю, она стала повсеместно называться Волгой.

Сколько великих рек можно назвать и как их можно сравнивать. Желтая река Хуанхэ, внушавшая китайцам ужас своими страшными наводнениями, уносившими миллионы жизней. Небесный всегда спокойный Ганг, на берегах которого индусы сжигают своих покойников и бросают их пепел в его воды. Великий Нил является единственной рекой в гигантской выжженной солнцем Сахаре, на протяжении половины своей змеиной длины в семь тысяч километров он не имеет ни одного притока. Мутный Иордан, с которым связано столько чудес, в водах которого принял крещение Иисус. Воды Тибра, в которые были брошены младенцы, вскормленные волчицей, а потом брат убил брата в споре о том, где основать Вечный город.

Все великие реки еще хранят свои тайны. Лишь несколько лет назад было точно установлено, что Амазонка длиннее Нила. А на глубине четырех километров была обнаружена текущая параллельно подземная река Хамза. Но если ширина Амазонки доходит до двадцати километров, то ширина Хамзы доходит до четырехсот. Как мало человек знает даже сейчас.

Были времена, когда на Земле не было воды. Четыре миллиарда лет назад ее в виде льда принесли сюда кометы. Все живое на Земле вышло из воды, и все живое не может существовать без нее. Если вылить на засохшую почву воду,

то на ней появятся зеленые всходы. Вода превращает гранит в песок. Вода никуда не исчезает. Одна капля в бесконечном течении времени постоянно переходит из одного состояния в другое, постоянно превращается и перемещается от стратосферы до глубин мирового океана. В воде, наполняющей мою ванну, есть капли, которые были в ванне, из которой Архимед выскочил с радостным криком: «Эврика!»

Самая крупная европейская река питает своими водами крупнейшее в мире озеро. На всем протяжении ее наполняют более тысячи притоков. Наша Волга течет среди безлюдных дремучих лесов и тихих лесных озер, потом леса на ее берегах редют, начинается бескрайние ровные степи, а ее устье находится почти в пустыне. На ее берегах могут быть и настоящие сибирские морозы, и настоящая азиатская жара.

По волжским берегам еще в начале прошлого века брели изможденные бурлаки, тянули на веревках баржи и стонали свои тоскливые песни. Особую печаль у путника при встрече вызывали женские артели.

За последние сто лет ее облик совершенно изменился. При постройке электростанций были затоплено тысячи городов и сел. Теперь в ней трудно узнать ту реку, в воды которой на пиру пьяный разбойник бросил свою пятнадцатилетнюю любовницу царских персидских кровей. Теперь в ненастную погоду в акватории искусственно созданных морей она бывает грозной и бушуют настоящие шторма, для защиты от которых во многих волжских портах построены волноломы.

В разные времена на ее берегах происходили грандиозные события. По приказу Ивана Грозного всего за один месяц здесь была построена свияжская крепость. Она была сначала полностью построена в Угличе, потом разобрана и сплавлена по Волге. Недалеко от Казани неожиданно для татар в одночасье появился настоящий город с крепостными стенами и сторожевыми башнями. Эта крепость превосходила по размерам московский кремль, вооружена артиллерией. Благодаря этому стала возможна осада столицы казанского ханства. Позже древняя татарская столица была разрушена, а все татары выселены в дальние земли, и долгое время им было запрещено возвращаться.

Именно в древней крепости Свияжск во время гражданской войны Троцкому пришла идея применить в Красной армии децимацию. Это мифологическое действо, применявшееся лишь в римских легионах. После неудачного на-

ступления объявлять построение и казнить каждого десятого стоящего в строю солдата. По словам местных жителей в то время здесь стоял памятник Иуде.

В истории любой великой реки можно обнаружить удивительные факты. В летописи Волги есть трагический факт, подобного которому нет нигде. Здесь произошло крупнейшее за всю мировую историю сражение. Это была настоящая битва народов, в которой участвовали десятки народов с обеих сторон. На берегу Волги двести дней продолжалась жестокая битва, а когда она закончилась, то на поле боя остались лежать два миллиона убитых солдат. Английский король Георг VI в знак уважения и восхищения послал меч, который английские кузнецы и золотых дел мастера изготавливали три месяца. На золотой рукояти рядом с розой Тюдоров из горного хрусталя и серебряным королевским гербом сияли пятиконечные рубиновые звезды. Принимая тяжелый меч, Сталин поцеловал его и с грохотом уронил. Именно после этой победы, Россия превратилась в величайшую державу мира. А волжские воды все также медленно текли мимо разрушенных обезлюдевших городов и возникших на берегах гигантских кладбищ.

В ночи я сижу на утесе и смотрю на нее сверху. Если верить античным картам, то я сижу там, где ничего нет. Край мира находится на противоположном берегу, а я сижу за краем. Но теперь и на том берегу, и на этом рассыпаны огни. Мимо плывут теплоходы, на которых играет музыка и танцуют люди. Я сам больше всего люблю плыть в хорошей каюте, мой самый любимый вид путешествия, когда дует холодный ветер, шумит или тихо плещет вода, стоять на верхней палубе, проходить по шлюзам с их темными мрачными стенами. Но ведь еще сто лет назад здесь светили только звезды и луна. Как жутко должен был чувствовать себя человек, сидевший тогда на моем месте.

За спиной у меня поднималось солнце. Я стал медленно осторожно спускаться вниз. Когда я подошел к воде, было совсем светло. Вода была гладкой, как зеркало. Зеленое зеркало пахло тиной. Глядя в него на свое отражение, на свое лицо, на котором несколько лет назад стали появляться морщины, я представил себе тот удивительный и таинственный мир зазеркалья. Там на дне стоят настоящие города, в которых когда-то жили люди. Там и сейчас волшебный живой мир. Все живое вышло из этой воды.

Присев, сложив горстью руки, я зачерпнул ее и ополоснул лицо, и готов был увидеть, что рядом со мной плеснет волна и, как четыреста миллионов лет назад, выйдет на берег общий предок всех наземных животных, та древняя четвероногая рыба ихтиостега размером в полтора метра, похожая на зубастую собаку в чешуе, которая первой стала ходить по земле. Я долго шел по пляжу, но нигде на песке не обнаружил следы ее ног с семью пальцами.

ОКТАБРЬ

I

По небу быстро летят прочь облака. Ветер приносит невыносимое зловоние с колхозного свинарника. Там, за пустырем и помойкой, в низких бараках с маленькими мутными окнами жутко ревет стада тучных свиней. Стаи угрюмых ворон сидят на крышах. Что-то их вспугнуло, и все они с резким карканьем, с оглушительным треском крыльев разом взметнулись вверх и беспросветной черной тучей заслонили небо.

Под окном, как в известном с детства стихотворении, растет белая береза. Доносится нарастающий шум дизеля. Проезжая мимо, сосед Глазунов улыбнулся и махнул рукой.

— Проезжай быстрее. Тащишься, как... — надрывно взревел двигатель. — ...по стекловате.

Проехал, подняв пыль и свирепый собачий лай. Выйдя из бани, Вера Ивановна толстыми пальцами убрала попавший на язык волос, подала Василию мокрую простыню:

— На-ка, выжми мне.

Вытирая руки об юбку, она пристально смотрит на подошедшего Гуцеварова. Он поймал на себе ее сердитый взгляд и спросил с притворным удивлением:

— Что так смотришь, тетя Вера?

— Нравишься! — сухо ответила она, не моргая, испытывающе глядя на него.

— Красивый? — усмехнулся Гуцеваров. — Я вообще многим нравлюсь.

— Ты хоть помнишь, что творил?

— Вот я как раз сегодня утром встал и думаю: «Хватит! Пора человеком становиться». Привел себя в человеческий вид. Рога спилил, когти срезал, клыки сточил.

С его наглой шершавой рожи, словно из кожзаменителя, глумливая ухмылка никогда не сходит.

— Ведь доиграешься. Разве нельзя просто нормально жить? Снова поедешь отдыхать. Или там медом намазано? — с укором сказал Петр Сергеевич.

— Дядя Петя, ты сейчас говоришь, как мент! — поморщился Гуцеваров. — Это только мусора так разводят.

Среди суелливых кур важно ходит петух и стучит себя по бокам слабыми крыльями. Толстые березовые стволы порезаны и свалены в гигантскую гору. У забора штабелем сложены черные промаслившиеся шпалы. Баня из неокрашенных бревен, пронумерованных римскими цифрами.

— Не дам я тебе денег.

— Дядя Петя, мне давать не надо... — выплюнув окурок, Гуцеваров прикусил треснувшую губу. — Ты на землю положи, я с земли подниму. Я не гордый.

— Устройся на работу, женись...

— Жениться? Как ваш Васька? — засмеялся он.

— А чем тебе не нравится? — недоумевает старик.

— Мне? Мое какое дело? Это меня не касается.

Прищурившись, Хитрый внимательно смотрит и слушает, переводит взгляд с ухмыляющегося Гуцеварова на играющего желваками Василия. Он сам старше их. Но выглядит, как мальчишка рядом с мужиками. Низкого роста и щуплый, болезненный, золотушный, у него ладошки детские.

Сидя у окна в бане, Вера Ивановна наблюдала, пока они разговаривали. Увидев, что Гуцеваров уходит, отвернулась, подвинула таз и стала полоскать белье.

Подойдя к голубятне, Василий заглянул внутрь. Глаза не сразу привыкли к темноте. Послушал шорох птичьей возни, вдохнул знакомый с детства запах голубиногo помета и свежей краски.

— У тебя вроде три чубатых было? — он просунул руку в клетку и взял пестрого голубя.

— Поменялся с Хитрованом... — насыпая пшено в кормушку, улынулся Ваня.

Ласково поглаживая заволновавшуюся в его руках птицу, Василий улыбнулся, трубочкой сложил губы, в которых было семечко, и поднес голубя к лицу.

В доме проснулась и заплакала маленькая Леночка. Сидя на крыльце, Лидия громко крикнула:

— Маша, глянь, чего она там? Слышишь!

Из дома не донеслось никакого ответа. Хмуро покосившись на нее, Вера Ивановна сказала:

— Она на тебя обиделась.

— Ничего себе! — Лидия с возмущением вскинула брови. — Может, мне тоже на нее обидеться?

В раму была вставлена картина из покачиваемых ветром зеленых, желтых, красных деревьев. Оставляя жирный след, по стеклу медленно полз пучок рыжих волос.

— Еще помогай тут ей! — проворчала Маша. — Она мне теперь должна по гроб жизни.

Взяв на руки проснувшуюся племянницу, Маша стала кормить ее из соски. Ее подруга ждет из армии ее брата. Год прошел, год остался. Сидя рядом, Катя усмехнулась:

— Я ему говорю: «Я все Маше расскажу». — «Не расскажешь». — «Почему это?» — «Потому что мертвые не разговаривают». Я ржу: «Ты меня убьешь, что ли? Сам ходи и оглядывайся!»

— Вообще! — Маша вздохнула и покачала головой. — Такой кретин, я валяюсь.

Ссутулившись и сунув руки в карманы куцей рваной телогрейки, Василий стоял задумчиво. Перебирая на коленях ссыпанные в подол семена, Вера Ивановна подняла голову и спросила:

— Что это ты в последнее время такой сердитый? У вас с Валькой все нормально? Что-то давно она не приезжала. Вы не поругались?

— Все нормально.

Мимо проходила старуха и ласково крикнула:

— Здравствуй, Верочка!

Подняв голову и поправив платок, Вера Ивановна улыбнулась:

— Привет, карга старая!

Потом она поднялась и отряхнула юбку. Тронув ее плечо, Лидия тихо загадочно позвала:

— Мама, можно тебя по секрету?

Удивленная Вера Ивановна пошла за ней следом. Когда они оказались наедине в прохладной темноте сеней, Лидия злорадно зашепела:

— Там труба! Там не то, что гуляет... Там пробы негде ставить. Где он только нашел такой ландыш? Ей, главное, надо было печать в паспорт поставить. Вместе мимо общаги идут под ручку, а ей с окон кричат: «Валька, брось его!»

Пошли с нами. Нас совсем забыла?!..» Прямо не знаю, девки такие пошли...

— Ты откуда знаешь? — недоверчиво нахмурилась Вера Ивановна, хотя сразу с первых слов поняла, что это горькая правда.

— Он один раз по пьяни избил ее, она на больничном сидела. Хозяйка требует, чтобы они съехали. Что у них скандалы каждый день. Он и вещи ее собирал, выбрасывал на улицу.

— А ты-то откуда знаешь?!

— Интересно! — обиделась Лидия. — А кто им эту комнату нашел? Хозяйка ко мне приходила жаловаться.

Отвернувшись и сурово сдвинув брови, Вера Ивановна слушала. Вытирала фартуком руки и молчала.

— Этого и следовало ожидать. Потому что с детского дома. Там все такие гулящие.

На березовом стволе вырезаны желоба, по которым весной стекает сок. Также до сих пор еще заметны долго заживающие раны от безжалостных детских забав. Наверху висит пустой скворечник. Внизу бывшие дети курят и грубо шутят.

— Однако! А я думал, что суслик сухой не бывает.

— У него все бывает. Помнишь, как он рассказывал: «Купил двух кроликов. Кобеля и суку».

— А кролики как орут! У меня шурык берет его за ноги и башкой об угол оглушает. Вешает его и прям живого ошкуривает. А тот как раз в сознание приходит и как начинает орать...

— А зачем с живого? — удивился Петр Сергеевич. — Убил бы сначала.

— Привычка такая... — растерянно пожал плечами Хитрый. — Он привык просто так. За задние ноги взял, оглушил об угол, повесил...

Открылась дверь, старуха строго посмотрела на хохочущих детей и поманила к себе Василия. Бросив окурочок, он поднялся и пошел. Взяв из деревянного ящичка с инструментами плоскогубцы, Ваня задумчиво повертел их в руках и посмотрел внимательно на Хитрого:

— Я вот думаю. Пассатижами прыщи ему подавить? — он вопросительно обвел всех взглядом: — Харю от угрей почистить маленько?

Засмеялся и подкинул плоскогубцы. Хитрый схватил его руку, хотел вывернуть. Потом неожиданно ударил его кулаком в лоб и отскочил в сторону.

— Слышь, я ведь сейчас встану, догоню... — изумленно пригрозил Ваня.

— А ты еще и бегать умеешь?

— На крайняк сапог сниму, кину. А кидаю я метко.

Петр Сергеевич взял рукавицы, сдвинул шляпу на затылок и почесал лоб. Василий угрюмо наблюдал за ними из окна.

— О чем ты думаешь? — зло шептала ему мать. — Гони ее! На кой ляд она такая сдалась? Ее не исправишь.

— Я ей сказал.

— А она что?

— Что она! — из него наконец вырвалась накопившаяся обида, он стал передразнивать ее тонким голосом: — «Вася, любимый мой! Прости меня! Но если решил, то все. Уйду, когда скажешь. Вот только убедюсь... Месячные придут...»

— На-те вам из-под кровати! — хлопнув по коленям, возмущенно воскликнула Вера Ивановна. — Хватает ведь наглости! Ишь прихерилась! Убеждаться она еще будет.

— Вы чего тут? Ты идешь? — неожиданно заглянул улыбающийся Ваня. — До вечера будем возиться?

— Уйди отсюда! — рявкнула старуха и захлопнула дверь перед его носом. — Я не знаю! Столько девок честных вокруг. Нет ведь! Надо было именно самую последнюю найти! Как это вот? Объясни ты мне, дуре старой?!

В этот день ломали старый сарай. Сначала разобрали крышу, потом стали разваливать стены. Разбивали и сбрасывали сцепленные ржавыми скобами гнилые бревна, заволокатевшие мыльной паклей. Бревна с треском падали, переламываясь. Стоя внизу, хмурый Василий принимал и откладывал в сторону те, которые могли пригодиться. Ржавый гвоздь насквозь проткнул ему ладонь. Не глядя ему в глаза и не сказав ни слова, Вера Ивановна облила рану йодом и забинтовала. Сидя один в кухне на табурете, он тупо смотрел на забинтованную руку.

— Больно? — спросила из-за спины тихо подкрававшаяся Машенька.

— Терпимо.

Забыв про свой вопрос, она прильнула к окну. К воротам подъехал военный грузовик. Сняв фуражку, молодой усатый прапорщик протянул руку и поздоровался с отцом. Увидел Машеньку в окне, он улыбнулся и махнул ей рукой. Обычно насмешливая и озорная, она неожиданно смутилась и отвернулась. Этому была причина. Неделию назад

Баландин и она первый раз поцеловались. При воспоминании об этой волнующей тайне сбивалось дыхание и сильно стучало сердце в девичьей груди.

Прапорщик курил, смеялся и начищал до блеска черные сапоги. Солдаты в форме с красными погонами выгружали из кузова доски и кирпичи.

II

— Вот ты мне не можешь объяснить, ты вот людям объясни... — притворно возмущалась Катя на кухне, показывая на гостей за столом. — Может, я глупая? Чего-то не понимаю? Вот здесь люди поумнее сидят. Почему мы в выходной не сходим никуда? Что ты спишь, как дурак? Вся жизнь — борьба, да? До обеда с голодом, после обеда со сном?

— Я устаю! — улыбался Василий и чистил селедку.

— Извините! А я не устаю, по-твоему? Я, между прочим, тоже работаю.

— Могу я раз в неделю поспать, отдохнуть? — задрал голову, он опустил в рот ленту икры.

— Что это за жизнь такая? Машенька, правильно? Всю неделю работаешь. Выходной пришел, и весь день проспал. Никаких интересов в жизни. Нормальные люди ходят куда-то, увлекаются чем-то, да хотя бы просто по улице прогуляться, воздухом подышать. Я его толкаю, он зевает и одолжение мне делает: «Через час меня разбудишь, и сходим». Нужен ты мне, как пионерке триппер! Я в таком случае одна, куда захочу, могу сходить.

Смял газету с мусором и бросил в ведро. Вытирая руки, Василий пытался отшутиться:

— Я ведь потом встал все-таки.

— А я не знаю, зачем ты встал? — не унималась Катя. — Ты ведь спать хотел? Ну и спал бы дальше.

— Кто мне почистит селедку, тому ничего не будет! — положив руки на колени, заявила Машенька.

— Купи себе машинку, которая губу закатывает.

— Как у нас на работе одна говорит: «Зарплату получим, сразу наберем всего: мяса, колбасы, рыбки... Нажремся за три дня, потом весь месяц лапу сосем»... — Лидия невольно покосилась на важного мужа, который постоянно делал ей замечания и учил, как надо себя вести в обществе.

Разливая пиво, Борис молчал. Он всегда старался держаться солидно даже среди родственников.

— Блин горелый! — воскликнула Машенька и захныкала. — Катюша, дай мне что-нибудь руки вытереть. Прямо бесит. Так ненавижу рыбу чистить!

— А жрать любишь?

— Говорливый, говорливый, вытри нос сопливый! — презрительно фыркнула она. — Катюша, я поражаюсь! Как ты с этим гражданином живешь? Как ты за него замуж вышла?

— А куда деваться? — пожала плечами Катя. — Другие думаешь лучше? Я еще посмеюсь, за кого ты выйдешь.

Взяв спички и сигареты, Василий пошел к раскрытой форточке курить. Когда проходил мимо Машеньки, она локтем толкнула его и спросила:

— Ты хоть знаешь, что братке Ванечке задницу отрезали?

— Всю?

— Почти. Немножко на развод оставили. А если серьезно, то ничего смешного. Одну ляжку до мослов распорол. У него чуть заражение крови не было.

— А что случилось?

— Укол мы ему сами месяц назад сделали. В больницу идти не захотел. Ему вон Лидочка колола.

— Балбес потому что! Я его предупредила, чтобы он эти дни дома посидел. Он его застудил, наверное.

— Ага, и ему в тот же день купаться приспичило! — усмехнулась Машенька.

— Резали тоже сами? — спросил Василий, пустив в форточку струю дыма.

— Тебе смешно, а ему теперь целый месяц валяться.

— Так ему и надо. Если ума нет... В следующий раз слушать будет, что ему говорят.

— От нас уволилась бухгалтер. У нее когда ребенок родился, я вот не знаю точно... Как называется, когда губа с носом вместе срослись? Заячья губа или волчья пасть? — медленно переводя взгляд, спросил Борис.

— Не важно. Какая разница? — облизывая губы, заинтересовалась любопытная Машенька. — И что?

— Короче, они с мужем подумали и решили от него отказаться. В роддоме его оставили. Мы в коллективе ей бойкот объявили. С ней все разговаривать перестали, осуждали ее. Вот она не выдержала и уволилась.

— У меня слов нет! — возмутилась Катя. — Люди вон каких больных берут, мучаются всю жизнь. А это... Ведь это твой родной ребенок.

— Вот они с высшим образованием все такие. Не понравился. Лучше другого родим.

— Совсем не обязательно. У меня, например, высшее образование... — насутился Борис.

Две сестры, две противоположности, две вечные соперницы с осторожностью облизывали губы языками без костей и готовили яд для укуса. В природе сладких ядов почти не встречается. Зато сладкие человеческие слова могут быть очень ядовиты.

— Я тоже думаю поступать на заочное. Без образования сейчас никуда.

— Куда тебе поступать с твоими мозгами?

— Мне бы твои мозги, я бы давно профессором стала! — Машенька всегда во всем хотела спорить со старшей сестрой, которую считала бесчувственной и лицемерной.

— Слушай, помолчи, пожалуйста! — поморщилась Лидия, которую раздражала эта, как ей казалось, необъяснимая дерзость. — Ты ведешь себя, как маленький ребенок.

— Так вы не обращайте внимания на то, что маленький ребенок болтает.

Сдвинув посуду в сторону, Василий вытер стол. Взял колоду и стал мешать карты. Все замолчали, достали и положили деньги. Пристально наблюдая за выражением лиц игроков, Василий стал медленно по одной открывать свои карты. Увидев туза червей, он радостно заволновался. Увидев бубнового короля, он нахмурился. Увидев шестерку пик, он тихо выругался.

Неожиданно задрезбезжал электрический звонок. Все повернулись и вопросительно посмотрели на хозяев:

— Это кто еще приперся? Вы ждете кого-нибудь?

— Анечка обещала прийти. Только она никогда в звонок не звонит. Она дверь ногой пинает.

Бросив карты, Василий пошел открывать. Когда он вернулся, Машенька качала головой и размахивала руками:

— Не надо на меня лишнего наговаривать! Я очень скромная внутри, я только снаружи наглая. И то не всегда. Я что, по-твоему, культурно вести себя не умею? Ха-балку или колхозницу я только в экстренных случаях включаю.

Из темного коридора следом за Василием на кухню вошла бледная жена Баландина. У всех сразу веселое настроение пропало, полчаса назад про него вспоминали.

— Он ведь с вами был.

— А удостоверение его как там оказалось?

— Шутов подбросил.

— Зачем?!

— Нарочно подозрение сделал.

— Зачем ему это?

— Чтобы на него самого не подумали. Они ведь и товарищами никогда не были. Шутов просто всегда его использовал в своих интересах.

— А мед откуда взялся?

— Что вы меня спрашиваете? Я ничего не знаю! — опустив голову, она заплакала. — Но он ведь с вами был! Он не убивал!

Лидия сочувственно кивает, гладит ее и успокаивает. Вдохнув, Катя поднялась и вышла. Когда вернулась, Люда сидела на ее стуле. Вытирая текущие по щекам слезы, она стала подниматься, но Василий остановил ее:

— Сиди, Люся.

— Ага! — язвительно сказала Катя. — Люся сиди, а Катя постоит.

— Вот на мое место садись.

— Почему мне на свое нельзя? Ты мне запретил, что ли? Что ты на меня зыркаешь своими глазами? Мы с тобой позже поговорим!

— Катюша, Вася, что вы скажете? — снова спросила Люда, шмыгая носом.

Все это время, пока она униженно просила и плакала, Машенька сидела молча. Когда проводили, она презрительно хмыкнула:

— Это его жена? Никогда ее не видела. Теперь понятно, почему он ее прячет, никому не показывает. А она не русская?

— С чего ты взяла?

— Ни задницы, ни сисек. Что он в ней нашел?

Катя незаметно для остальных гневно сверкнула на нее глазами, отчего Маша смутилась и замолчала.

— Они ночью ездили на пасеку. Шутов был на своей машине. Убили сторожа и взломали сейф. Шутов в наряде стоял эту ночь. Ему спать четыре часа положено. Вот он вроде спать пошел, а сам уехал. У Баландина алиби, что он

на свадьбе гулял, а у Шутова, что он в наряде. А Баландин был пьяный и удостоверение там свое выронил.

Отвернувшись к стене, Маша незаметно смахнула слезу. Она вспомнила, что видела это удостоверение. Они тогда только познакомились. Вытащила у него из кармана, раскрыла и расхохоталась. На фотографии лопухий губастый юноша застенчиво улыбался.

— Ты тут такой мальчишечка...

— А я что старый, по-твоему? — вытаращив глаза, удивился Баландин. — Это я год назад снимался. Мне тут семнадцать лет.

— Год назад? Это тебе сейчас восемнадцать?

— Ты что мне не веришь?

— Верю, верю! — улыбнулась она, глядя на его коротко подстриженные волосы с сединой.

...Раскрытое удостоверение лежит в траве. По нему на шести длинных ногах, как на ходулях, медленно ходит фантастическое существо. Полосатое тело покрыто рыжеватыми волосами. На задних ногах у нее щетки и корзинки для собирания цветочной пыли. Длинный язык заканчивается кисточкой, которой она собирает нектар. В медовом пузырьке у нее настоящий мед в виде чистых прозрачных капелек. Она топчется ногами на фотографии, с которой смотрит застенчивый молодой прапорщик.

Все гости на свадьбе сначала хором заявляли, что он все время был вместе со всеми и никуда не отлучался. Потом стало выясняться, что ночью его никто и не видел. Вроде бы он утром только появился.

Позже, когда оказались наедине, Машенька покраснела, прикусила губу и опустила голову.

— Видела его? — обнимая ее, шептала Катя. — Белый, как холодильник. Только их увидел. Машенька, все-таки где он на самом деле был?

— Катюша! Почему ты у меня об этом спрашиваешь?

— Дурочкой не прикидывайся. Я, например, думала, что вы вместе были эту ночь.

— Зря ты так подумала.

Катя внимательно посмотрела на смущенную подругу и вдруг с ужасом догадалась:

— Ты знала!

— Ты обалдела?! — испуганно встрепенувшись, Маша посмотрела вокруг и тихо прошипела: — Ничего я не знала!

Большинство людей не годятся в рай, потому что на земле они ни в чем себе не отказывали. Большинство людей не годятся и в ад, потому что не совершили ничего действительно ужасного. Большинству людей одинаково недоступны и небесная высь, и сатанинская бездна. Куда их девать? Большинство вот этих всех, которые вокруг. Которые не добрые, но и не злые. Которые не горячие, но и не холодные. Которые теплые.

— Менты сначала утром к Баландину приехали домой. В квартиру вошли, а у него в кухне на столе три банки трехлитровые с медом стоят. У нее спрашивают: «Откуда?» — «Муж привез с деревни». — «А где он сейчас?» — «Там же, на свадьбе гуляет».

— А Шутов еще хромать с того дня начал. Так они доказали, что это ему сейф на ногу упал.

— А зачем она сейчас приходила вообще, я так и не поняла?

— Просить, чтобы мы подтвердили, что всю ночь его видели. Никуда он не уезжал.

Лидия больше всех притворно сочувствовала плачущей Баландиной, а теперь вдруг яро возмутилась:

— Вы что?! Зачем вам это нужно связываться? Тем более, если бы он действительно всю ночь на глазах был, не отходил ни на шаг. А то ведь его в самом деле не было. Боря, хоть ты объясни им.

— Сейчас Боря объяснит! — зло усмехнулась Машенька.

— А ты вообще молчи!

— Тоже ведь так сказать, что его не было... — глухо произнес Василий. — Все спать пошли, и он пошел.

— В это время, пока все спали, можно было успеть не то, что на пасеку, а и в Ульяновск съездить, там начудить и к утру обратно вернуться... — покосился Борис и пожал плечами. — Вам решать, конечно. А докажут, что он убил, и за вас возьмутся, что вы его покрывали. Я понимаю, вы с ним друзья были. Сам решай. Надо тебе это или нет? Ему ты вряд ли сможешь. А себе всю биографию испортить, как два пальца...

Все вздрогнули от сильных ударов в дверь. В прихожей раздалась еще одна толстая гостья. Она вошла, улыбаясь:

— Фу! Вспотела, пока к вам бежала. Вы о чем спорите? Кто приходил?! И что сказала? — изумилась, обмахивала руками покрасневшее лицо веселая толстوشка. — А я когда к следователю пришла, думаю, сейчас начнет меня расспраши-

вать. Сижу, волнуюсь, дрожу вся. Думаю, что бы ни спросил, буду говорить, что ничего не помню. А он со мной за жизнь давай беседовать: «Сколько сейчас свадьба обходится? Сколько гости молодым денег положили? А что на стол подавали? Мне сказали, что это вы блюда готовили?»

— Сметана, яйца и морковка... — проворчал Борис. — Деревня старая Ольховка ему приснилась в эту ночь.

— Я ему говорю: «Селедка под шубой, холодец, перцы болгарские фаршированные...» Я вообще подумала, что у него чисто спортивный интерес. Для дома, для семьи. Рассказала ему, как что готовить. Посидели так душевно. Я даже на него глаз положила. Думаю, может, он так заигрывает? А потом оказывается, что там на пасеке все кусты шубой с перцами облеваны по моему рецепту. Его рвало там, как последнего ишака.

— Такие улики против них, правильно.

— По глупости попались. С удостоверением этим. А если бы все получилось, как задумывали...

Это был день осеннего равноденствия. Начало астрономической осени. Когда день равен ночи. Когда до конца года остается ровно сто дней. С этого дня солнце дает все меньше тепла. В этот день у извечно борющихся быка и льва, олицетворяющих Землю и Солнце, силы равны.

III

Во дворе вертится черный щенок, машет хвостом, нетерпеливо перебирает лапами и смотрит на угрюмого человека просящими глазами. Из дома старуха выносит важному городскому начальнику стул. Толстый и бледный, он сопит, вздыхает и садится. Наклонившись, чешет бока и треплет за уши щенка. Он двоих привез, как ему велено было. Щенку хочется играть, он весело прыгает. Не подозревая, что его родного брата сейчас в доме старуха варит.

На плите в бурлящей кипящей воде плавает розовый щенок. В кастрюле без кожиры он похож на курицу. На крыльце сидит хмурый уважаемый человек с высшим образованием, который будет его есть. Старуха утверждает, что это поможет избавиться от мучающей его опасной болезни. Потеряв веру во врачей, он теперь и собак ест, и чужую мочу пьет. Потому как слаб человек.

— Тетя Наташа! — отворив калитку, громко позвала Катя.

— Сейчас! — откликнулся голос из дома и вскоре показалась хозяйка, вытирая руки, увидела и обрадовалась: — О, привет, пропадающая!

— Тетя Наташа, можно я через вас пройду? А то она заперлась...

— Конечно, Катюша! Что ты спрашиваешь? Пойдем, я тебя провожу.

Угрюмый начальник опустил голову и обхватил ее руками. Они прошли по двору, завешенному мокрым бельем. Под ногами разбегались куры. Пригнувшись, вошли в темный сарай. В загоне на звук их шагов обернулась свинья и молча проводила взглядом. Скинув крючок и толкнув дверь, они оказались в саду.

— Тяжело ей, конечно, сейчас. Все от нее отвернулись. Я к ней постоянно хожу, Катя. Приду, ногу перебинтую. Если она в настроении, то и поговорит со мной. А так все больше молчком.

— Нога до сих пор не зажила еще? — удивилась Катя.

— Возраст такой! Всякая болячка хуже заживает. А то еще и сорвет с себя повязки все. Хуже маленького ребенка.

— Ты хоть у нее ничего не воруеть?

— Как же? — усмехнулась соседка. — Постоянно! Я только за дверь выйду, у нее там сразу возня начинается. Ходить нормально не может, только ползает кое-как. Начинает проверять, ничего ли я у нее не украла? Я один раз не выдержала, зашла обратно и говорю: «Тетя Таня, как вы на меня можете так думать?» А она мне отвечает: «Кто тебя знает? Может, ты только за этим и ходишь?»

Когда Катя окольным путем через соседей оказалась во дворе родного дома, то увидела, что там Василий сидит и курит.

— Не могла меня подождать?

— Тебя дождешься! — проворчала Катя. — Я тебя с утра просила.

Со скрежетом пополз ржавый засов. Тяжело со скрипом отворились ворота.

— А как она сама открывает ее?

— Я даже не знаю. Ладно, я побегу обратно. Меня там клиент ждет. Ты надолго? Я попозже, может быть, зайду.

Катя шагнула в темные холодные сени. На пороге раскрытой двери в кухню стояла мать в давно не стиранным платье с растрепанными волосами. Обваренная в кипятке нога была перевязана завязана сползшим грязным бинтом.

— Милости просим, добро пожаловать! А то я слышу, что кто-то лезет... — махнув рукой, она развернулась и захромала, придерживаясь за стену. — Будете уходить, ворота не забудьте мне запереть.

Присев к столу, она сердито уставилась на дочь. Поцеловав ее в щеку, Катя поставила сумку на стол.

— Ты ведь за другого хотела замуж выйти?

— Хотела.

— Не дождалась?

— Дождалась. Только оказалось, что я ему не нужна.

Он пить, гулять начал. А Василий меня любит.

Подозрительная старуха молча усмехнулась. Она внимательно наблюдала, как Катя выкладывала на стол продукты. За окном стал мелко накрапывать дождь. По стеклу ползли капли. Пахло сыростью.

Потом Катя постирала белье, вымыла всю избу. Поразились, что во всех углах старательно припрятаны бесполезные старые вещи. Тяжело опустившись на скамью, она сказала:

— Мама! Нельзя так жить. Кому оно нужно твоё барахло? От кого ты это прячешь? Всю эту рвань и дрянь. Было бы что ценное. Ведь со всеми переругалась. Все тебя обворовали.

Часто моргая, мать обратилась к ней с искренним недоумением:

— Чем ты меня попрекаешь? — она беспомощно развела руками и вытерла выкатившиеся слезы. — Разве я виновата? Вокруг одни воры. Как же мне быть?

— Что именно у тебя украли?

— Витька у меня последнее, что было, все поворовал.

— Что он у тебя своровал?

— Вот грабельки у меня были. Лопаты были...

— Кому они нужны грабли и лопаты твои?

— Вот никому не нужны, а их нет!

— Дядя Витя в больнице лежит. У него инфаркт случился. Это ему благодарность такая от тебя?

— А мне какая благодарность от вас? Я одна без мужа вас вырастила. Всю жизнь горбатилась на вас и на государство. Чтобы вы подавились!

— Это понятно. Эту старую пластинку мы слушали... — поморщилась Катя. — Дядя Витя был единственный, кто тебя жалел и помогал, а ты и его давай обвинять, что он обокрал тебя.

— Его совесть замучила!

Попроцавшись, Катя вышла и встала за дверь. Сначала долго прислушивалась, потом осторожно приоткрыла дверь и посмотрела в щель. Мать возилась в раскрытом сундуке, от усердия даже выгатила язык. Бровь подозрительно изломана, взгляд дикий. Старуха старательно перекладывала и пересчитывала постельное белье.

IV

Ночь. Ветер шевелит ветви. Так тихо, что даже жутко. Высоко над навесом сарая мерцают звезды. С края досок падают капли. Запах мокрой травы. Мокрые волосы, сухие губы. Спиной прислонился к холодной двери, обитой рваным ватным одеялом.

Постаревший, с лицом в паутине морщин, Петр Сергеевич пробудился от тяжелого неприятного сна, грузно сел на кровати. Часы в кухне мерно пробили три раза.

Поглядев в окно, подумав, Петр Сергеевич осторожно поднялся. В белом нижнем белье призраком двинулся по избе. Вошел тихо на кухню, зажег свет. Наложил из кастрюли в тарелку холодные щи и стал есть, стараясь тихо двигать металлической ложкой по тарелке. Покосился на кота, прыгнувшего с сундука и ласково притеревшегося к его ноге.

— Мя-а! — тихо протянул кот, подняв голову и глядя просящими глазами.

Жмурясь от яркого света, на кухню вошла Вера Ивановна. В сорочке с распущенными волосами, почесывая подмышку. Посмотрела внимательно на него и почему-то шепотом изумленно спросила:

— Ты чего?

— Чего? — Петр Сергеевич неожиданно смутился.

— Сдурел совсем? Ночью спать надо! — строго проворчала она. — Если еще и по ночам будете жрать, на вас не напасешься.

— Покурить встал, и пожевать чего-нибудь захотелось... — он вызывающе повысил голос. — Чего ты разошлась?

— Да пошел ты!.. — махнув рукой, Вера Ивановна вышла в сени и хлопнула дверью.

Возвращаясь обратно, она снова остановилась и сказала миролюбиво:

— Ешь спокойнее. А то еще подавишься. Отниму я у тебя, что ли? — она с тихим удивлением покачала головой: — Вот артист-то где! Голодающий Поволжья!

Провалившись, как в сугроб, в глубокую пуховую пери-ну, Вера Ивановна потянула одеяло. Скоро она тихо похрапывала. На кухне старик вытер усы, отодвинул пустую тарелку и посмотрел в окно.

За окном воет ветер, и скоро здесь наступит зима. В этом холодном краю мало ярких красок. Земля здесь родит мало плодов, за которые человеку приходится бороться.

Северный человек мало предоставлен сам себе. С самого детства он вынужден заботиться о своем завтрашнем дне. Упущенный день или даже час грозит оставить его голодным. В солнечный день он должен помнить о том, что скоро небо затянут тучи. Летом он должен помнить о неминуемой зиме. Он постоянно должен работать, делать различные запасы. Это занимает все его время. Отнимает его лучшие дни.

В южном счастливом краю природа круглый год дает сама все необходимое. Человек может не задумываться о том, будет ли у него завтра чем наполнить желудок и где укрыться от непогоды. Не напрягая изнеженного тела, он может просто наслаждаться жизнью.

Северному человеку трудно даже представить, как легко и беззаботно может быть течение жизни. Южного человека не пугает отсутствие одежды и жилища. Ночь в любое время года можно проводить где придется. Пища тоже достается ему почти даром. Он привык к изобилию даров природы. В любой день года здесь зреют плоды разных сортов.

Северный бледный человек голубыми глазами презрительно смотрит на лежащего под деревом смуглого южанина, считая его бездельником. Ему трудно понять, что можно не заботиться о дереве, чтобы при желании, приоткрыв сонные черные глаза, протянуть руку и сорвать с его ветки спелый плод. Главной заботой южного человека становится то, как развлечь себя.

Под серым небом среди мрачной местности на холодном ветру любая грусть может лишь усилиться. В благословенной счастливой стране под солнцем любое горе кажется не слишком тяжелым. Под горячим солнцем и щебетанием пестрых птиц быстро забываются неприятные стороны жизни, грусть быстро сменяется весельем. Природа внушает иллюзию, что все будет продолжаться бесконечно. Южный человек улыбается.

Северный человек в это время с тоской смотрит в окно на затянутое тучами злое небо, в котором грозно сверкают молнии и грохочет гром, и которое посылает на землю то дождь, то снег.

Задернув занавеску, Петр Сергеевич прошел в спальню. Он нырнул в холодную постель и укрылся одеялом с головой, чтобы согреться собственным дыханием.

Темной ночью все разлеглись и расселись вокруг костра. Обнявшись, одетые в старое рваное тряпье, они разговаривают и смеются. Ждут, когда в костре испечется картошка.

— Пригласили нас в женскую общагу. Приходим туда два таких красавца... — с усмешкой рассказывал Ванька. — Там документ надо какой-нибудь на вахте оставлять, чтобы пропустили. Бабулька на вахте спрашивает: «Вам кого?» — «Мы к знакомым в такую-то комнату...» — «Документы давайте, женихи. Давно ждут. Одна накрутилась, другая перекрутилась». И тут ей Хитрый свое инвалидное удостоверение как выложил...

Над бескрайними полями ярко светят звезды. Белую луну заволокла дымчатая туча. Искры от костра летят вверх. Держа в зубах стебелек, Василий лежит на расстеленной солдатской шинели. Поправив шляпу, Дмитрий стал ворошить алые угли.

— А она ну очень толстая! — рассказывает Маша с чумазым от копоти лицом. — Даже не знаю, как объяснить? Свиныня, короче говоря! Стали собираться на пляж, я ей говорю: «Галя, ты меня извини, но я с тобой не пойду. Я не хочу, чтобы там весь народ в ужасе разбежался».

— И она с тобой разговаривает после этого?

— А она не обижается. Раньше обижалась, теперь привыкла. А если так подумать, то ей и нечего обижаться вовсе. Я ей сколько раз объясняла: «Галя, я ведь не виновата, что ты такая ожиревшая. Что с тобой в люди выйти нельзя. Но мы все равно с тобой подружками были, есть и будем».

Все стали прутьями выкатывать из золы клубни в твердой запекшейся корке. Доставали из карманов соль в спичечных коробках и разламывали дымящиеся картофелины. Смех и разговоры затихли, и тогда неожиданно послышался чай-то храп в темноте.

— Ба! Кто это у нас? Эй! — приподнявшись, Машенька разогнула и вытянула длинную ногу и сильно толкнула ею уснувшего Ваньку. — Ты чего, хахаль малолетний? Домой тащить тебя никто не будет.

Вздохнув, Ванечка сел и стал отряхиваться. Зевая, потер кулаками глаза и поднял воротник.

Вокруг темно. Но это не черное безмолвие. Со всех сторон доносится разнообразие и многоголосие звуков, шорохов, движение теней, блеск. Стрекошет сверчок, свист, шелест, нудение комаров и кваканье лягушек.

— Смотрите, падающая звезда! — восхищенно воскликнув, Катя останавливается и смотрит в небо. — Загадывайте желание быстрее.

Все поднимают головы. Над ними в небесной бездне стораёт несущийся с невероятной скоростью болид.

— Подруга, ты меньше башкой по сторонам крути. Вперед смотри! — строгим голосом говорит Маша и толкает ее в спину. — Давай топай чаще своими кривыми ножками.

Пахнет сыростью. Туман лежит над водой. Гнется камыш. Капли на паутине. Мокрая трава.

Волшебная ночь, как в страшной сказке. Кажется, что где-то далеко слабым голосом печально поет маленькая девочка. Или жалобно позвякивает колокольчик. Все равно жутко. Туман становится гуще. В холодной темной воде колышутся водоросли. Плавают листья и цветы.

НОЯБРЬ

I

В городском парке одиноко в стороне от других растет дерево. Я помню его тонким деревцем, когда сам был маленьким мальчиком. А теперь оно такое же, как и я. Могучее, но кривое, с ранами на толстом стволе, с высохшими ветками.

Каждое мгновение в окружающем мире совершается множество невероятных и удивительных чудес, к которым мы привыкли и перестали замечать. Но разве может быть что-нибудь удивительнее тех превращений, которые начали происходить со мной однажды в ноябре.

Вильнув хвостом, я перевернулся. Вид мой отвратителен. На горле у меня жабры. Нос и рот образуют одну полость. Первые волосы у меня появляются на лице. На моих руках нет пальцев. Во всем этом, что со мной происходит, явно не обошлось без божественного участия.

— Куда ты мне столько навалила?

— Чего?!

- Ты что хочешь, чтобы я раскабанел?
- Жри давай, кому сказала! Может быть, тебе не нравится, как я готовлю?

Я начал различать вкус. Находясь в заполненной горькой соленой жидкостью мешке, я часто глотаю ее и морщусь. Я живу в жидкости, но не чувствую влажности точно так же, как человек, плывущий под водой не ощущает сырости.

— Ты ведь даже попытаться не хочешь. Я считаю, что если человек очень хочет чего-то добиться, то он обязательно этого добьется. Ты слышишь, что я тебе говорю?

Хотя мое ухо не сформировалось, но я начал слышать, что происходит снаружи за стенкой материнского живота. Начал пугаться громких звуков и отворачиваться.

— Глянь вон на ту бабу. Рожа знакомая, а не могу вспомнить. Но я ее точно где-то видела. Тебе она никого не напоминает?

— Не знаю.

— Что ты вечно сразу не знаешь? Ты приглядиись внимательнее.

Даже если бы я мог открыть глаза, то все равно ничего бы не увидел в кромешной тьме, которая меня окружает. У меня есть веки, но они еще долго будут оставаться сросшимися.

Я расту с невероятной скоростью, и за самое короткое время увеличился в миллионы раз. Из невидимой человеческим глазом клетки превратился в нелепую химеру. В гадкое существо, которое составлено из различных частей рыбы, птицы, кошки и еще неизвестно кого.

— Знаешь, спать с тобой под одним одеялом мне особенно удовольствия не доставляет. Потому что ты волосатый. Из-за тебя постоянно чесаться приходится.

— И что мне прикажешь делать?!

А у нее внутри я весь покрыт волосами, густой шерстью. Но она этого не подозревает и не чувствует.

— Короче, вот и погуляли мы снова, да?

Иногда я начинал совершать медленные вращательные движения. Такой странный танец теперь считают сознательным, и вроде бы с этого момента я стал мыслить.

— Вот о чем ты весь вечер думал? Только обещаешь. Я тебя выгуляю завтра. Ага, выгулял. Весь день провалялся. А потом: «А что ты у меня такая бледенькая?» Правильно, где мне хоть глоток кислорода хапнуть на халяву?

— Сейчас пойдем и хапнем.

— На часы погляди.

— Завтра ходим.

— Во-во! У тебя каждый день завтра. Спи! Ты ведь всегда спать хочешь.

Еще не появившись на свет, я даже тогда видел сны. Теперь это доказано. Только непонятно, что каждому из нас тогда могло сниться. Неожиданно от непонятного волнения я пробудился и открыл веки, но теперь мои глаза постоянно закрыты птичьей мигательной перепонкой. С тревогой я стал толкаться в своем мешке.

— Ай, дурак! — вскрикнула и потом тихо обиженно упрекнула: — Больно ведь. Совсем, что ли? Силы свои рассчитывать надо.

— Не плачь, Катюша. Прости, я нечаянно. Где болит? Дай поцелую!

Я тоже умею плакать, но без слез. Зато громко, и мой плач можно даже услышать. Иногда я улыбаюсь. Сосу палец, когда мне тревожно. Могу хмуриться, усмехаться, высовывать язык, косить глазами. Сердитый ребенок рано стареет.

— Чего ты рожу скривил? Я тебя сколько раз просила. Постирал ты свою рубашку, повесь аккуратно. Что она у тебя вечно, как из задницы? Сколько можно тебя учить? Знаешь, как трудно гладить потом?

— Может, я люблю мятое?

— А я нисколько не сомневаюсь. Неряха он и в Африке...

За последние два жарких летних месяца я очень сильно изменился. Волосы на всем моем теле выпали, остались только на голове. Я покрыт сморщенной красной кожей. Хвост, жабры и перепонки исчезли. На пальцах у меня растут ногти. У меня сейчас голубые глаза, это потом они станут серо-зеленые.

— Вот! Теперь хотя бы на человека стал похож. Самому ведь должно быть приятно.

— Ты готова или опять тебя ждать? Пошли, а то опоздаем.

— А сколько время?

Часы на стене показывают четыре часа утра. Как долго длилась таинственная ночь. Порядочная женщина не производит ребенка на свет до истечения девятого месяца. Широко раскрыл глаза, но я почти слеп, и все вокруг представляется мне размытым. Я судорожно дергаюсь в чих-то руках, в опутавшей меня веревке. Мучительно кривляюсь, морщась и собираясь заплакать, я наконец широко раскрываю рот, выпячиваю живот и делаю первое дыхание. Я все еще страшно волнуюсь от новых ощущений и дышу беспорядочно. Но

сразу после первых выдыханий раздражаюсь оглушительным раздраженным криком, под чей-то смех одновременно заливая держашие меня руки мочой и первородным калом.

II

На зеркале висит яркий чертик, сплетенный из желтых и зеленых медицинских трубок от капельницы. Шурупом в стену прикручена красная пластмассовая роза с резными лепестками. Качается маятник часов.

На шершавом угреватом, словно из кожезаменителя, лице растет редкая бороденка. Накануне войдя в избу, Гуцеваров пригладил ладонью сальные волосы, потоптался на месте и нерешительно спросил:

— Так что, дядя Петя, мне завтра прийти с утра? Завтра, что ли, бычка колоть собрались?

— Да, как договаривались... — оторвавшись от газеты, взглянул поверх очков Петр Сергеевич.

Но Гуцеваров выжидающе стоит, не уходит, так что старик вынужден пригласить его:

— Проходи, Николай. Что ты встал у порога?

После стакана Гуцеваров удивительным образом преобразился. Превращение произошло. Он стал таким, каким в жизни давно не был. Помолодел, на глазах в прежнего нахала Кольку превратился.

Хотя сначала все-таки держался, понимая, что если сразу выступать начнет, то ему больше не нальют. Зато потом из него всю широко оборзевший молодой Колян вылез. Глазки глумливым презрением налились, нижнюю челюсть вперед выставил. Присел ведь сначала ненадолго, даже телогрейку не снял. Только шапку в руках скромно мял. Потом через голову стянул с себя и ахнул на пол всю одежду разом. Сидя за столом голый по пояс, весь в татуировках, он ухмылялся.

Иван молча вопросительно переглянулся с отцом. Оперевшись на его плечо, Гуцеваров тяжело поднялся из-за стола. Перешагнув через ком своего барахла, он встал посреди кухни, непослушными пальцами стал перебирать пуговицы на ширинке.

— В избе табак достаешь? — помрачнел Петр Сергеевич. — Иди на двор.

У Гуцеварова в бороде блуждала лукавая улыбка. Он хотел сплюнуть, на губах его запузырилась и медленно потянулась вниз слюна. Выйти на двор он поленился.

— Меси его, сучару! Бешбармак из него делай!

Вскочив, Ванька едва не опрокинул стол, сшиб Гущева-рова на пол. С ликующим остервенением бил его ногами. Петр Сергеевич встал рядом. Оба старались пинать в лицо. Катаясь по полу, полуголый Гущеваров прижимал колени к груди, прятал голову, трясуцимися руками пытался закрыть лицо. Сначала он взревел страшно дурным голосом. Казалось, что вот-вот еще немного он разозлится, как следует, и встанет, и тогда... Но Гущеваров резко затих и замер.

— Ничего! — сказал старик, останавливаясь и переводя дыхание. — Когда проспится, словом не обмолвится.

— Все-таки как бы не обиделся? — сомневалась Вера Ивановна. — А то еще возьмет и не придет завтра?

Она ползала по полу, промокала тряпку кровью и выжимала в помойное ведро. Этой половой тряпкой она и лицо Гущеварову вытерла.

— Проводить бы вам его до дому. Даже если он очухается, сам не дойдет.

Они кое-как с трудом натянули на него его шмотки. Собирая разбросанные по кухне тяжелые табуреты, Вера Ивановна провожала и учила их:

— Домой не заводите, а положите рядом. Может, он на утро проснется и помнить ничего не будет? Он сюда пришел поддатый.

Они среди ночи дотащили лениво и невнятно матерившегося Гущеварова до его дома и положили около забора. Петр Сергеевич поднялся на крыльцо, постучал и позвал жену. Когда она открыла, он заплетающимся языком удивленно сказал ей:

— Что это у вас мужик где валяется? Мы мимо идем, смотрим. Колька лежит. Помочь занести?

— Ой, пусть валяется! Может, ему так нравится?

Утром в пустой избе тихо, часы тикают на стене, качается маятник. Посреди кухни на полу на спине с закрытыми глазами лежит кот, задние лапы развалил в стороны, передние сложил на груди. Встревоженный чем-то донесшимся с улицы, он резко перевернулся, поднял голову, тянет носом воздух. Некоторое время прислушивается, потом снова ложится, поднимает и опускает хвост, ударяя им об пол.

В окно видно, как на двор с сумками входит Зоя. Как одновременно Вера Ивановна тепло прощается с Гущеваровым. Как в стороне Петр Сергеевич качает головой и улыбается.

...А перед этим рано утром Гущеваров пришел сердитый, как бы чем-то недовольный. Наблюдая за ним, Вера Ивановна хватала Петра Сергеевича за руку и шептала:

— Как думаешь, помнит он про вчерашнее?

— У меня после него до сих пор ноги гудят.

Старый больной Валет лежал возле конуры. Но прыгал рядом недавно принесенный похожий на него щенок, которого назвали Валет Второй.

Смерть русского быка не такая нарядная, как у испанского. Когда гигантский коллизей наполнен радостной возбужденной толпой. Везде развеваются флаги. Кричат торговцы, порхают веера, дымят сигары. Щелкает зонтик, которым закрывается черноволосая красавица от жгучего солнца. Вздошно вздымается девичья грудь, лицо скрывает черная кружевная мантилья. Она дрожит и с нетерпением ждет кровавого зрелища. Под звуки оркестра торжественно появляются матадоры в красных плащах. Они медленно выходят и выезжают на лошадях на арену кровавого цирка.

Открываются тяжелые ворота. Выскакивает под одобрительный рев толпы разъяренный свирепый бык. Он гордо озирает толпу. Потом бешено бросается на врагов. Лошадь вместе со всадником высоко взлетают и с грохотом падают на землю. Брюхо лошади распорото, кровь и кишки перемешаны с песком. Бык в ярости бьет копытом, наклоняет голову, нацеливая страшные рога на новую жертву. Рев вокруг стоит невообразимый. Испанский бык умрет, как актер на сцене. Под звуки духового оркестра, под рукоплескания толпы. Весь в вонзенных и торчащих из его тела пиках с разноцветными лентами. Со всех сторон на окровавленный песок от восторженных зрителей будут лететь цветы, апельсины и дамские платки. Это смерть если и не с улыбкой на устах, то точно с улыбкой в бычьей душе.

Нашего вывели. Привязали за рога к глубоко вкопанному в землю столбу. Бык Мишка смотрит ласково на своих добрых хозяев. Он послушно стоит, переминаясь с ноги на ногу. Гущеваров кривым длинным ножом одним резким движением взрезал глотку. В подставленный таз, как из наполненного мешка, плеснулась кровь. В первый раз на бойне каждого человека поражает, какая кровь бывает разная. Алая и жидкая, черная и густая. От ее запаха кружится голова.

Бык бешено взревел и попытался прыгнуть. Закачался и заскрипел деревянный столб. Вымецая всю свою злость

за вчерашнее унижение, Гуцеваров яростными ударами топора разрушал прочную голову. Она хрустела и трескалась. Не только из раны, но из проколотых ушей, из раздувшихся ноздрей хлестала кровь. Гуцеваров морщился и отворачивался от летевших в лицо костных осколков. В тазу пенилась темная сгущенная кровь.

Бык припал на передние ноги, опрокинув таз. Сил, чтобы сопротивляться, не было. Взгляд его огромных выкатившихся глаз остановился, и он определенно что-то вспоминал и думал о чем-то... Моргнул длинными ресницами, в последний раз решительно попробовал вскочить, но вместо этого, часто-часто перебирая подгибающимися нетвердыми ногами, стал беспомощно заваливаться на бок. Тяжело рухнул, и сразу же, встряхивая всю тушу, волнами побежали судороги. Это унижительная смерть с обидой в бычьей душе.

Вытирая руки, тяжело дыша, Вера Ивановна спросила:

— Он кровь будет пить, как думаешь? Может, оставить, не выливать всю?

Петр Сергеевич молча равнодушно пожал плечами.

— А зачем он ее будет пить? — изумленно спросил я, держась от страха за ее юбку.

— Тем, кто быков колет, положено.

Она подошла к Гуцеварову. Он задумчиво посмотрел на вязко загустевшую в алюминиевом тазу парную бычью кровь. Вера Ивановна с робким почтением зачерпнула оттуда стакан. Но он махнул рукой и отказался.

Когда Гуцеваров пошел умываться, она повесила на забор перепачканную в присохшем навозе шкуру. Старик с сыном в это время, сидя на перевернутых ведрах, разделяли подвешенную за ноги розовую тушу. На столе стояла бычья голова и смотрела на все происходящее широко открытыми удивленными глазами. Рядом в тарелке лежало большое бычье сердце. Очень скоро весь исполинский Мишка оказался разобранным на отдельные части.

Вера Ивановна слезила в подпол. Там в углу, где семена хранились, лежало у нее в заначке несколько бутылок.

Рассчитавшись с Гуцеваровым деньгами за работу, она покосилась на своих мужчин и незаметно сунула ему водку. Он стал вяло отказываться, но она, не слушая его, пихнула ее ему за пазуху. Он смущенно поблагодарил. Проводя его со двора, она спросила:

— А что это у тебя с рожей?

Он неопределенно пожал плечами и не ответил.

— Опять пил вчера? Эх, Николай, когда же ты образумишься? Разве можно так пить?

Гуцеваров ушел, а она, довольно усмехаясь, подошла к старику:

— Он не помнит ничего. Помнит только, что пил с кем-то.

— А ты откуда знаешь?

— Он сам мне сказал.

— Правильно, разве он признается? — искренне посмеялся Петр Сергеевич и не поверил.

Спустя месяц Гуцеваров наймет бритовских татар для мести, чтобы превратили Ивана в инвалида. Но те по ошибке темной декабрьской ночью проломают голову не ему. Дмитрий чудом останется жив, перенесет несколько тяжелых операций, несколько лет потом будет каждый год по месяцу в больнице лежать.

...Услышав шаги, кот повел ушами и лениво приоткрыл глаза. Громко хлопнула дверь.

— О, вот он! Развалился! — войдя на кухню, громко выругалась Зоя и поставила сумки. — Пусть эти на диване, а я, как барин, на полу!

Старый кот был благоразумен. Встал и поспешно убежал, с опаской оглядываясь. Хмуρο провожая его взглядом, Зоя сказала своим громовым голосом:

— А у нас вчера кот ходит мокрый весь. Я Митьку спрашиваю: «Ты зачем кота облил?» А у него ведь чего ни спроси, всегда одна присказка: «Мне что делать больше нечего?!» — рассказывала Зоя, выкладывая из сумок продукты. — Я беру этого казбека вытереть, а у него шерсть липкая. Чувствую, что-то не то. Понюхала его. А он, оказывается, плесень лохматая, в бачок с бражкой упал.

В эту ночь выпал снег. На траве, на листьях деревьев... Поля до самого горизонта стали белыми. Под тяжестью мокрого снега старый клен опрокинулся в овраг, вырвав и унеся с собой связанный сильными корнями пласт земли с забором и кустом смородины. Лежал на дне во всей красе разноцветной листвы, стряхнув с себя весь снег при падении.

На рассвете Вера Ивановна выглянула в окно и замерла, зачарованно любуясь. Картина была завораживающая. Валет Второй, впервые в своей жизни встречавший наступление зимы, радостно прыгал и клацал зубами, ловя снежинки.

Из окна смотрело улыбающееся лицо, кожа на котором ослабла. Брови опустились и линия волос поднялась, обнажив белый высокий лоб. Волосы поредели и поседели, щеки обвисли, веки стали дряблыми, от крыльев носа пролегли к уголкам рта глубокие морщины. Обвис подбородок, на шее лежали складки. Улыбаясь, Вера Ивановна смотрела в окно.

III

За гигантским окном можно было одновременно увидеть сотни лиц. Молодых, красивых, улыбающихся, злых, унылых, уродливых, старых. В стеклянном зале столовой с окном во всю стену, склонив головы, сидели сотни людей. Громкий стук ложек и вилок. Бесконечные ряды столов, между которых повара в белых халатах и колпаках катили грохочущие телеги с грязной посудой и чаны с обедками.

Отодвинув тарелку, Василий поднялся из-за стола. Спустился по лестнице и оказался в безлюдном цеху, в котором все рабочие попрятались по своим укромным углам.

В одиночестве в курилке полуграмотный коричневый азиат напряженно читает газету. К нему подходит мастер. Они начинают спорить. Азиат торопится и волнуется от того, что его не понимают. Взбешенно вскочив с лавки, резко взмахнув рукой, он выпалит не понимающему его тарабарщины мастеру Гриценко:

— А-ах, чурбан нерусский!

Тот молча ошарашено смотрит на него. Серые холодные глаза белоруса и черные зрачки горячего азиата.

Усмехнувшись, Василий проходит дальше и видит жующих женщин своей бригады. Они в столовую не ходят, приносят обед из дома.

— Девушки, дайте ножницы.

— Тебе зачем?

— Ногти подстричь.

Из ящика, где лежали их личные вещи, ему выдали маленькие изящные маникюрные ножницы. Он сел рядом с ними на лавке. Снял ботинок, снял носок. Женщины сначала опешили, а потом разом возмущенно закричали:

— Ты, придурок! Лучше ничего не мог придумать?!

— Чего вы? — притворно удивился он. — У вас разве на ногах ногти не растут?

Кашляя, давясь вареными яйцами, ринулись расправиться с ним. Отскочив с ботинком в руке, Василий бросил им ножницы:

— Ладно, ладно. Чего вы? — он снова искренне изобразил удивление. — Просто хотел ногти обработать. Грибок замучил.

Смеясь, вихляющей походкой, он побрел по цеху, слушая сыпавшиеся ему вслед пожелания. Прошел между станков и оказался в уютном закутке. Везде лежат особые петли, уголки, скобы, замысловатые приспособления. Здесь местный умелец чешет голову над собственными хитроумными чертежами.

— Дядя Саня, давай чай попьем?

— В столовой чай не давали сегодня? — буркнул рыжий старик, не отрываясь от своего занятия.

— Там компот не вкусный.

— Кончился чай.

Василий нагло полез в шкаф. Бросив напильник, дядя Саня оттолкнул его, захлопнул дверцу и запер на замок.

— Глупый совсем?!

— А что такое? — недоумевал Василий.

— Ты сюда шел, не видел, что пожарник ходит?

— Нет.

— Тем более. Значит, сейчас пойдет.

Посмотрев между станков, Василий увидел, что по цеху медленно идут, подозрительно ко всему приглядываясь, капитан и лейтенант с папками документов в руках.

— Страшный ты человек, дядя Саня. На полчаса вперед знаешь, что будет.

— А ты как думал?

— Ты что такой сердитый сегодня?

Присев, Василий взял со стола большой тяжелый болт с навинченной гайкой.

— Ого! — подивился он. — Это куда такие мощные?

— Буду жене передок укреплять... — невозмутимо ответил дядя Саня.

Подойдя к столу, он начал аккуратно заворачивать их в бумагу и прятать в сейф.

— Скоро, значит, не подступишься? — посетовал Василий. — Тут резьба на сколько?

Дядя Саня молча, спокойно, без эмоций тщательно обернул последний болт и прикинул в широкой ладони, как кастет. И вдруг подскочил и замахнулся, схватив Василия за горло, бешено округлил глаза:

— Ты про мою жену, да? Убью!

Василия давили и смех, и слезы. Он безуспешно пытался разжать сдавившие его шею толстые пальцы. Дядя Саня спрятал болт в сейф. Смеясь, они сели пить чай.

— А мне наш балабол на прошлой неделе сказал, что Голубок чай специальный пьет. У него, говорит, от этого чая солдат постоянно стоит. Он со своей бабы не слезает. Я поверил, все дела бросил и бегом к Голубку: «Давай наливай!»

— И как? — подмигнул Василий.

— Никакого эффекта. Ноль вообще! — возмущенно ответил дядя Саня. — А он еще противный такой. Я давился, плевался, но пил. Мне самому не надо. Но, думаю, пусть хоть бабушка моя порадуетя.

— Так ты водку бросай пить. А то тебе каждый шабашку несет и наливает. Ты с утра выпил, потом в обед выпил. Какой солдат у тебя будет стоять после этого? А на чай свалил.

— Нет, плохой чай! — покачал головой рыжий старик.

— А потом, дед, тебе сколько лет?

— А ты думаешь, доживешь до моих лет и что? Козлом скакать будешь. Лишь бы какая дала.

Скоро здесь полно набилось народу. Все курят, толкаются, громко кричат и смеются.

— У меня жена, знаешь, какая бешеная?

— А моя полоумная, знаешь, что придумала?

— Их надо сразу на место ставить.

— А ты не пробовал ей в лоб дать?

— А ты своей пробовал?

— Я пробовал. Сразу все понимает. Тихая послушная становится. Только потом разводиться надо.

— Смеется много... — покачал головой дядя Саня. — Не к добру!

— Я не пойму. Отчего перед смертью все вдруг такие суеверные становятся?

— Я сначала тебя похороню, фуфел!

— Столько лет с ней прожил и не подозревал, что у меня жена такая жадная. Она как эту шубу у соседки увидела, ее аж затрясло. Я думал, что у нее пена изо рта пойдет. Вот что значит жадность!

— Понял? — Василий хлопнул по плечу смущенного паренька. — Не женись, Миша. Нечего там делать.

— Ты не женат? — удивленно поднял брови рыжий старик. — А что так? Презираешь падлов?

Неожиданно все замолчали, к ним протиснулась пожилая женщина и взволнованно сказала:

— Василий, вот ты где? Тебя по всему цеху ищут!

— Что случилось? — улыбнулся он. — Ничего без меня сделать не можете.

— Жена твоя звонила.

Она стала говорить, глядя ему в глаза, и с каждым словом он чувствовал, как у него холодеет внутри.

— Иди скорее переодевайся. Пропуск тебе мастер в раздевалку принесет. Беда в твой дом пришла. Торопись, Василий!

IV

Он кричит невыносимо. Их положили в отдельном больничном боксе. Мгновенно похудевший, горячий, со вздутым животом, он мечется в кровати. Когда вдруг перестает плакать, то лежит неподвижно и смотрит умно и жалостно, безмолвно взывая о помощи. Смотреть на это совсем невозможно. Тогда в тишине становится слышно, как в его животе урчит и бурлит. Медсестра меняет пеленку. Каждые полчаса она выносит мясные помои с гноем.

За двое суток Катя сама изменилась до неузнаваемости. Худая и серая, с выпученными глазами, она едва стоит на ногах. Вздохнув, медсестра бросила испачканную пеленку в ведро и сказала:

— Катя, вы идите. Вас врач звал.

Выйдя из палаты, не замечая никого вокруг, Катя прошла по коридору в кабинет главного врача.

— Мне очень трудно, но я обязан вам это сказать... — посадив ее на кушетку, тихо произнес старик с острым взглядом, с густыми черными волосами, похожий на цыгана. — В любой момент он может умереть.

— Но мне сказали, что у него дизентерия.

— Вам правильно сказали.

— Как так?! — невероятное известие и страшная внешность врача поразили ее. — Неужели от дизентерии вылечить нельзя?

— Как вам сказать попроще? Это не вот дизентерия в общепринятом смысле, про которую вы думаете. Их вообще десятки разновидностей.

— Неужели лекарств никаких нет?!

— Есть, очень дорогие. И достать очень трудно. У нас их нет. Пока не отчаивайтесь. Может быть... — поиграв желваками, злой цыган пожал плечами. — Все, что можем, мы делаем.

В маленькой кроватке тяжело дышал впервые уснувший за двое суток маленький человек.

— Тамарочка, может, можно достать где? — взяв за руки медсестру, взмолилась Катя. — Любые деньги отдам.

— Я не знаю, Катя, честное слово. К Людке нашей бывает, что обращаются. У нее свекровь в аптеке работает... Слушай, она мне вчера говорила про кольцо. Может, она специально хотела, чтобы я тебе передала? А я не сообразила.

Вытерев слезы, Катя пристально посмотрела ей в глаза. Сняла с пальца свое обручальное кольцо и вышла в коридор. Найдя медсестру Людю, молча вложила в ее ладонь. Быстро опустив руку в карман халата, посмотрев по сторонам, она прошептала:

— Постараюсь, Катюша. Завтра утром.

Перед катушечным магнитофоном на столе стоял микрофон. Находясь в кабинете один, услышав стук в дверь, врач перестал читать вслух историю болезни. Поднял голову и снял очки. Щелкнул рычажком, остановив вращающиеся боины.

— Смиритесь. Вам лучше сейчас идти домой. Поговорите с мужем, подготовьте его.

— Вы мне только что говорили, чтобы я не отчаивалась! — отчаянно воскликнула Катя.

— Не отчаивайтесь. Но и не обнадеживайте себя. Смириться, я имел в виду, что быть готовой ко всему.

Кусая губы, она вышла из кабинета. За дверью ее ждала Тамара, которая сразу спросила шепотом:

— Людка взяла?

— Взяла.

— Она отпросилась сейчас, убежала. А он что сказал?

— Домой идите, мужа подготовьте.

— Сходи, Катя. Все правильно. Отдохни сама. Поласковее с ним. Переспите...

— Что ты тоже скажешь! — отшатнулась Катя.

Приехала домой, а там бардак полнейший. Грязные пустые тарелки и бутылки везде валяются. Василий в одежде на кровати спит. Растолкала его, надавала пощечин, взвилась в истерике:

— Горе у тебя, да?! Поэтому порешь?! Он по пятьдесят раз в сутки под себя ходит!

— Ты хоть там с ним. А меня к нему даже не пускают.

— Скотина ты! Сказали, что умирает, и скорее загулял. Повод нашел? Не рано ты с ним попрощался? Попытался бы сделать что-нибудь...

Распахнув шкаф, она стала переодеваться. Он сидел молча, обхватив голову руками.

— Чтобы для тебя потом не было неожиданностью. Я с тобой жить не буду! Чем все не закончится, я в любом случае подаю документы на развод.

Хлопнув дверью, она ушла. Когда стихли ее шаги и прогудел уехавший лифт, снова тихо скрипнула дверь. Показалось строгое настороженное лицо. Убедившись, что Катя ушла, она бесшумно вошла в комнату. Поставила на стол бутылку водки.

— А знаешь, почему он умирает?

— Почему?

— Я вас предупредила, что надо ребеночка покрестить? — строго спросила она. — Она посмеялась только. А бог все видит!

Она стояла посреди комнаты, смиренно сложив руки. В черном платке и черном платье. Красивое бледное лицо и чистые ясные небесно голубые глаза.

Бог все видит. Он смотрит сверху. Как кричит от ужасной боли окровавленное погибающее в муках дитя, склонившися над ним мать и окруживших их бессильных врачей.

Прошло несколько дней. Однажды утро началось с такой удивительной тишины, какой просто не должно быть в этом доме, в котором всегда каждое мгновение происходит столько горя и боли.

На столе со вчерашнего дня стоит тарелка с картофельным пюре и котлетой, стакан с компотом. Солнце светит в окно. Проснувшись, Катя жмурится от яркого света, трет глаза. Потягивается, подходит к кровати, а она пустая. Ее охватывает ужас. Распахнув дверь, она бросается в коридор...

Бесконечно длинный белый больничный коридор. Открыты двери палат. Тени сидящих людей. Яркий свет...

Улыбаясь, нянечка медленно катит тележку с тарелками, а Андрюша идет рядом с ней. Держится за тележку, неуверенно переставляя ноги. Шлеп-шлеп, топают ножками в спол-

зших ползунках. Обернулся и смеется, учится ходить. Счастливым такой мальчишка. Умирает который.

V

Другое ноябрьское утро. Ровно через год. Хотя по календарю зима еще не наступила, но давно лежит снег. Давно стоят морозы.

Утром кружит метель и бросает в лицо колючую ледяную крупу. На остановке мерзнут Катя с сыном. Прячась от ветра, он подбежал и уткнулся лицом в ее пальто. Наконец подъехал горящий яркими огнями автобус. Она потянула озорного мальчишку за руку. Поднимаясь по ступенькам, он поскользнулся и упал бы, если бы она его не удержала.

— Ой, мам, я чуть..! — задорно и весело мальчишка выругался матом, от чего все в автобусе захохотали.

Покрасневшей от смущения Кате уступили место, она села и посадила сына на колени. Напротив них сидел пожилой мужчина. Долго и внимательно глядя на него, насупившись, Андруша сердито спросил:

— Ты что, мужик, сидишь балдеешь?

Весь автобус снова захохотал. Подыгрывая, мужчина с седыми прокуренными усами наклонился и очень серьезно спросил:

— А что мне надо делать?

— Нарисуй домик!

Сняв перчатку, он стал толстым ногтем царапать обледенелое окно. Дышал в кулак и прикладывал к стеклу. Молча, нахмурившись, мальчишка внимательно наблюдал.

— Посмотри... Пойдет? — спросил старик.

— Нет! С трубой надо. Чтобы дым шел!

— Верно. Извини, это я промашку дал. Сейчас сделаем. Было в нашем домике а-я-яй, как холодно. А будет э-ге-гей, как жарко!

Взошло солнце, и на стекле заблестели фантастические ледяные узоры. Я прислонился к окну, чтобы из нарисованного домика посмотреть наружу. Как за сто пятьдесят лет до этого написал Пушкин: «Утром я увидел, что буря стихла. Моему взору предстала занесенная снегом необозримая степь. Я распрощался с моим попутчиком, отправился дальше и скоро совсем забыл о нем».

ЗИМА

В полночь выхожу один из дома,
Мерзло по земле шаги стучат.

Бунин.

ДЕКАБРЬ

I

Только задрал голову и приложив к носу платок, можно с изумлением любоваться этим цветком. Есть всего несколько садов на Земле, где он растет. Среди таких цветов миллионы лет назад во времена своего царствования гуляли великие ящерицы. Аморфофаллус титанический цветет очень редко. Посмотреть на это грандиозное событие съезжаются ученые со всего мира.

В эти дни 1980 года он неожиданно зацвел в ботаническом саду Мюнхена. Перед этим четверть века он не цвел нигде. Ни в Бронксе, ни в Лейдене, ни в яванском Богоре, ни в лондонском королевском Кью. Поражающий воображение самый большой цветок в мире похож на гигантский кусок гниющего кровавого мяса, из которого вздымается двухметровый желтый початок. Своим фаллическим видом он многих приводит в смущение. Распространяя при этом нестерпимый запах тухлых яиц и тухлой рыбы.

— Фу! — поморщилась жена начальника, застегнув сапоги и беря тяжелую лисью шубу. — Чем это у вас воняет?

— Соседи тараканов морили... — заискивающе улыбнулась Лидия. — Такие лошади бегают. Откуда только берутся? Дом новый.

— Вы их сами привезли! — усмехнулся наблюдавший за ними из кухни Василий.

— Вот не надо! У нас на старой квартире их вообще не было.

Лидия прислонилась плечом к шкафу с одеждой. Под шкафом в комфортных условиях расположена кладка яиц, из которых скоро появятся сотни рыжих тараканов. Даже появление таракана представляет собой долгий путь сложных последовательных превращений. Сначала из яиц вылупятся бескрылые нимфы. Через шесть линек нимфа превратится в имаго.

Провожая гостей, Лидия теребит в ухе золотую серьгу и смотрит на всех с улыбкой. Нечаянно уронили коробку и рассыпали в коридоре строительный мусор. Гость наклонился собрать, но хозяин потянул его обратно, махнув рукой и подавая рюмку.

— Что вы зеркало даже не повесили? — оглядевшись, недовольно буркнул начальник, подбородком прижав к груди шарф и надевая пальто с цигейковым воротником.

— Не успели. Мы еще вещи не все разобрали.

В коридоре новой квартиры все заставлено коробками, мешками. Подавая с полки пыжиковую шапку, Лидия сказала:

— А я себе резинку пришила. За воротником все равно не видно.

— Зачем?

— У нас у одной бабы сорвали с головы. При мне дело было. Здесь вот возле подъезда. Со второй смены вместе шли. Он схватил и побежал. А она за ним бежит и орет: «Брось, дурак! Она ведь искусственная!..» — засмеялась Лидия. — А там, правда, такая шапка была, без слез не взглянешь. Он просто в темноте не разглядел, наверное.

— У меня так сумку чуть не вырвали на рынке. Толкалась рядом в толпе и вдруг резко как дернет.

— Ты ей по роже не дала?

— Я, честно говоря, растерялась.

— Надо было.

— Они по одному не ходят. Ее там саму за угол затащили бы...

Стоит гордый носатый начальник. Сонно прикрыл глаза. Его толкает в плечо жена и спрашивает:

— Эй, ты как? Поднимите мне веки?

Он открывает глаза и молча глубоко вздыхает. Она берет его под руку и выводит из квартиры. Махнула перчатками, и они вошли в лифт. Проводив гостей, закрыв дверь, Лидия смеется и спрашивает:

— Боря, это вот эта фарья крашенная, которая в кресле сидела, водку твою продала?

— Да.

— Маманя, я тебе не рассказывала? Он перед юбилеем на работу принес водку заранее. А на следующий день заболел. Водка у него в кабинете под столом стояла. Он через неделю с больничного вышел, а она дает деньги и список с фамилиями: «Водку я твою всю продала. Вот эти с полочки отдадут...»

— Я ей говорю...

— Он ей говорит: «Я это на день рождения принес!» А она удивленно: «Да?! Слушай, извини. А я подумала, что ты тоже торговать начал. Хотела, как лучше». Эта корова у них в профкоме сидит, представляешь?!

Лидия стала убирать со стола посуду. Взяла блюдо с подтаявшим и поплывшим холодцом, миску с куриными костями.

На балконе с сигаретой в руке Борис объясняет облокотившемуся на перила и смотрящему вниз с верхнего этажа высотного дома Василию:

— Молодежь вся спивается. Наркотики появились. Народ надо срочно чем-нибудь отвлечь. Знаешь, как БАМ расшифровывается? Брежнев Абманывает Молодежь! Специально для молодежи придумали этот БАМ строить. А так он никому не нужен. Столько денег в него вбухали. Он никогда не окупится...

Он бросил сигарету. Во тьме долго виден ее удаляющийся огонек.

Выйдя из ванной, Борис запахнул на пузе халат, связал узлом пояс. Встал в прихожей перед зеркалом и стал расчесываться. У него рано начали редеть волосы. На полке под зеркалом зазвонил телефон. Он подождал немного и взял трубку.

— Алло? На часы погляди. Чего тебе? Денег завтра? А где я тебе возьму?

Некоторое время задумчиво слушал, потом вздохнул:

— Зачем тебе это надо, а? Ты не представляешь, как с ним научаешься. Его если покупать, то к нему в комплекте сразу надо брать пистолет с одним патроном. Потому что если вдруг что сломается, то лучше застрелиться сразу. Запчастей ты к нему не найдешь... Сколько тебе надо? Хорошо, завтра принесу.

Положив трубку, он вошел на кухню. Косой, одним глазом совсем почти не видел. Когда он с тобой разговарива-

ет, то не понятно, каким глазом он на тебя смотрит. А смотрит он пристально, зорким орлиным взглядом.

— А ты рожу сделай попроще и скажи спасибо, что я за столом молчала. Для своих сослуживцев, для начальства вы все готовы сделать, а для родственников... — ворчала Вера Ивановна, вытирая тарелки полотенцем.

— Чего вы тут ругаетесь? — лениво поинтересовался он.

— Я не ругаюсь. Я говорю, что жена твоя обнаглела.

— Моя лично? — нахмурившись, уточнил Борис.

— Да. Твоя личная. А у тебя еще общественная есть? — сидя в углу, усмехнулась беременная Мария.

Всем постелили и легли. Укрыв одеялом спящих в раздвижном кресле и на раскладушке детей, Катя переступила через спящих на полу мужчин и легла к спящим на диване женщинам. Из спальни через щель пробивается свет. Хлопнула дверца шкафа. Лидия стала взбивать подушки. Слышны их приглушенные голоса:

— Боря, а у этого лысого, который рядом с тобой сидел, как фамилия?

Послышался механический хруст заводимого будильника. Важно солидно глухим басом он ответил:

— Зачем тебе его фамилия? Она у него смешная.

Во всех комнатах погас свет. Проскрипели пружины кровати. Затих смех, послышался храп старика и плач ребенка. За стеной кто-то громко протяжно зевнул.

Это был день зимнего солнцестояния. Начало астрономической зимы. В полдень солнце находится в самой низкой точке над горизонтом. Самый короткий день и самая длинная ночь в году. Когда ночь ровно в полтора раза длиннее.

II

На кровати и сундуке в кучу свалена одежда. В сенях дощатые стены покрыты инеем. Снег оттаял с обуви, по полу везде грязные следы.

В кухне на столе стоит чай в граненом запотевшем стакане, вставленном в железный с выгнутой тонкой ручкой подстаканник. По тарелкам разлиты забеленные щи. От печки ползет запах печеной тыквы. Скоро можно вынимать и доставать из черного чугунка прелые оранжевые куски.

Быстро выбежать ненадолго из избы на двор. По скользким обледенелым ступенькам в накинута на плечи тулупе, в валенках. Из-под снега виднеются желтые волосяные пучки соломы. Крепкий запах навоза бьет в нос. В чистом холодном воздухе он еще ярденее. Трубы дымят в каждой избе. С мороза скорее бежать обратно. Дверь дернул, оттуда навстречу густой белый пар вываливается.

На печку залез, в тепло красных кирпичей. Кислый запах теста, треск дров. В кирпичные выбоины набились семечки и спички. Пара тощих матрацев, рваное ватное одеяло и подушка. В углу рядом с трубой виднеется маленькое окошко, из которого можно незаметно за всеми подглядывать.

Только здесь можно отдалиться от всех на свете, задернуть занавеску с красными жар-птицами и остаться наедине со своими мыслями. Укрывшись тулупом, лежать задумчиво. Слышно, как воет метель. Окна разрисованы ледянными узорами. Кажется, что время остановилось.

В тесной кухне на столе лежит широкий черный противень с хлебом. Постаревшая и располневшая Вера Ивановна обмакнула в кружку с подсолнечным маслом связанный нитками пучок гусиных перьев, обмазала и сунула в печь. Рядом стоят горячие буханки с подгоревшей коркой.

Взяв очки, Петр Сергеевич облизнул палец и оторвал листок календаря на стене. Это был обязательный утренний ритуал. Своего рода важное событие дня. Сел возле окна и стал внимательно медленно читать. Новолуние, долгота дня. В этот день родились клоун Карандаш и поэт Некрасов. На обороте листка изображен шахматный этюд. Рисунок шахматной доски с фигурами. Белые начинают и выигрывают. Решение нужно смотреть на листке от 22 декабря.

Выйдя на крыльцо, окутались дымом, и вскоре захохотали. Петр Сергеевич лишь мгновение послуныявил в губах папиросу и продолжал:

— Он летал тут, как сраный веник. А утром пришел, я на него глянул... У него рожа черная, как кирзовый сапог. Мы с Ванькой с ним не разговариваем, и он даже не глядит в нашу сторону. Я точно знаю, что он все помнит, потому что когда мы его волокли, он у меня прощения просил. Значит, соображал еще. А она подходит к нему: «А, батюшки! Что это у тебя, Коля? Упал, что ли, где-то?»

Стряхнув муку, Мария Ивановна отложила сито. Вытерла стол и поставила ведро с чистой водой. Наблюдавшей за ней Марии показалось, что она плохо выглядит.

— Мама, ты как себя чувствуешь?

— В больницу завтра собралась ехать.

— А что такое?

Посмотрев вокруг, на бегающих гомонящих внучат, старуха тихо сказала:

— Потом расскажу.

Дмитрий перед зеркалом наводит красоту по мушкетерской моде. У него волосы до плеч. Маленькой расчесочкой он усы аккуратно причесывает. Потом берет гитару.

После ужина наедине, пока мыли посуду, подливая в таз с грудой тарелок горячую воду, Зоя спросила:

— Катя, а тебе маманя сколько килограммов мяса дала?

— Да что там? Так...

— Вот именно. А Машеньке знаешь сколько? Вот если нас с тобой вместе сложить... Правильно, Машенька только замуж вышла, ей помогать надо. В сундуке у бабки видела? Это все приданное для Манечки с Ванечкой. А когда Митька на мне женился, у него брюк приличных не было. Сейчас самим жрать нечего, а она продает.

— Продает?

— Да. Ванька проболтался, что они мясо на рынок продавать возили... — она искоса посмотрела на Катю. — Я если бы знала, то сама у нее купила. Пусть бы она назвала цену. А то в прошлом году лук весь продала. Я помню, приехала, просила у нее, чтобы дала хоть чуть-чуть. Мне даже суп сварить было не с чем. Она мне сказала, что у нее у самой мало осталось. Потом это я от Машеньки случайно узнала, что они весь продали. А мы разве меньше кого-то работали в огороде? Все лето каждые выходные здесь. И сажали, и пололи...

— Да, на самом деле, мало мы с Васькой сюда всего тащим? — не выдержала Катя. — И крупы, и консервов...

— Я знаю. И ты про меня знаешь, что я всегда, как приеду, зайду и положу молча. У меня характер такой. Даже если сами дома хрен последний без соли доедаем. Потому что я к его матери еду. У меня такое отношение. А Машенька с этим своим шлангом Виталиком с пустыми руками приедут, зато обратно прут полные сумки. Понятно, что они самые любимые, но справедливость должна быть какая-нибудь?

Сбросив на пол со своей кровати ватные одеяла, Вера Ивановна ногой пихнула их поближе к печке:

— Что вы где стелите? Стелите ближе к голанке, а то задубеете ночью.

Из стены выступает круглый железный бок раскаленной голландской печи. Внутри нее потрескивали дрова, вверху под потолком на натянутой веревке висело белье.

Раздевшись, перед тем, как лечь, Вера Ивановна перекрестится, прошепчет молитву. Провалившись в глубокую перину, долго ворочается, пока уляжется. Натянув на себя одеяло, начинает прислушиваться, о чем снохи говорят.

— Я вчера на похоронах была... — тихо говорила Зоя, боясь разбудить уткнувшегося ей в подмышку сына.

— Кого это? — шепотом удивилась Катя.

— На работе у одной чувашки мужик повесился. С ребенком осталась. Но от него ждали. Он на учете стоял. Он ей давно обещал, что рано или поздно повесится. Его два раза из петли вытаскивали. Одного вообще нельзя было оставлять. Вот в своем доме в подвале с третьей попытки у него получилось. А они на днях должны были из малосемейки переезжать. Она его даже просила: «Давай сначала переедем...» Тоже какой идиот, да? Переехали бы сначала на самом деле, тогда бы и вешался. А так она теперь в малосемейке и останется.

— Ты Тamarку мою знаешь? У нее муж тоже постоянно грозил ей, что в окно выбросится. Чуть только между ними ссора, он сразу заявляет: «Я сейчас в окно выпрыгну!» А потом ей посоветовали: «Ты в следующий раз ему так и скажи, чтобы он прыгал. Он сам побоится». И вот какая-то гулянка у них дома. Как всегда, мало оказалось. Все пошли в овощной за добавкой, а эти одни дома остались и поругались, как обычно. Он ей в своем репертуаре: «Ты такая дура! Ты меня замучила! Я жить с тобой больше не могу! Я сейчас в окно выброшусь!» Она ему говорит: «Прыгай!» Он окно открывает: «Я ведь в самом деле выпрыгну!» — «Прыгай! От меня тебе что надо?» Он свесился, за подоконник держится и уговаривает ее: «Видишь? Сейчас руки отпущу! Ты что мне не веришь?» Она из квартиры выбежала, а он висит. Главное, сам обратно забраться не может. Не знаю, сколько он там висел. У него пальцы все посинели, корячился-корячился. А жить-то хочется! Он, когда сил совсем не осталось, вниз посмотрел, прицелился и оттолкнулся. Упал

точно в клумбу! Представляешь, упал с четвертого этажа и сломал палец на ноге! Месяц сидел по справке!

— Он хоть с того раза больше не говорил, что спрыгнет?

— Что ты! Как подменили.

— Ох, каких только придурков нет в жизни.

За закрытой дверью время от времени то приглушенно, то громко раскатисто раздавался мужской смех.

— Когда к врачу поедешь? — тревожно шепотом спросила Мария.

— Завтра с утра пораньше.

...Металлически звякнули кривые зеркала. Положив их, сняв перчатки, врач строго спросил:

— Вы у гинеколога давно были?

— Давно. Не помню и когда... — одеваясь и пытаясь скрыть охватившее ее волнение, ответила Вера Ивановна. — Не беспокоило, вот и не ходила. А теперь вот... А что?

III

В чистой волшебной воде завораживающе шевелятся водоросли. Задумчивая лягушка дрыгнула лапами, оттолкнувшись от берега, и поплыла. Вокруг летают удивительные синие стрекозы. Булькает звонкая вода, играют сказочные рыбы. Деревья растут прямо из воды, шелестят листья. У мальчишек, сидящих на ветвях деревьев, ноги по щиколотки свешиваются в холодную воду.

— Ты каши ништяк бросил?

Извивающийся в пальцах дождевой червяк терпеливо нанизывается на крючок. Рядом в ведре толкаются караси.

— Морду будем ставить?

— А где ее взять? Ее как в прошлый раз утопили, так и не нашли.

...За окном выла вьюга. Вытирая руки, Катя шмыгнула носом. Подойдя к дивану, толкнула Василия в плечо и позвала:

— Эй, ты!

Из-под одеяла ей не сразу ответил сонный и далекий с берега летнего пруда голос:

— Чего?

— Ты что там притух? Опять морды снятся?

Чуть позже они вместе сидят за столом, и Катя с усмешкой спрашивает:

— Скажи, какой из тебя рыбак? Тебе твоя рыбалка даже во сне снится. А что толку? У нас на работе дядя Костя вот это рыбак! Это я понимаю. Он на этой рыбе машину себе купил. Хочешь, я его попрошу, чтобы он тебя с собой взял? Он тебя научит.

...Разгрузили товарный состав, который снаружи весь опутан колючей проволокой. Дядя Костя чистит вагон, приехавший из далекой страны. Выбросил на снег доски и начал подметать. Наклонился, поднял и с любопытством вертит в руках кусок льда, в котором он увидел замерзшие ракушки, листья неизвестных деревьев и неизвестных насекомых. Удивленно улыбнулся и покачал головой.

Грохот, крики и пронзительные сигнальные звонки доносятся сверху. Над его головой гигантский кран поднимает на стальных тросах железнодорожный контейнер. Дядя Костя спрыгивает из вагона в сугроб. Катя прячет лицо в пуховый платок и осторожно спускается с крана. По рельсам они идут на обед. Вокруг необыкновенная тишина. Только хруст снега и глухой кашель.

— Катюха, ты неужели замерзла?

— Конечно! Никто не греет.

— Тебя начнешь греть, сам замерзнешь!

Зайдя в бытовку, дядя Костя разделся и сел за стол, на котором стоит большое общее блюдо. Все грузчики тянутся и берут из него куски.

— Половину сделаем, половина пусть на завтра остается. А то привыкли очко рвать. Хватит, наверное? В нашем возрасте его беречь надо. В той бригаде ни один с разорванным не ходит.

— А ты ко всем заглядывал?

— Я и так знаю. Если они там никто ничего не делает. Там у всех попки нежные, как у младенцев. Там только рожи пропитые у всех, а попки что надо...

Доносится звук проезжающего поезда. Поднявшись, дядя Костя посмотрел в окно на длинный состав из цистерн.

— Сколько коньяку! — засмеялся он.

— А ты был у Бормана на юбилее? Он набрал спирта, развел чуть покрепче водки, чаем подкрасил и на стол поставил типа коньяк. Правда, резиной также отдает.

— Ты помнишь, нам коньячный спирт приносили?

— Да. Было. Но он дурной. С него дуреешь. Нам на пробу дали. У нас двое прямо здесь на базе подрались.

Один на дачу поехал, взял с собой. Там соседа угостил и схлестнулись. Еще один дома жене репу вскрыл. Нам когда в следующий раз предложили, я даже брать не стал. Хотя и халява. А то проснешься голый в закрытой комнате в наручниках. И спросить не у кого: «А что было-то?»

В бытовку заходит сторож и сбрасывает с плеч тяжелый до пят тулуп. У него темное острое татарское лицо все в морщинах. Он плохо говорит по-русски.

— Эй, чемергес! — засмеялись грузчики. — На рыбалку пойдём?

— Пошли.

— Куда?

— Туда.

— Куда туда? — громче прежнего раздался смех. — Там хорошо клюет?

— Там хорошо! — старый татарин морщится и трет красный нос. — Но у тебя плохо будет.

— Почему?

— Она всегда мало клюет, если на одной конце палки червяк висит, а на другой конце дурак сидит!

— Там судаки есть?

— И судаки, и чудаки... Все есть!

Он присаживается за стол и осторожно заглядывает в их общее блюдо.

— Что так смотришь? Ты такое не ешь? А ты скажи заклинание: «Порося, ай, порося, превратися в рыбку карася!»

— Ты подожди жрать, татарский мухомор. Расскажи, сколько поймал?

— Десять штук. На семь килограмм.

— Каждая? — заготовали все хором.

— Весь день сидел.

— А как ты хотел? Рыба — не триппер. Быстро не поймаешь.

— Что, старый? Налить тебе под закуску? — дядя Костя потянулся и достал из аптечки стакан. — Но ты учти. Аллах — не фраер! Он злее нашего. Ваш все видит. Как ты водку пьешь, салом закусываешь...

— Ушастый пойдет? Ты у него спрашивал?

— Он сказал, что если метель будет, тогда пойдет. Говорит, что в хорошую погоду меня мусора догонят, а в пургу они меня не поймают. Ловцы рыбные — люди гиблые. Он

лет пять назад еле удрал. Всю рыбу, все снасти побросал, одежду с себя скидывал, пока бежал.

— Менты, может быть, и не поймают, а бог все видит.

— Кто?! В Библии написано, что он сам браконьер был.

Когда там все рыбаки собрались на берегу. Всю ночь ловили, ничего не поймали. Жрать нечего, они его попросили. И он им столько рыбы поймал, что они унести не могли. По-твоему, он это им на удочку наловил?

— Ихтио!

— Чего?

— Рыба! А расшифровывается: «Иисус Христос — Божий Сын Спаситель». Это когда христиан преследовали, они в своих домах и на могилах рыбу рисовали. Это их тайный знак был.

— А татары что рисовали? Слышь, бабай? У тебя предки в пещерах что рисовали?

— Красивый картина рисовали. Лучше наших ваших нет.

— Ты хорош жрать! Ступай на пост.

— Татарин кушай, служба идет! — улыбнулся старик.

Вытерев губы, дядя Костя повернулся и постучал кулаком в стену. Движением бровей показал гогочущим грузчикам, чтобы притихли.

За стеной сидят две молодые крановщицы. Чай пьют с конфетами.

— Из садика вшей принес, представляешь? — возмущенно жалуется Катя.

— Как думаешь выводить?

— Я и не думаю. Побрила налысо сразу. Но я еще сегодня в садике утром такой скандал закатила...

Раздается глухой стук кулаком в стену и строгий голос спрашивает:

— Катюха! Ты своего отпустишь с нами на рыбалку?

— Забирайте! — кричит Катя. — Только, чтобы он рыбы принес! А то я его домой не пущу.

Бросив ложку в ящик, дядя Костя встал из-за стола. Подошел к маленькому окну с решеткой и закурил.

— А на кого он ходит?

— Кто?

— Налим сейчас нерестится. Вот он мешками возит. Рыбу жалко. Одну ловишь, а двух калечишь. Они ведь погибают потом. Там жуть! Представь... Ночь. Костер горит. Все вокруг в кровище. Они пицат, как дети...

IV

Ясная звездная ночь. Гладкое ровное поле голубоватого льда. В лунном сиянии снег серебрится. Х-р-р, х-р-р-р... скрипит бур. Дзинь-дзинь-дзинь... звенит рыбацкий колокольчик.

Скрежет множества сверлящих лед буров. Расчищаются лунки. На льду приготовлены варварские крючья.

Начинается лов. Василий старается не отставать от остальных. Рыбаки с безумным азартом выхватывают скользких, похожих на змей, пищащих налимов. Раненые острыми крючьями пятнистые змеи извиваются в их руках. Вытащив, сразу бьют их головой об лед. Брызжет кровь. Кипит работа...

Скрипит лед, в который вонзились и вращаются стальные буры. Подо льдом тысячи молодых налимов бешено клубятся в воде. Влюбленные пары сплетаются своими телами. Самки выпускают множество икры, которую уносит течение. Желтая икра густо покрывает все впадины и углубления на дне. Во всех ямах и омутах ее жадно пожирают окуни и ерши.

В подводном царстве происходит грандиозное действо. Невероятная завораживающая картина. Одновременная страстная любовная игра толкающихся и танцующих налимов. Вдруг сверху падает страшная снасть со множеством острых шипов. Пронзает ими сразу несколько переплетенных самцов и самок и мгновенно выдергивает наверх. Но остальные слишком увлечены и не замечают опасности.

В стороне от этого бешеного кровавого карнавала медленно проплывает огромный красавец двадцати лет от роду. Оливкового цвета с темными пятнами на боках и желтым брюхом. У него широкая сплюснутая голова, во рту множество мелких зубов, лихой гусарский ус растет на подбородке. Этот тур любовного вальса он сегодня пропускает. Он сегодня охотится. Тихо подплыв, он своей пастью разом проглатывает нескольких ершей, увлеченно пожиравших икру.

Налимы удивительным образом сохранились с ледникового периода. Они видели доисторических китов, вымерших вместе с динозаврами. У тех чудовищ не было даже чешуи, а носили они прочные панцири, как средневековые рыцари.

Свет и шум ненадолго привлекают его внимание. Он смотрит желтыми глазами вверх. Там мелькают огни в лунках, доносятся стук, писк, голоса.

А внизу лежит затопленный людьми город. Налим медленно плывет по улице Первомайской, на которой сом залез в дом, а судаки засели в библиотеке. Насытившись, отдыхают полосатые щуки в прокуратуре на улице Советской. Там в опрокинутом сейфе сидит красный рак с выпученными глазами.

Больница и школа медсестер, городской сад и летний кинотеатр, педагогическое училище и ветеринарная лечебница, детский дом и детский сад, нефтебаза, пристань, кирпичные сараи, пески.

В столовой ремонтного завода на Калмыкской улице теперь каждый день рыбный. Мимо кассы проплывают карпы, окуни, пескари, жерехи, лещи, язи и голавли. Там усатый линь ходит по полу и воды не мутит.

От рынка на Сенной площади налим медленно плывет по улице Кооперативной. В первом здании после рынка находится правление колхоза имени Куйбышева. Дальше Госбанк, кинотеатр «Буревестник» с яркими афишами показываемых фильмов, дом колхозника, артель «Заря» по пошиву одежды и обуви, городской Совет и народный суд. В бывшем здании Успенской церкви со снятыми куполами теперь Дом культуры. Дальше аптека и пожарная часть, за которой налим, вильнув хвостом, сворачивает на Комсомольскую улицу. Здесь Дом учителя, райком и кирпичное здание газеты «Большевицкая трибуна», бывший дом бывшего самого богатого человека в городе купца Вайнатовского. Повернув налево на Красноармейскую улицу, налим проплывает мимо школы глухонемых, потом мимо зоотехникума и оказывается у самого большого городского здания. Троицкий Собор высоко вознесся и его видно со всех окраин старого Ставрополя.

Оказавшись перед закрытыми дверями храма, налим побродил кругом в одиночестве, а потом вполз через окно. На полу лежит битое стекло и брошенные вещи. Свечение и мерцание. Налим медленно плывет прямо к святому алтарю. Мимо престола, на котором невидимо присутствует сам Христос и касаться которого могут только священники. Он плывет дальше, где семисвечник и жертвенник.

На стенах изображены библейские картины. Он подплыл ближе и внимательно смотрит. Чтобы увидеть картину двумя глазами, ему надо повернуться.

Возлюбленный ученик Иоанн склонился на грудь Христа, который предупреждает его о грядущем предательстве. Иисус знает, что тот, кто опустит руку в блюдо одновременно с ним, тот и будет предателем. Одна его рука поднята вверх, другая опущена в блюдо. В этот момент наклонившийся через его плечо темноликий вороватый Иуда тоже опускает туда свою грязную руку.

Их бедный стол вопреки древнему преданию обильно покрыт желтой налимьей икрой.

Звездное небо. Лунное сияние и алая кровь. Длинные рыбы извиваются на льду. Над лежащим без сознания Василем стоят и сидят рыбаки с беспокойными лицами. В азарте поскользнувшись, он упал и ударился головой об лед. Они привели его в чувство и с тревогой спросили:

— Вот ты даешь! Давно отдыхаешь?

Он сказал им про город под водой, про дома и улицы, про картины в церкви.

— А ты, знаешь, сильно стукнулся. Сильнее, чем я думал.

— И как бы твой красавец все это увидел? — усмехнулся браконьер Ушастый. — Он у тебя там с фонарем плавал?

— Нет там никакого города! — сказал дядя Костя, поднимаясь и отряхивая снег с колен. — Его, прежде чем затопить, взорвали и с землей сровняли.

Маленькому Васе тогда было пять лет. Накануне того, как высокий белый храм взорвали, Вера Ивановна приводела его и Лидочку сюда в мае. Дорога к храму у каждого своя. А они тогда от рынка сначала пошли по Кооперативной, потом свернули на Комсомольскую...

ЯНВАРЬ

I

Гул голосов под высоким куполом стеклянной пирамиды городского рынка. В мясных рядах раздаются удары топора, хрустят кости. Пол, стены и прилавки обложены белой кафельной плиткой. Весы, гири, ножи. Деньги, тряпки, грязные фартуки. Смех, ругательства. В длинном гардеро-

бе стоят вешалки с острыми крючьями, на которых вместо пальто висят свиные туши.

— Я вчера с этим чуркой водку пил. Он весь вечер языком цокал: «Вай, какой у вас хороший город!» Я его пытаю: «А чем хороший?» Я думал, что он скажет про улицы широкие, про дома высокие. А он головой покачал и говорит: «Какой красивый рынок!»

Улыбающийся мясник в окровавленном фартуке вытирает руки. Убирая волосы под косынку, Зоя раздраженно спрашивает его:

— Кто меня заложил директору?

— Как кто? — смеется он. — А ты не знаешь?

— Милый друг?

— А кто еще?!

— Этот может запросто... — согласилась Зоя. — Пусть только еще раз попробует ко мне сунуться. Конь педаальный.

— Зочка, что ты хочешь? Давно пора бы привыкнуть. Это такой народ. Он тебе будет жалостно рассказать, как его бабушке в деревне трудно живется, а все мысли только о том, что с тебя поиметь можно.

— Этот номер у них не пройдет. Я им сразу сказала: «На меня где сядете, там и слезете!» Вчера домой ухожу, они курят возле ворот. Я мимо прохожу, и они мне так ехидно с улыбочкой: «Зочка, до свидания!» Я им тоже вежливо: «До свидания!» А сама думаю: «Эх, вы и говны! Натуральные говны оба!»

— Разобьешь? — подошла к ней знакомая из овощного ларька.

Молча взяв деньги, Зоя полезла в карман.

— Ты что такая серьезная сегодня?

— А я разве обязана каждый день веселой быть?

Подошли три молодых парня. С сетками, из которых торчат зеленые бутылочные горла. Смотрят на разложенные куски мяса, тихо спорят.

— Вы что хотите, мальчики? — с сигаретой в губах Зоя выглянула из-под прилавка.

— Девочек! — бойко ответил один и засмеялся.

Двое других даже никак не среагировали. Долго шепчутся и наконец показывают пальцем:

— Дайте нам вот этот кусочек. Оно свежее?

Бросив сигарету, Зоя поднялась над прилавком во весь рост и предстала во всей красе. Ярko накрашены пухлые

губы и ногти, на выпирающей из кофты груди лежит брошь, во рту блестят золотые зубы.

— Все свежее, мальчишки. Мясо очень хорошее. Придете и спасибо скажете. Тем более, если вы на шашлык...

Она положила мясо на одну чашу весов, на другую положила высверленные гири. Они достали из карманов деньги, и складывают вместе свои последние мятые рубли.

— А это правда, что из всех животных, человек по своему внутреннему строению больше всего на свинью похож?

Кровь течет с плахи. Копыта валяются. Зоя щурится от яркого солнечного света в цветных витражах:

— Я вам скажу по секрету. Некоторые и внешне очень похожи.

Рядом на блюдах лежат желтые свиные головы. С повисшими ушами, с зажмуренными глазами, с раскрытыми ртами. Здесь длинная галерея масок и типов. Баловень судьбы и Мрачная личность. Начальник и Паяц. Мошенник и Глупец. Моралист и Развратник. В самом конце лежит простое печальное Рыло Человеческое.

В истории болезни одного несчастного, умершего в страшных муках более ста лет назад, есть такие записи наблюдавшего его врача:

«Ему кажется, что его я раздвоенное, состоящее из двух борющихся личностей. Первая личность есть *Глеб*, вторая личность есть Глеб *Иванович*, и даже проще и выразительнее *Иванович*. (NB. Отец матери назывался Глебом, Иванович от Ивана, значит отца его). Со времени его болезни борьба между ними идет ожесточенная. При полном торжестве Ивановича больной не только казался себе, но и в действительности являлся в самых несимпатичных, безобразных, отвратительных видах, до буквального образа свиньи включительно с ее и черепом, и мордой, и хребтом, и ребрами, и даже перестановкой верхних конечностей снаружи внутрь. Так как превращение в свинью является наиболее крайней формой выражения победы Ивановича, то я об этом и буду говорить главным образом. Однажды ночью Глеб наконец оторекся от самого себя в пользу Ивановича. Утром следующего дня он ощущал, как хребет его и ребра стали твердые, крепкие, окостеневшие (оскотинился?) и т.д. Как он ни боролся, но руки его так и тянулись к тому, чтобы сростись с грудью и направиться вперед. Он употреблял невероятные усилия вернуть их в нормальное поло-

жение, хоть сколько-нибудь перетянуть их назад, но когда это ему не удавалось, он тогда-то и совершал свои насилия над самим собою: старался разбить себе голову, перерезывал себя пополам вдоль всего тела, перерезывал себе горло, огнем жег себя. Бывали случаи, когда сквозь мрак заполнившей его отрицательной личности пробивался светлый луч в образе то действительных, то фантастических образов, как ангел, как монахиня Маргарита. Он воочию видит какую-нибудь личность, слышит ее слова и в то же время получает и ощущения осязательные и мышечные, как, например, в следующем случае: стоит перед ним монахиня Маргарита, приказывает ему вытянуть руки ладонями вверх и дать их оплевать. Больной и видит, и чувствует, что ладони его сплошь покрыты толстым слоем плевков. Ему приказывают поднести руки к лицу и обмазать его этой гадостью. Он это исполняет. Подобными путями ему случалось на время воскресить в себе Глеба или совесть, но ненадолго. Вскоре опять вступал в свои права Иванович.

Этим несчастным человеком, которые последние тринадцать лет своей жизни боролся с ужасной свиньей в себе, был удивительный русский писатель Глеб Иванович Успенский.

II

Медленно вращаются бобины магнитофона, протягивая по магнитной головке тонкую ленту с записанными на нее звуками. Из динамиков картавит сиплый голос с блатной интонацией:

— А это для Вити песенка!..
Возле дома нового на краю села
Белая черемуха пышно расцвела.
Белая и стройная прямо у ворот,
Прямо к той черемухе тропочка ведет.

Раздвинув тарелки, Зоя взяла с плиты и поставила посреди стола горячую шипящую сковороду.

— У нас даже Пугачевой нет! — громко язвительно сказала она. — У нас только знаешь что есть? Про «хвостчешуя, не поймал я ничего...» Или как у павильона «Пивоводы» стоял советский часовой...

— Постовой.

— Какая разница?! — рявкнула она на робко возразившего ей мужа. — Или самая, которая прямо больше всего мне нравится. Про «встретил Зюечку на помоечке...» Поняла, да? Не Лидочку, не Любочку, не Олечку, не Танечку. А именно Зюечку! Спасибо, милый! Мне было очень приятно.

— Я здесь при чем? — проворчал Дмитрий. — Если песня такая?

— Конечно, дорогой! Ты тут совершенно ни при чем. Это просто такая песня. Но ты, я думаю, очень старался именно ее найти. Короче, у нас только вот такие песни. Он мне на день рождения Пугачеву обещал записать. Полгода прошло. До сих пор пишет.

— Где я тебе сейчас с больной ногой возьму?

— А раньше у тебя времени не было? Себе про часовой записать он всегда успевает. А я сколько не проси... Глухо, как в танке!

— Говорят, у нее скоро концерт здесь будет. Вот и сходишь, если так приспичило.

— Пугачиха скоро приедет? Это ты где услышал? — неожиданно заинтересовалась Катя. — А я у нее была на концерте. Андрюшка тогда еще грудной был, она в Куйбышев приезжала. Я с подружкой ездила, а Васька целый день с Андрюшкой сидел один. У меня как раз день рождения был. Вот он мне такой подарок сделал.

— И Алка тоже.

— Да, и она тоже. Специально на мой день рождения постаралась приехала. Но это естественно. Я от нее другого не ожидала.

— Понравилось?

— Она мне все свои новые песни спела тогда. Даже, знаешь, такие песни были, которых я до сих пор нигде больше не слышала...

— Возле дома старого на краю села

Белая черемуха больше не цвела.

Грязная, поганая, прямо у ворот.

Больше к той черемухе тропка не ведет.

Зоя подозрительно покосилась на мужа, потянувшегося за бутылкой, и строго сказала:

— Слышь, ты, шланг трехдюймовый! Ты не увлекайся, тебе в поликлинику на прием завтра.

— Завтра! — многозначительно повторил Дмитрий, под-
няв указательный палец.

— И пойдешь опять с опухшей рожей? Человек за тебя
поручился. Не о себе, так о людях хоть бы подумал.

— Все будет пучком.

— А то здесь тебя не знают. Прямо зла не хватает.
Стоит пять капель выпить, так потом три дня не просыхает.

— Не надо ля-ля! — выпил и поморщился Дмитрий.

— Пospели вишни в саду у дяди Вани,

У дяди Вани поспели вишни!

А дядя Ваня с тетей Груней нынче в бане,

А мы под вечер погулять как будто выпили.

— Я в пятницу... — закатила глаза Зоя. — Ой, до сих
пор отойти не могу! Как вспомню, так вздрогну. Стала
одному обормоту взвешивать. С виду такой мужичок не-
взрачный. Простой, как поплавоч унитарный. Обманула его
чуть-чуть. А все обманывают. Ты думаешь, тебя не обвешива-
ют в магазине? Не смей меня. Ты не заметишь и еще
спасибо скажешь. Короче, я его обвесила. Иной раз на бабу
вроде внимание обратишь. Мол, вот эта овца может высту-
пать начать. А мужики редко права качают. Только я ему
чек пробила, он мне сразу корки сует. Ой, у меня матка
опустилась моментом! Я ларек сразу на учет закрыла. Его
хватаю и веду к себе. Полный пакет ему набила, чего ему
надо. Это еще ладно, что я так повела себя сразу. А если
бы начала оправдываться, точно бы протокол составил. Еще,
главное, столько работаю, вроде всех проверяющих давно в
лицо знаю. Я с ними вот так... — она потеряла указатель-
ные пальцы. — А это новенький какой-то. Проводила его, а
меня всю трясет. Две сигареты подряд выкурила.

Напившись вперед всех, Дмитрий стал раздеваться.

— Э-э!.. — попыталась урезонить его Зоя. — Ты что?
К тебе гости пришли или где?

— Виляк! — пригрозил он ей.

Раздевшись догола, упал на кровать. Зоя достала одея-
ло и накрыла его.

— А перед этим накануне тоже чуть с ума не сошла.
Получка же была, мы на работе с девчонками выпили. Ве-
чером домой иду, а поздно было. Мне показалось, парень за
мною идет подозрительный. Я по пути в аптеку зашла, там

все деньги из кошелька незаметно в лифчик переложила. Пускай, думаю, кошелек воруют. И забыла. Домой пришла, спать легла. Утром встаю, в кошелек лезу, а полочки нет! Ты представляешь?! — она приложила руку к груди.

— Пусть дядя Ваня купает тетю Груню,
В колхозной бане товар чеканит.
Мы скажем вместе: «Спасибо, тетя Груня!
И дядя Ваня, и дядя Ваня!»
Поспели вишни в саду у дяди Вани,
А вместо вишен теперь веселый смех.

Бормоча во сне, Дмитрий зашевелился, скинул с себя одеяло.

— Эй, ты! Барон фон Трипербах! — кулаком в бок толкнула его Зоя. — У тебя с утра ноги мерзнуть не будут?

Он лишь невнятно промычал в ответ. Зоя снова накинула на него одеяло, накрыв с головой.

— У тебя сейчас есть что-нибудь? — спросила Катя. — Ты мне дай чуть-чуть.

— Катюша, веришь или нет? У самой морозилка пустая. Давай на следующей неделе? Ты только точно скажи когда.

— Ой, я валяюсь! Когда скажешь, тогда и приду. У нас жрать вообще нечего.

Я помню, как при этом разговоре тетка Зоя гладит меня по голове. Ведь это действительно были голодные времена, когда приходилось думать в первую очередь о пустом желудке.

Я помню, как годы спустя передо мной сидит с мрачным видом гигантский человек. На коленях мешком лежит живот с его желудком, в котором невиданный зверь страшно урчит. Я протягиваю сказочному толстяку наливное яблочко, на которое он смотрит без всякого интереса.

— Спасибо, я яблоки не ем... — угрюмо отказывается печальный жиртрес.

— А что ты ешь? — усмехнувшись, спрашиваю я.

— Я мясо ем. В воскресенье на рынок сходил. Купил свининки, грибочков. Вино свое домашнее попробовал, кисловатое еще. Я сахарку туда сыпанул, чтобы побродило. Соседа позвал: «Приходи, пирожки будем делать». Пирожков наделали с луком, яйцом. Потом с этим... с капустой, с картошкой. Сладких, как у меня матушка в детстве делала.

Я сам все могу делать. Кулебяки, курнички, расстегайчики. Моя сама ничего не готовит, не умеет. Когда дети маленькие были, я часто делал. Сейчас редко, с тестом возиться не люблю. Моя приезжает, мы с соседом сидим пьяные, целый тазик пирожков стоит. Она орет: «Сдурел совсем? Куда их девать?» Я говорю: «Куда хочешь! Выкини или людям раздай». Я квас для окрошки только сам делаю. Он кислый должен быть. стакан огуречного рассола туда обязательно! Мне даже чисто овощная окрошка больше нравится, чем мясная. Хотя в душе я мясоед. Мне мясо нужно обязательно. У меня кусочек сала оставался. Я сам солил. Вчера картошечки пожарил с чесночком. Грибочки открыл, сам мариновал. Моя в магазин за бутылкой сбегала, вечером вдвоем с ней романтически посидели. Потихоньку бульк-бульк... Ой, сказка!

III

Нажав кнопку звонка, постучав кулаком, Катя повернула ручку и открыла дверь. Переступила через порог в пустой коридор и громко спросила:

— Эй! Почему меня никто не встречает?

Из спальни доносился детский смех. Запахивая халат, из кухни выглянула Зоя. С балкона вышел Дмитрий, молча надел пальто, взял шапку и вышел из квартиры. По лестнице протопали вниз его удаляющиеся шаги и стихли.

— Что это с ним? — удивилась Катя.

— Не обращай внимания... Глаз оч... — морщась от изжоги, пробурчала Зоя.

— Что у него? Глаз болит?

— В глаз хочет!

Раздевшись, Катя прошла за ней в спальню, где с криками скакали дети. Проводившая мужа Зоя хитро подмигнула и полезла в шкаф. Из стопки постельного белья достала бутылку вина «Волжского» за рубль-девять.

— Будешь?

— Нет.

— А чай?

— Чай буду.

Открыв бутылку, Зоя прямо из горлышка сделала несколько глотков. Будучи сама чистюлей, Катя всегда поражалась, когда видела в чужой квартире грязь и беспорядок.

— Митя после санатория не пьет? — спросила она.

— О-о!.. — махнув рукой, Зоя прошла на кухню и поставила на плиту чайник. — Что ты! Сразу такой правильный стал. Учит всех, как надо жить. Знаешь, куда сейчас сорвался, как голый в баню? Он у нас дружинник теперь. Вот такие новости из жизни нашего зоопарка... — она поймала пробегавшую мимо девочку и подтянула на ней колготки. — Ты помнишь, как он на 1 мая приполз пьяный? В сенях маманя тазик помоев свиньям приготовила. Накидала всего, что было. Картофельные очистки, сухари, корки, хвосты селедочные, кожура... Мы на кухне в карты играем и вдруг слышим, что за дверью чавкает кто-то. Он с тазиком рядом лег, рукой черпает оттуда. Маманя выбегает, хватается валенок и начинает его лупить. А ему по херу мороз. Он перед тазиком лежит, пригоршней черпает оттуда и облизывает. Маманя орет: «Свиньям оставь, сволочь!» Когда умничать начинает, я ему сразу это напоминаю.

В гулкой морозной тишине скрипит снег под ботинками. Дмитрий подошел к подъезду, в котором находился опорный пункт милиции. Двое приятелей ждали его под окнами с решетками. Они поздоровались, докурили и вместе вошли внутрь. Расписавшись в журнале, взяли у дежурного красные повязки и пошли по своему маршруту.

— Хомяк вчера после второй смены никуда не нырял?

— Нет. У нас сейчас только Михалыч ныряет. К утру домой приходит. С ним жена даже ругаться перестала. Вчера возле «Петушка» его встретил. Вернее, я его издали увидел и даже подходить не стал.

— Вот тоже человеческая натура, да? Всю жизнь копил на эту машину, каждую копейку откладывал, и теперь она у него гниет в гараже. Он хоть на ней ездил?

— А кто его за руль пустит, если он полгода, как фантик? У него жена давно ключи от гаража отобрала и спрятала.

— Все правильно. Мечта всей жизни исполнилась. Стремиться больше не к чему. Ради чего жить?

Почесав затылок, Зоя села на диван и виновато опустила голову:

— Катя, ты меня извини, но я передумала.

— Елы-палы, Зоя! — всплеснув руками, воскликнула Катя. — Я ведь договорилась! Нас люди будут ждать. Я сама с работы на этот день отпросилась.

— Прости меня засранку.

— Ты хотя бы предупредила! — Катя от досады кусала губы.

— Не успела.

— Но ты твердо решила? Опять не передумаешь? Может, у тебя денег нет?

— Больше не передумаю. Буду рожать.

— Они ведь тоже все боятся. Подпольно эти дела делать. А ты если надумала рожать, то зачем пьешь?

— Чего тут?! — поморщилась Зоя на бутылку. — Это компот.

Достав закуску, она хлопнула дверкой холодильника. Вздохнув, Катя отодвинула чай.

— Давай налей мне тоже чуть-чуть. Знаешь, ты меня извини. Не мое дело, конечно... — она поморщилась от выпитого вина. — Но я бы на твоём месте семь раз подумала. Пока время есть. Двое вон бегают. А случись что? А запьёт опять? Бывших алкашей не бывает. С тремя ты что будешь делать?

— Не запьёт. Лечиться сам лег.

— Мало ли что бывает? А разойдётся если?

— Где он ещё такую дуру найдёт, которая согласится с ним жить?

На безлюдной улице воеет ветер, горят фонари. Трое дружинников медленно проходят под окнами кирпичного общежития, в котором живут вьетнамские рабочие. Из освещённых с задернутыми шторами окон доносятся музыка и смех.

— А я вчера тоже слышу под окном крики, визги. Спускаюсь, во дворе народу полно, драка такая, что не поймешь, кто и с кем. Я только гляжу, там сосед моего месяца. Я его схватил, вытащил: «Слышь, говорю, может, ты домой пойдешь?» — «Нет, подожди, я ещё не разобрался, в чем дело». И снова нырк туда в толпу. Я потом вечером захожу к нему. Он лежит на диване весь синий, не встает. «Ну, чего? — спрашиваю. — Разобрался?» Он еле шепчет: «Да, все выяснил».

Они зашли за угол общежития, спрятавшись от неожиданно начавшейся метели.

— Что про них говорить вообще? У них бригада — три пидора, два гада. А бригадир мало того, что глупый, так ещё и дурак!

— И так бывает?

— О-о!.. Сколько угодно! Ты вокруг посмотри.

Вьюга воев так, что им приходится кричать:

— А ты умный?

— Я? Конечно!

— Это с какой стороны?

— Со всех. Весь вокруг!

Выбросив с балкона пустую бутылку, Зоя заплетаясь языком сказала:

— Они все сволочи неблагодарные. У бабки день рождения был, кто ей что подарил? Только мы с тобой. А в цене кто все равно? Сама знаешь. Она наши подарки взяла и сразу в сундук спрятала. Это она Ванечке приданое складывает. А про Ваньку если говорить. Ты обрати внимание, он не любит никого. Несчастливая будет та, кому он достанется.

— А Лидочка кого любит?

— Это вообще змея подколодная, между нами девочками говоря. У нее, во-первых, все вокруг виноваты. Сама такая правильная. А так всегда в жизни бывает. Кто больше всех плохо про других говорит, тот сам хуже всех. Я тебе, знаешь, что про них скажу? У них вроде всегда все тихо-мирно, да? А я как-то из бани с тазиком белья выхожу и слышу, что они ругаются. При чем серьезно так. Я, правда, суть так и не поняла. Только вдруг Боря, видно, не сдержался, как заорет ей: «Ты, падла, всю душу мне обгадила своей простотой!»

— Так прямо и сказал? — недоверчиво усмехнулась Катя.

— Да! И я как раз мимо прохожу, они только меня увидели, и сразу у них все тихо. Я морду веником сделала, мимо прошла с понтом, что ничего не слышала. Потом специально наблюдала за ними. Они снова улыбаются. Делают вид, что все у них нормально. Показушники оба. Мы с Митькой если поругались, так до драки. Никому потом шепотом на ушко рассказывать не надо. Все и так знают.

Вытерев губы, Зоя пошла посмотреть на подозрительно притихших в комнате детей. Когда она вернулась, Катя шутиливо спросила:

— Мы всех обсудили? Или кто еще остался? Давай быстрее, а то мне идти пора.

— Машенька у нас осталась.

— Это наш человек. Хотя тоже. Вот с ней весело, она компанейская такая. Но я давно заметила, что она с тобой будет дружить до тех пор, пока ей от тебя что-то надо. Вспомни, сколько она Лидочку хаяла? А когда сама на Се-

вер собралась, для нее Лидочка первый человек стала. Пока она здесь жила, то к тебе постоянно ходила, потому что продукты брала у тебя. Не было бы этого, еще неизвестно, как бы она к тебе относилась. А вот если нас взять, что бы ни случилось, мы с тобой подругами всегда останемся. Порагуемся, потом помиримся.

— Катя, раз у нас этот разговор зашел. Ты знаешь прекрасно, что у меня язык поганый. Я могу, не подумав, что-то где-то ляпнуть. Ты прости меня, если я иногда...

Они вдруг услышали, что открылась дверь в прихожей. Улыбаясь, Зоя хитро подмигнула, села прямо и сделала серьезное лицо.

Войдя на кухню, Дмитрий сдвинул брови и сердито сказал:

— Пила опять? Сколько можно?

— Ой, держите меня все шестеро! — расхохоталась Зоя, откинувшись на спинку стула. — Пошел ты в пень! Ты чего тут выступаешь?! Давно у бабки помоев не жрал? Свободен, как сопля в полете!

IV

Придя из бани, они сели на кровать. Улыбались и тяжело дышали, с полотенцами на шее, с красными лицами. У Зои торчащие клочками непричесанные русые волосы похожи на паклю, платье прилипло к мокрому телу. Глядя на огонь в приоткрытой дверке печи, Дмитрий задумчиво скребет ногтями голую волосатую грудь. Из другой комнаты Вера Ивановна бросает ему рубашку и носки:

— Одень! А то сейчас мигом продует.

На кухне все тесно сидят за столом, на котором лежат карты, мятые купюры и монеты. Дети разного возраста возятся под столом. Улыбаясь, Хитрый сгреб к себе деньги с коня и снова стал банковать, тасуя в руках колоду:

— Примета есть такая, знаете? Если ладошка чешется, значит к деньгам. А я в детстве сильно порезался... — он вытянул свою короткую детскую ручку и показал шрам на ладони. — С тех пор она у меня постоянно чешется.

Осторожно открывая по одной, Дмитрий смотрит карты. Сидящий у него на коленях озорной мальчишка тоже посмотрел, посчитал и хочет прошептать ему на ухо. Боясь, что могут услышать, отец резко одергивает маленького непоседу:

— Сиди ты спокойно! Без тебя знаю.
— Папа, а можно я дам?
— Дай сюда! — раздраженно воскликнул Дмитрий и стал выскребать из крепко сжатого детского кулачка деньги: — Без сопливых разберемся.

Хлебнув чай из кружки, Петр Сергеевич притворно удивляется:

— Он что? Тоже играет?
— Ой, и в кого только дети такие умные? — вместе с ним удивляется Мария. — Развитые не по годам. В кого, спрашивается? У нас ведь во всем роду всего двое умных.
— Кто это? — насторожилась Лидия.
— Как кто? — взяв черную шкатулку, с невозмутимым видом ответила Мария. — Ты и Боря. Вы двое у нас больше всех все знаете. Учите постоянно, как жить.

Лидия вся вспыхнула от этих слов, но сдержалась. Открыв шкатулку, Мария стала перебирать лежавшие в ней иголки, нитки, резинки и пуговицы. Наклонившись, Катя тронула ее за руку и тихо попросила:

— Машенька, мне с тобой поговорить надо наедине.
— О чем?
— Мы тоже на Север хотим ехать. Посоветоваться с тобой хочу. Только ты никому не говори пока.
— Давай попозже?

Подшивая детские вещи, Мария долго холодно наблюдает, как дочь Настенька стоит возле отца и плачет. А он весь увлечен азартной игрой. Блестят глаза, кончик языка высунул.

— Эй, папаша недоделанный! — закончив шить, Мария перекусывает зубами нить. — Возьми ребенка.

— Куда я ее? — бросает он, не отводя замороженного взгляда от карт.

— Куда хочешь! Нечего было заводить!

Он молча недовольно покосился на жену и посадил дочь на колени.

— Ребята! По чем халва? — ласково улыбнулся карлик Хитрый, у которого голова с кулачок.

Собираясь в баню, Петр Сергеевич порылся в шкафу, взял чистое белье и спросил:

— Сейчас кто идет?

— Иди, иди... — махнула рукой Вера Ивановна. — Мы последними пойдем, мы еще стирать будем.

Прижав к груди белье и наклонившись, Петр Сергеевич стал обуваться:

— Там пар хоть остался?

На кухне его не слышат, там шум и гам, гремят посудой, двигают стулья, шаркают по полу ногами. Петр Сергеевич выпрямился и нетерпеливо заорал:

— Митька!

— Чего?!

— Пар мне оставили?

— Какой пар? Ты чего, батя?! Сам всегда учил, что в большой семье не щелкают... — его слова заглушил неожиданно раздавшийся громкий детский плач.

В предбаннике на натянутой проволоке висели связанные по два березовые веники. От них шел душистый запах. Раздевшись, старик наклонился и прошел в низкую дверь. Потолок в бане низкий, блестит крупными каплями. Пригнувшись, стараясь не задеть плечом раскаленную электрическую лампочку, он осторожно прошел по скользкому полу, присел на широкую низкую лавку. Подставив под кран таз, стал бить ладонью по чугунной ручке, поворачивая ее. Из крана прыснула, переплетаясь, рассыпаясь брызгами, тоненькая струйка, от которой поднимался седой пар.

Пока таз медленно наполнялся, старик увидел что-то, встал, осторожно сделал несколько шагов, скользя по полу. Наклонился и двумя пальцами, остальные брезгливо растопырил в стороны, поднял с пола намокший ком ваты. Бросив его в угол за бочку, тихо проворчал:

— Затычки чьи-то валяются.

В тазу на полке лежит веник, как метла, растрепанный, без листьев, одни прутья остались. Петр Сергеевич вышел в предбанник и взял новый. Положив его в таз, залил кипятком, повертел и помял его.

Он сидел, опустив плечи, поджав под себя худые кривые ноги, держась руками за край лавки. Кожа на его коричневом теле затвердевшая, морщинистая. Низ округлого тугого живота совершенно зарос. Из густой копны жестких волос торчит короткий член, кожа на нем собралась складками. Старик встал с лавки и зачерпнул в железном бачке ковшик кипятка. Сзади на спине и ногах волос пореже, но тоже свалывшийся, намокший, свившийся колечками, прилип. Выплеснув воду на каменку, Петр Сергеевич стал усаживаться на полке. Камни почернели и зашипели, сразу

окутались паром. Быстро высыхая, они постепенно светле-
ли. Едва начав париться, старик бросил веник и неуклюже
спрыгнул с полка:

— Ого! — присев на лавку, он удивленно покачал голо-
вой. — Валит, однако!

Посидел немного, подождал, высморкался на пол. По-
том поднялся, снова плотно закрыл дверь, набрал в ковш
поменьше кипятка, снова плеснул и залез на полочку, под ко-
торым темнела яма для стока воды. Он нещадно хлестал
себя по животу, по груди, по ногам, перекладывая веник из
одной руки в другую. Листья разлетались во все стороны,
липли на стены.

Выйдя в предбанник, Петр Сергеевич сел голым задом
на холодную лавку. Счистил с зубьев расчески намотавши-
еся спутанные волосы и аккуратно причесался. Потом су-
нул ноги в трусы, натянул их до колен. Также до колен он
поднял и оставил трико, надел носки, поставил ноги в гало-
ши, надел майку. Только после этого встал и поднял трико
с трусами до пояса.

Лукаво улыбаясь, Иван поманил к себе племянницу и
тихо спросил:

— А ты котят наших видела?

— Нет! — радостно запрыгала Настенька. — Дядя
Ваня, а где они?

— Пойдем покажу!

Они вышли в темные сени. В углу за сундуком в кар-
тонной коробке шевелились и пищали слепые котята. Кошка
Глаша лежит рядом и смотрит усталым взглядом. Бледная
Настенька вся светится от счастья и шепотом спрашивает:

— А можно я их поглажу?

— Можно.

Она осторожно слегка проводит по котяткам и отдерги-
вает руку. Съезживаясь, смеясь от удовольствия. Кошка ус-
тало жмурится и прикрывает глаза.

— Нравятся?

— Да!

— Ты сколько котят себе возьмешь? Двух или трех?

— Трех!

— Все, договорились. Иди мамке скажи.

Настенька срывается с места и бежит к матери с радос-
тным криком. Вскоре распахивается дверь и на пороге по-
является разгневанная Мария:

— Ваня, юный ты натуралист! Ты чего тут дурью маешься? Она ведь меня теперь этими котятами задолбает. Я их сама сейчас всех в ведре утоплю!

Спустя некоторое время дядя снова подсаживается к любимой племяннице.

— Знаешь, я тебя помню, когда ты была такая, как эти котята сейчас. А ты помнишь, как я к тебе приходил?

— Как я могу помнить? — снисходительно, как на глупого, смотрит на него девочка. — Я тогда совсем маленькая была.

— И что? — удивляется Иван.

— А ты помнишь, что было, когда ты только родился?

— Конечно. Я все помню. Я даже помню, как я родился.

— Ври больше!

— Зачем мне врать? Я родился и сразу на часы посмотрел. Пять утра было. Как сейчас помню.

— Ой, хватит врать.

— Не веришь? Иди вон у бабушки спроси.

Настенька подходит к бабушке и не сразу решается спросить:

— Баба, а дядя Ваня во сколько родился?

— В пять утра.

Прикусив губу, она стоит задумчиво.

— Убедилась? — спрашивает Иван.

Она кивает головой, но смотрит на него все равно как-то недоверчиво.

Петр Сергеевич медленно идет по двору и пристально заглядывает в темные углы, не освещенные светом из окон.

— Слава Богу! Мы думали, что ты уснул там... — встречая его, ворчит Вера Ивановна.

Накинув на дверь крючок, она разделась и вздохнула:

— Машенька, не знаешь, что у меня вот здесь бок колет?

— Всегда или когда что-нибудь делаешь? — спросила Мария, вынимая из мочек ушей золотые сережки.

— Когда наклоняюсь. И спать на нем не могу.

Она сидела на полу, пока Мария наверху парилась. Распустила доходившие до поясицы седые волосы. У нее белое, как молоко, рыхлое тело. Загорелые лицо и руки. Она сидит, вздутый живот лежит на ее коленях, на нем лежат в просвечивающихся синих венах длинные груди. Мария слезла с полка, обдала из ковшика кипятком лавку и села. Взяла с полочки в углу зеркало.

Потянувшись и задернув занавеску на маленьком окошке, Вера Ивановна стала осторожно гладить себя мочалкой.

— Я никак не пойму. Вы с Лидочкой поругались?

— Просто не разговариваем... — побрив подмышки, Мария положила зеркало и ополоснула в тазу бритву.

— А в чем дело?

Положив щиколотку одной ноги с накрашенными красным лаком ногтями на колено другой, Мария стала тереть пятку куском пемзы.

— Мама, представь себе. Мы за всю зиму всего два раза виделись. Когда день рождения у Бори был, они нас даже не позвали. Мне Лидочка перед этим сказала: «Не знаю. Наверное, не будем справлять». Мы все равно пришли с подарком, как положено. Я подумала, что даже если не гуляют, поздравить все равно надо. Заходим, а там полно народа. Нас просто никто не ждал. Мы там присели сбоку, как шушера, бедные родственники. Даже мой хохол, которому всегда все до лампы, и то оскорбился.

Ржавая вода колыхается в тазу, переливается через края. Горячим перепрелым воздухом трудно дышать.

Намылив мочалку, Мария уронила в таз желтый кирпич мыла. Потная и покрасневшая обтерла мочалкой маленькие твердые груди и живот. Попросив потереть ей спину, продолжала рассказывать:

— Боря ее в профсоюз засунул. Она там сидит и по спискам распределяет холодильники, ковры, машины стиральные, дубленки, спортивные костюмы... Короче, все. У них в квартире одна комната битком заставлена. Все в коробках стоит, ничего не распаковано. Специально, чтобы потом в контейнер проще сложить. Там посуды, одежды, бытовой техники детям и внукам хватит. К ним в квартиру когда заходишь, то первая мысль, что они магазин ограбили. У них новые вещи лежат годами, они их не носят, не пользуются ими. Я про себя даже не говорю. Но крестнице своей она хоть раз могла бы с барского плеча подарить пальтишко или платьице? Я у нее попросила дубленку продать мне. Которая у них просто в стенке висит, никто ее не носит и носить не будет. Она мне сказала: «Ой, нет. Боря не разрешит». Я потом к Боре подошла, а он говорит: «Какая дубленка?! Да мне какая разница? Делайте, что хотите». То есть она его даже не спрашивала!

Занавеску на окошке Вера Ивановна все-таки не до конца задернула. Взяв шампунь, Мария начала мыть голову. Подвинув таз с водой, села на корточки, широко раздвинув сильные мускулистые ноги. Ошалевший мальчишка припал с другой стороны к маленькому окошку, которое почти у самой земли.

Одно из самых волнующих мальчишеских воспоминаний на всю жизнь. Сердце бешено стучит. Широко распахнутыми глазами я страшно гляжу. В метре от меня за стеклом на корточках сидит женщина. Мой взгляд устремлен туда, где темная женская тайна. Между как будто нарочно широко разведенных в стороны смуглых ляжек...

ФЕВРАЛЬ

I

До сих пор прекрасно помню, как меня когда-то поразили эти образы. Это мог бы быть отдельный красивый рассказ.

О том, что бог хотел создать лишь прекрасную зарю, но для этого нужно было достойное место, и ему пришлось сотворить целый мир, чтобы она засветилась над ним. Проснувшийся на рассвете художник не поехал к умирающему отцу, потому что заря была невероятно прекрасной. Нужно было срочно зарисовать ее. А его умирающий отец был писателем и в свои последние мгновения впал в отчаяние. Он вдруг понял, что неверно всю жизнь описывал смерть. Все происходит иначе, но он никогда не сможет написать об этом.

Сейчас даже странным кажется. Я научился читать едва не самым последним в классе. А нас там было больше тридцати мальчиков и девочек. Многие в школу пришли и умели читать, а мне долго не давалось. Помню, как однажды вечером отец с досадой сказал:

— Вот это написано про тебя! — показал он пальцем на черные крючки на белой бумаге.

Помню, как я разволновался от мысли о том, что про меня написано в книге. Кто и когда мог про меня написать? Откуда ему про меня стало известно? Я жадно впился глазами в книгу и дрожащими губами прочитал по слогам:

— Ба-ран!

Я помню, что всего через год, когда он лежал в больнице, я приносил ему свои рисунки с короткими подписями. Мне кажется, что я что-то придумывал и фантазировал всегда, сколько себя помню. С определенного времени в спорах я упрямо доказывал, что сама жизнь невероятнее любой фантазии. Никто не придумает того, что может произойти в реальной жизни. Весь окружающий мир представляет собой одно необыкновенное чудо. Даже фотография точной копии жизни не дает.

Пьесы Шекспира изобилуют невысказанными жестокими смертями, разной степени извращенными расчленениями и увечьями. В одной из первых пьес злая королева ест пирог, начиненный мясом двух своих сыновей. Герой пьесы Тит Андроник, которому перед этим отрубили одну руку, закалывает ее и сам тоже погибает. Его дочери Лавинии отрывают язык и отрубают обе руки. Она вынуждена писать имя своего убийцы на песке тростью, зажатой во рту.

Но надо понимать, что шекспировского зрителя в елизаветинскую эпоху вид Лавинии с отрубленными руками вряд ли поразил бы. Это был его быт, его реальность. Выйдя из театра, он мог это увидеть и натурально. Подобные наказания в то время специально проводились в общественных местах на глазах у публики.

В юности я читал очень много. Латинская формула о мальчишке, сидящем в углу с книгой, была точно про меня. И тогда у меня появилось трепетное отношение к напечатанному слову. Сначала я жадно читал про индейцев, всадников без головы, детей джунглей, лунные камни, необитаемые острова и острова сокровищ. Позже стали интересоваться книжки посерьезнее.

Книги мне давал сосед, у которого не было своих детей, и я совершенно свободно пользовался его огромной библиотекой. Его мало волновало, все ли мне понятно из прочитанного. Помню, как бережно он мне давал потертую книжку в терракотовом переплете со словами:

— Тебе это обязательно надо прочитать. Знаешь, что больше всего поражает? Это как он собрал вместе все архетипы. Явление ангела с благой вестью, кровосмешение всех со всеми, выброшенная на берег люлька с младенцем, ключ в рыбе... Понимаешь, где у него еврейская тема, так все десять раз переиздали. А этот его роман напечатали однажды много лет назад в полном собрании сочинений и все.

В средневековой Европе живет дворянская семья. Рано умирают родители. Между братом и сестрой происходит кровосмесительная связь. Он от осознания совершенного греха уезжает и погибает в крестовом походе. Она рождает, кладет в бочку ребенка и дощечку, где описывает историю его рождения. Английские рыбаки вылавливают бочку в море, отдают ребенка священнику, тот его воспитывает. Повзрослев, он узнает, что весь сотворен из греха. Он хочет подвигами очиститься и начинает странствовать по свету. Попав на войну, он храбро сражается. После победы он женится на знатной даме, чей город он спас от захватчиков. Они счастливо прожили три года, у них родились двое детей. А потом неожиданно выясняется, что его жена является его матерью, бросившей его когда-то. Он в отчаянии уезжает отмаливать грехи. Он долго ищет уединенное место, чтобы стать отшельником, и узнает, что есть скала посреди озера на Севере. Злобный рыбак соглашается отвезти его туда и грубо насмехается: «У меня кандалы есть. Может, приковать тебя?» Потом выбрасывает ключ в озеро со смехом: «Ты думаешь, я вернусь за тобой? Только если этот ключ вернется ко мне!» Проходит двадцать лет, за это время он не умирает, лишь высыхает и превращается в уродливое существо. В это время умирает папа римский и долго идут споры, кого назначить на папский престол. Является агнец божий и говорит: «Езжайте на Север. Там стоит скала посреди озера. Там и найдете того, кто вам нужен». Два священника отправляются в путь. На берегу они встречают того рыбака и обращаются к нему, но он отказывается их везти. Сам в это время потрошит пойманную рыбу и находит в брюхе ключ. Тогда он раскаивается и отвозит их к скале. Они находят прикованное существо, везут его в Рим. Он быстро снова принимает человеческий облик и становится самым светлым и известным своими благодеяниями папой римским Григорием. Его жена, которая одновременно и его мать, все двадцать лет ухаживает за прокаженными. До нее доходит весть о добром и мудром папе, и она решает поехать перед ним. Вместе с его детьми, которые одновременно и его внуки, она приезжает в Рим. Слушая ее на исповеди, папа восклицает: «Мать моя!» Она тоже его узнает: «Сын мой, отец моих детей!» Все плачут, обнимаются, и он по праву папы всем и себе все прощает.

После этого довольно трудно чем-то удивить, и меня действительно долго никто не поражал лихостью сюжета. Пока однажды я случайно не узнал о «Вавилонской повести» Ямвлиха.

Весь сюжет во всем его пышном изобилии даже пересказать сложно, настолько он полон неожиданностей. В героиню, например, в определенный момент влюбляется призрак козла. В романе вообще попутно очень подробно описываются самые разные вещи, например, домашняя жизнь и быт вавилонских палачей. Но если не отвлекаться, а пытаться следить только за главной линией, то она приблизительно такова. Жила в городе Вавилоне счастливая супружеская пара. Однажды красавица Синонида отказывает в близости царю. После этого она пыгается отравиться, но ей подменяют яд, и она пронзает себя ножом, но остается жива. Царь приказывает сковать Синониду цепью, а ее мужа Родана распять на кресте. Но любящим супругам удается бежать. Взбешенный царь посылает в погоню провинившихся евнухов, которым перед этим отрезает носы и уши. Рой ядовитых пчел задерживает преследователей, но и сами герои, наевшись меда, засыпают. Они попадают в дом у дороги, хозяин которого убивает и съедает прохожих. Евнухи поджигают дом, супругам удается спастись от огня, бросая в огонь своих ослов. Синонида и Родан прячутся в гробнице, оказавшейся пустой, потому что ее покинула девушка, которую по ошибке посчитали умершей и похоронили. Рядом на цветущем лугу умирает мальчик, поедавший розы, отравившись сидевшей в лепестках ядовитой мухой. Его несчастная мать принимает Родана за своего воскресшего сына. Раб, влюбленный в свою госпожу, убивает ее и затем кончает с собой. При этом кровь попадает на тайно следящую за ним дочь земледельца, у которого скрываются беглецы. При прощании Родан по-братски обнимает ее и тоже пачкает кровью свою одежду. Ревнивая Синонида подозревает, что он лишил дочь земледельца невинности, и решает отомстить ему ответной изменой. А в это время собака Родана съедает тело раба-самоубийцы и часть тела убитой госпожи. Пришедший в это время отец, убежденный, что это останки его дочери, убивает собаку, хоронит тело девушки и вешается сам. В порыве ревности Синонида выходит замуж за сирийского царя. Родан схвачен и предстает перед вавилонским царем. Тот прощает его и отправляет

полководцем своего войска против сирийского царя, а своему слуге приказывает убить его, как только будет одержана победа. Начинается война...

К сожалению, на этом месте заканчивается шестнадцатая книга. Но это даже не половина романа «Вавилоника». Известно лишь, что о дальнейшей судьбе героев рассказывали еще следующие двадцати три книги, которые не сохранились.

— Вот какие книжки надо писать, Андрей! — ясно слышал я в своей голове чей-то твердый укоряющий голос.

II

На стене висит большое круглое зеркало в золоченой раме. Стоя к нему спиной высокий темноволосый зеленоглазый мальчик старается как можно быстрее повернуться. Так быстро, чтобы успеть увидеть в зеркале отражение своего затылка.

В квартире почти нет мебели. Только диван и шкаф, в углу на тумбе стоит телевизор. Посредине комнаты на столе Катя рассыпала муку и раскатала тесто. Порезав на куски мясо, Василий привинтил на край стола мясорубку. Катя сердито посмотрела на мужа и спросила:

— Опять весь день на диване пролежишь? Я на рынок с тобой хотела сходить.

— Сходим.

Хрустнула скорлупа, в железную миску с красным фаршем упали два желтых яйца. Все трое сели за стол. Слепленные пельмени складывали на доску и убирали в холодильник.

— Андрюша, сбегай на кухню. Посмотри, там вода кипит?

За стеной у соседей доносится пение птицы. Наверху девочка лишь недавно стала робко прикасаться тонкими пальчиками к тяжелым белым и черным клавишам пианино.

— Если у тебя голова болит постоянно, то надо к врачу идти. Что так и будешь с работы каждый день приходиться и спать ложиться?

— Туда идти, там обязательно найдут что-нибудь.

— А что ты предлагаешь? Я тоже хочу ничего не делать, а только на диване валяться. Ты заметил, что тебя о чем ни попроси, у тебя всегда отговорка есть. Это у вас семейное. У Митьки всегда живот болит, а у тебя голова.

Катя помолчала, встала и пошла на кухню. Посолила кипящую в кастрюле на плите воду и бросила пельмени.

Вернувшись в комнату, сердито сказала то, о чем действительно думала:

— Ты если не хочешь ехать, то так и скажи. И нечего мне зубы заговаривать. Не хочешь? Значит, никуда не поедем. Только слово скажи. А если на самом деле, то прямо завтра иди к участковой.

Он поиграл желваками и промолчал.

— Как она у тебя болит? — не унималась Катя, с раздражением гремя железной посудой. — Наточи ножи! Сколько тебя просить можно? Как она у тебя болит?

— Не знаешь, как голова может болеть? — проворчал Василий, лязгая лезвием ножа по точильному камню.

— Она что столько времени постоянно болит у тебя?

— Когда сильнее, когда отпускает.

— Попей таблетки, я не знаю... В больницу иди!

Поев, сложив тарелки в раковину, Катя стала одеваться. Василий тоже стал собираться. Покосившись на него, она сказала:

— Сиди дома, одна схожу. А вы уберитесь! В порядок приведите квартиру... — остановившись на пороге, не терпящим возражений тоном добавила: — Завтра без разговоров к врачу идешь!

Возле магазина она увидела Зою, державшую в руках алюминиевый бидон разливного пива и картонную коробку с копченой рыбой. Зоя осторожно спустилась по ступенькам, и они встали у овощного ларька.

— Давай постоим чуть-чуть. Отдышусь хоть немножко... — попросила Зоя, облизывая сухие губы.

— Как ты?

— Хожу по врачам. Таблеток столько выписали. Я с роду столько не пила, названий даже таких не знала. Еще свечи эти... И в задницу, и в передницу. Спасибо, что хоть за это время зубы все пролечила. Я давно заранее спросила у нее: «Сколько раз можно бесплатно лечить?» Она говорит: «Один!»

— Не может быть! Пусть она волосинку со рта уберет. Всегда всю беременность бесплатно лечили. Они ведь все время крошатся.

— А вот она мне так сказала. Но я зато пошла, четыре зуба сразу сделала. Ой! — Зоя поморщилась и схватилась за левый бок. — Ножками бьет прям под ребра. Пьяная там сейчас, от пива разгулялась.

— Почему пьяная? Может, пьяный?

— Нет. Когда я с мальчишкой ходила, он меня ни разу не побеспокоил, а с девкой потом замучилась. Пинала меня всю дорогу. И эта тоже...

— Ты бы хоть на это время не пила.

Обняв ее за талию, Зоя усмехнулась:

— Мы тоже с девчонками смеемся: «Она у тебя вылезать не захочет. Привыкла бухать. Только одни губы высунет. Курить-то тоже хотца!»

— У тебя когда срок подходит?

— Скоро. А вообще я хочу им сказать, что перехаживаю. Надоело мне с этим пузом мучиться. Пусть делают что-нибудь. Хочу рожать быстрее. Как представляю, что опять с этими капризными беременными в палате лежать. Там эти коровы все такие нервные. Особенно те, что в первый раз.

Она взяла Катю под локоть, и они медленно пошли по бульвару.

— Я вчера здесь с этих ступенек так навернулась. За творогом ходила. Захотелось вдруг сырников испечь. Самое обидное, весь творог рассыпала. А главное, рядом столько мужиков стоят. Хоть бы один подошел и помог. Ладно, что не животом упала. А сегодня с Митькой проснулись. Хорошо бы пивка выпить. Митька идти не может. Пришлось опять мне переться.

— Он развязал?! — не сразу сообразила Катя и вздохнула: — Да! Не надолго его хватило. Что теперь делать будешь?

— А что делать? Он мне пообещал. Выходные погуляем, в понедельник он с утра, как штык, на работу. Без всяких продолжений. Я все-таки думаю, что он сейчас за ум взялся. Сколько можно?

Катя проводила ее до подъезда. Зоя присела на лавке, подняла голову и посмотрела на свои окна на последнем этаже.

— Может, зайдешь к нам?

— Нет, пойду. Мой тоже болеет.

— Что с ним?

— Не знаю. Придуривается... — с горечью сказала Катя, прикусив губу и глядя в сторону. — Не хочет он ехать никуда.

— Катюша, а ты сильно хочешь? Просто так там большие зарплаты? Ты думаешь, там легко?

— Я? — она вытерла со щеки слезу. — Я вещи давно собрала!

— Ладно! Ты не расстраивайся. Чего ты? Никчемная та баба, которая не наставит мужика на путь истинный. Не порть компот, тетя Катя! Поломается и поедет. Куда он денется?

— Зюечка! Просто зла не хватает. Мы ведь решили, настроились, со всеми договорились. Зачем тогда я перед Лидкой унижалась? Теперь он начинает нервы трепать.

Подумав, Зоя вздохнула:

— Вообще, жалко, что вы уезжаете.

Зайдя в квартиру, Катя поставила сумки и огляделась. Полы везде вымыты, белье постиранное висит. Тишина только подозрительная. Она тихо прошла в комнату.

— Спишь?

Заскрипев пружинами, Василий зашевелился на диване. Откинул одеяло и сел. Щурясь от света, молча посмотрел на нее.

— Андрюша гулять ушел?

— Да.

— На рынок хоть не ходи совсем. И то хочется, и это. А денег нет ни на что. Мы когда-нибудь будем жить нормально? — она стала раздеваться. — Зюечку сейчас видела. Пьют оба с утра который день. Чем люди думают? Ради чего живут? Не понимаю. Сейчас третьего родят. Митя на радостях даст копоти. Они если сегодня здесь нарисуются, я их не пуцую. Так и знай. Скажу, что ты заболел. Ты, кстати, в поликлинику завтра не передумал идти?

— Нет.

— Сегодня ляжем спать пораньше. Завтра рано с утра пойдешь, возьмешь в регистратуре талон на прием. Что молчишь? — накинув халат, спросила она и повернулась к нему.

— Хорошо.

Яркий луч из окна падал на его лицо. Его жесткие черные волосы казались масляными. На впалых небритых щеках золотилась щетина. Они в последнее время редко спали вместе, и она поразилась, увидев его худое серое тело. Василий глотнул, и острый выпирающий кадык поднялся вверх и опустился. И она вдруг увидела его страдающие глаза. Перемена во всем его облике была такой, что ошеломила ее. Разволновавшись, она почувствовала себя виноватой перед ним. Перед ней сидел измученный больной человек. Как она раньше этого не замечала? Растерянно застегнула пуговки халата. Что-то тяжелое и вязкое потекло под сердцем.

...Это было прошлой весной. А теперь снова была зима. Теперь он лежал в больнице. Домой приходил редко.

Сейчас Катя сидела на кухне и горько плакала, вспоминая тот день, когда перевернулась вся ее жизнь. От него скрывали страшный диагноз, было принято говорить только родственникам. Сейчас он, как всегда, придет из больницы, и они будут спокойно говорить о том, что врачи ни в чем не разбираются.

Щелкнул замок, в прихожей открылась дверь. Быстро вытерев слезы, Катя вскочила и встала к плите.

III

Щелкнул замок, открылась дверь. Раздевшись, Василий прошел на кухню. Стоя у плиты, Катя высыпала нарезанный лук в шипящую скороду. У него потекла кровь из носа. Он сел, задрал голову и достал из кармана платок.

— Тебе врачи хотя бы что-нибудь говорят? — с наигранным возмущением спросила Катя.

— Молчат... — он неопределенно пожал плечами. — Лечат, а от чего сами не знают. Или темнят.

Превращение здорового человека в больного было стремительным и ужасным. Он очень похудел, и вся одежда на нем висела. Кожа стала желтой, а глаза налились кровью. Даже речь его изменилась, как будто его языку мешало что-то во рту.

— Как ты себя чувствуешь?

— Слабость такая во всем теле. Кости болят.

— Слушай, у тебя температуры нет? — Катя приложила ладонь к его лбу. — Иди полежи.

— Сегодня мужики с работы обещали прийти.

Позже войдя в квартиру и увидев его, они с трудом скрыли свое изумление. Все оказались смущены и растеряны тем, как он изменился. Старались вести себя непринужденно и шутили, но слишком заметно было их наигранный веселье.

— Ты чего притворяешься, а?

— Все бабы наши скучают без тебя. Шороху сейчас некому у них наводить. А ты тут разлегся, понимаешь!

— Как там народ поживает? — улыбаясь, сунув ноги в тапки, Василий встал и пошел им навстречу.

— Я тебе говорю. Бабы обнаглели в конец без тебя. Гонять их некому. Ты, говорят, курить бросил? Молодец. А

я никак не могу. Так-то я давно сигареты курю. Но у меня махорка все равно дома лежит. Мне хотя бы раз в месяц обязательно надо махорки покурить. Как свернешь ногу, как затянешься... Дымина такой стоит, ничего вокруг не видно. Все пальцы желтые. Отрава такая, продирает все нутро. Вот мне надо накуриться этой дряни до изжоги. Потом я себя целый месяц человеком чувствую.

Всегда солидный дядя Саня, увидев незнаваемого Василия, растерялся и разволновался. Улыбаясь, часто моргал:

— Ты не думай о плохом. Вон у нас Земфир. Девяносто лет дураку исполнилось. Ничего его не берет!

— Татары они живучи.

— Неизлечимых болезней нет. Давно от всех болезней лекарства есть. Просто врачи скрывают, чтобы без работы не остаться.

Позже наедине с Катей рыжий старик не смог сдержаться. Доставая из кармана конверт с деньгами, он всхлипнул:

— Катя, мы собрали, кто сколько мог... Как же так? Такой молодой! Неужели ничего нельзя сделать?

Проводив их, Катя долго мыла на кухне посуду. Потом зашла в комнату и оторопела. Бурча себе под нос, Василий ходил по кругу и из чайника лил воду на пол.

— Ты что?! — она быстро подошла к нему, вырвала у него из рук чайник. — Проветрись иди!

Он смотрел на нее пустыми стеклянными глазами. Ей стало страшно.

— Выйди, посиди на лавочке. Проветрись!

Он ушел. Она стала из окна за ним наблюдать. Он также ходил по двору кругами, вокруг него бегали маленькие дети. Когда он вернулся, то ничего не помнил. Она ему рассказала, а он ей не поверил.

— Вот ты придумала! — засмеялся Василий. — Ты всегда была фантазерка!

После этого случая она в тайне от него пришла в больницу и попросила, чтобы его не отпускали домой. Но он все равно приходил. Удивлялся, что ему уходить запретили, и смеялся, как ловко он их обманывает.

Однажды утром она ему сказала:

— Я сегодня отгул взяла. Пойдем я тебя провожу.

Они пешком пошли по аллее к медгородку. Было тихое зимнее утро. Дорога была длинная. И красиво так все вок-

руг. Деревья в снегу, как в сказке. Когда они проходили мимо родильного дома, Катя улыбнулась:

— Помнишь, как ты меня встречал здесь? Когда вы пьяные приперлись. Если бы ты знал, как мне тогда тебя прибить хотелось. А домой с Поляковой приезжаем, там картошка жареная с грибами. Если бы ты тогда картошки мне не пожарил, точно бы на развод подала...

Она проглотила ком в горле и продолжала:

— Сели, поели. Андрюшку распеленали. А запеленать обратно не можем. А у него ручки-ножки мягкие, тоненькие. Боимся, как бы не сломать. Я Ритке говорю: «Беги за соседкой...»

Проводив до палаты, попрощавшись, она снова зашла к врачу. Сидела перед ним на кушетке и вытирала слезы:

— Вы говорили, что он как бы с ума может начать сходить. Мне кажется, что это началось. Я теперь его боюсь, когда он приходит. Боюсь с ним одна оставаться.

Спустившись вниз, Катя вышла в больничный сад. Увидела укромное место, села и заревела. Вокруг не было ни души. Кирпичные стены, из подвала темные зарешеченные окна, неподвижные деревья и кусты в снегу.

Успокоившись, она вытерла слезы и положила платок в сумочку. Вздохнула и собралась подняться, подняла голову и оторопела. На балконе стоял Василий. Улыбаясь, он махал ей рукой.

Есть средневековая гравюра, на которой изображен лежащий в постели больной человек. Над ним склонились и спорят сомневающиеся врачи, а за их спинами стоит не сомневающаяся смерть в черном плаще с капюшоном. Она просто ждет.

Услышав шаги, Василий открыл глаза. Он лежит под капельницей в больничной палате.

— Вот и все! — улыбнулась медсестра, вынимая иглу из его вены.

— Можно домой идти? — вымученно улыбнулся он и с трудом пошевелился.

Он лежит в палате один. Вторая койка заправлена. Катя на ней сидит. Она собралась уходить, но он сказал ей, что поест хочет. До этого несколько дней отказывался, а это вдруг сам попросил. Услышав это, медсестра как-то странно посмотрела на него. Потом взяла Катю за руку, вывела из палаты и тихо сказала:

— Знаете, это значит, что он умрет сегодня.

Они вместе пошли к врачу, и он разрешил Кате остаться на ночь. Потом она зашла в палату с тарелками, улыбаясь:

— Ты представляешь? В столовой подхожу к поварихе: «Дайте чего-нибудь вкусного, у меня муж три дня не ел!» Она мне говорит: «Сегодня начальства нет. Берите, что хотите». Я и взяла все, что было. А потом еще набралась наглости, подошла к дежурной и спрашиваю: «Если начальства нет, то можно я ночевать останусь?»

— Катя! — тихо позвал он.

— Чего? — взволнованно откликнулась она.

— Гляди!

Он двумя пальцами без усилий вынул зуб и протянул ей на ладони. У него был полный рот крови. Он сплюнул в стоящее у кровати ведро.

— Зачем ты это? — испугалась она.

— У меня ведь ни одной пломбы нет. За всю жизнь зубы ни разу не лечил.

Она торопливо отвернулась, вытирая слезы.

Наступила ночь. В коридоре стихли шаги и голоса. Они лежали, обнявшись.

— Знаешь, что больше всего сейчас хочу? — спросил он. — В нашем саду полежать на траве.

В густой зеленой траве лежат яблоки. Падая с веток, с глухим стуком бьются о землю. Солнце просвечивает сквозь ветви и листья. На столе в луковой шелухе лежат портняжные ножницы и ржавые гвозди. Пахнет смородиной. Муравьи ползают по босым ногам.

Он стал обнимать ее своими длинными руками и ногами. Они словно змеи, обвивали ее. Потом вдруг схватил ее за шею и стал душить. Она сначала не поняла, а потом резко дернулась из его объятий. Ей удалось легко вырваться. Это давно были не те сильные руки. Но ужас охватил ее. Он смотрел на нее слепыми глазами.

Она распахнула дверь и выбежала в коридор. За столом дежурной горела настольная лампа, но никого не было. Она побежала в ординаторскую.

— Помогите!.. — прошептала она, хотя ей казалось, что она кричала. — Он меня душил!

За те несколько минут, что ее не было, все вещи были разбросаны, белье скомкано, посуда разбита. Стены были

измазаны кровью. Эти несколько минут предсмертной агонии были страшными. Василий лежал на полу. Начинался рассвет. За окном всходило солнце.

Если правда, что к умирающему слетает ангел смерти, то теперь он влетел и сел на кровати, сложил за спину крылья и угрюмо нахохлился. Он весь сплошь покрыт глазами. Разные по величине, равнодушные, выпученные, любопытные, насмешливые, мутные, прикрытые толстыми морщинистыми веками, дремлющие, растерянно хлопающие ресницами...

Над умершим склоняется бледное рыло. Запах тухлой рыбы изо рта. Он внимательно рассматривает и оценивает свою добычу.

Качаются ветви, с которых падают яблоки. Ночью любопытный мальчик крадется заглянуть в спальню родителей. Рано утром радостный подросток бежит на пруд с ведром и удочкой. Став мужчиной, он горько плачет, когда ему в первый раз изменяет женщина. Став отцом, растерянно в первый раз берет на руки громко кричащего сына. В жаркий полдень высокий загорелый красавец стоит на морском пляже под пальмами. Осенней ночью, обнимая жену, переворачивает в золе костра картофелины. Зимней ночью стоит на льду под звездным небом среди множества извивающихся змей...

Он теперь неподвижно лежал на полу. Костлявый, беззубый, с вывалившимся языком, скорченный, с перекошенным лицом, перепачканный, в синяках...

IV

Зеркало на стене, в котором я прежде пытался увидеть свой затылок, завешено черной материей. В зале на табуретах стоит красный гроб. Желтое лицо покойного, зеленые бумажные цветы, белая повязка с молитвой на лбу. Под гробом стоит таз, в нем лежат магнит и проволока. Окно задернуто шторой, и в комнате полумрак. Возле гроба молча сидят родственники. Поправляя платок на голове, Зоя отдувается шепотом:

— Уф, жара! Форточку нельзя, что ли, открыть? — взяв Марию за руку, она ведет ее на кухню. — Гляди, что я тебе покажу.

Посмотрев в коридор убедиться, что хозяйки рядом нет, она открыла шкаф. Весь он плотно забит кашей в брикетах.

— А он мне постоянно жаловался: «Зюечка, я мясо только у тебя могу поесть. Катюха мне только кашу варит».

Хлопнув дверью, задыхаясь, Иван быстро сбегает по лестнице вниз. Там Борис в расстегнутой дубленке и галстуке в одиночестве задумчиво курит.

— Могилу кто роет? — спрашивает он, протягивая сигарету и зажигалку.

— Гущеваров с утра сегодня пошел... — бледный Иван постепенно приходит в себя.

Помолчав, посмотрев на прислоненную к стене крышку гроба, Борис снова спросил:

— А гроб где заказывали?

— Урки сделали.

— И памятник там сварили?

У подъезда давно толпа любопытных собралась. Мимо не проходят, останавливаются и спрашивают:

— Кого хоронят?

— Из какой квартиры?

— А отчего помер?

...Привезли в деревню, поставили гроб у ворот дома. Потом шесть человек на плечах понесли его на кладбище. Оглянувшись, в толпе трудно узнать знакомые лица. Чьи-то белые лбы, черные брови, рыжие усы, красные губы, синие подбородки... Дует ветер, все поднимают воротники. Чей-то голос рядом:

— А в Москве Кобзон и Зюкина всю мафию держат. Чего ты смеешься?

У могилы, прежде чем положили и прибили гвоздями крышку, я положил в гроб свою любимую игрушку. Как только застучал молоток, поднялся невообразимый вой, от которого все растерянно засуетились. Торопливо опустили гроб на дно глубокой ямы. С громким стуком на крышку стали падать бросаемые руками мерзлые комья, словно камни. Схватив лопату, Гущеваров стал энергично сбрасывать черную землю.

— Быстрее надо. А то в столовую опоздаем. Там ждать не будут.

В автобусе тихо шептались:

— Мы в морг ездили вместе. Выкатили нам его голого на железной каталке. Лежит весь синий, живот зашит.

— Он мне всегда жаловался, что она его не кормит, не готовит ему ничего. Он на одной каше сидит. Я, признаюсь, не

верила ему. Тем более, к ним всегда придешь, она такая гостеприимная всегда. А это я у нее на кухне шкаф открываю, а он битком кашей этой забит. Я прямо, как увидела, мне все сразу ясно стало. Я и Машеньке показала. Вы меня извините, но мужику надо мясо есть. А она на всем сэкономила.

— Они и вместе не спали. У нее характер какой? Она постоянно всем недовольна. И вот чуть что, она сына берет в кровать и спит с ним. Чтобы Ваську к себе не пускать. Это у них так заведено было. Он у нее, как барин, постоянно на полу спал.

— Она ведь его не любила никогда. Она и кольцо обручальное никогда не носила. Говорила, что в приметы не верит.

— Он ведь в больнице только днем лежал. Ему там уколы и переливание крови делали. А на ночь его домой отпускали. Так она врачей попросила домой его не отпускать из больницы. Он где-то там вылезал, во что-то переодевался и все равно приходил. А она снова к врачу пришла. Тогда за ним очень строго стали следить. Больше он дома не был.

— Она сейчас самогонку начала продавать. Аппарат ей сварили на работе. Все жалуется, что ей жить не на что.

— А ей сколько бы не было, все равно мало.

— Он больной был, жаловался ей. А она ему не верила и бесилась из-за этого. Говорила, что он притворяется. Ей на Севр за длинным рублем надо было ехать.

В столовой Зоя очень быстро опьянела. На столы только тарелки сладкого риса с изюмом поставили, а она два стакана водки успела выпить и начала громко с кем-то спорить:

— Это только у нас такие законы дебилные. Одним дали эти льготы, а другим нет. У меня трое детей, их одеть и обуть надо. В магазине ничего не купишь. А у этой четверо, она считается многодетной. Ее в первую очередь на мебель, на ковры, на обувь, на продукты. Она на улицу выходит и жалуется: «Фу! Опять объелась...» Она сейчас вторую очередь на цветной телевизор продает за сто рублей. Ее с коврами поймали, из списка вычеркнули. Но сказали, что на будущий год может опять приходиться. Я все эти дела знаю! А начнешь кому-нибудь объяснять, все сразу говорят, что я это от зависти. У меня, значит, детям ходить не в чем. А эта опять накупила по записи и торгует. Сигареты давали по две пачки на человека, она на всех детей получила!

За окном столовой на морозе под ярким солнцем стоит белый крепкий снеговик. С морковью в лице, с ведром на голове, с метлой на боку. Вызывает детский восторг. Но заранее знаешь, что рано или поздно солнце станет греть сильнее. Сначала он накренится, сгорбится, ведро сползет набок, морковь понуро повиснет с лица. Грустная картина. Добродушный белый малый превратится в кособокого серого уroda. Потом вообще останется лишь грязная лужа с плавающими окурками.

Помню, как несколько дней спустя после похорон я и мама сидим, обнявшись, на новом ковре. Мы его долго выбирали и привезли домой на санках.

— Не верится, правда? — спросила она. — Кажется, что сейчас дверь откроется и отец войдет.

Это на самом деле так казалось. Ведь он совсем недавно перестал приходить. Действительно, сейчас должен щелкнуть замок, должна открыться дверь и он войдет.

Щелкнул замок. Это мы закрылись. Нам теперь страшно одним дома.

— Может, поедem и выкопаем его?

Она заплакала. Я поцеловал ее и сказал:

— Мама, не плачь! Я вырасту и женюсь на тебе.

Там навалило много снега, и не видно ничьих следов. Кажется, что за всю зиму сюда никто не приходил. Идешь и проваливаешься в сугроб по колено. Но ведь скоро весь снег исчезнет. Придет весна. Из черной земли пробьется и задрожит на ветру зеленая трава.

ВЕСНА

Поток холодный мчал с хрустальным звоном,
И я узрел, склонившись над струей,
Как блещет красноперка чешуей.
Чосер.

МАРТ

I

На двухметровой глубине в темноте и тишине в обитом красной тканью деревянном ящике происходит последнее превращение. Пока земля была холодной, он почти не изменился. Но пришла весна. Его желтое тело покрылось зелеными пятнами. Сначала на животе, потом все туловище и особенно быстро сгнили половые органы, последними пожелтели руки и ноги. Постепенно весь он стал грязно зеленого цвета. Внутри него стали скапливаться гнилостные газы. Тело гигантски увеличилось в объеме, растянуло одежду, которая держалась лишь на швах и пуговицах. Кожа стала твердой и плотной. Лицо раздулось. Губы вывернулись. Кожа поднялась в виде пузырей, наполненных гнойной кровянистой жидкостью. Через месяц из лопнувших пузырей прорвались газы, и объем снова уменьшился. Все тело превратилось в кашу. В творог из мягких тканей, который кишел червями и личинками мясных мух. После разрушения кожи вся бурая зловонная масса растеклась по гробу. Одежда пропиталась ею. Гниющая жижа сквозь доски ушла в почву. Он стал высыхать. Волосы, кости, пуговицы, подошвы туфель, пряжка ремня, лента с надписью: «Прими меня, Господи!»

Кончен путь. Пух, прах человеческий. Ничто...

II

После этого мы в деревню не ездили. Многое я забыл, но щедрое гостеприимство дяди Коли Гуцеварова прекрасно помню. Это один из самых незабываемых дней моего детства.

Про самого дядю Колю помню две вещи. В советской торговле для товаров существовал знак качества в виде пятиконечной звезды с вписанной в нее буквой «К». В Советском Союзе таким клеймом маркировались все вещи высшего качества. Однажды в бане я увидел, что у дяди Коли такой знак был наколот на половом члене. А еще у него во дворе сидела на цепи самая страшная собака из всех, каких я встречал в своей жизни.

Однажды солнечным весенним днем он крикнул мне из окна своего дома:

— Андрюха! — в раскрытом окне появилось опухшее темное лицо. — Давай заходи в гости.

— Там у вас во дворе ... — робко возразил я.

— А-а... Сейчас я его загоню.

Окно закрылось, опустилась занавеска. За железными воротами послышалось рычание, зазвенела цепь. На злобного пса хрипло сыпались отборные ругательства.

Потом я услышал приближающиеся шаги. Лязгнул засов, запахнулась калитка, и вышел улыбающийся беззубый Гуцеваров. Он протянул ко мне веснушчатые руки и неожиданно крепко обнял. За моей спиной со зловещим скрипом затворилась калитка, и дядя Коля повел меня в дом.

Оказалось, что он там был один. У него несколько дней продолжался запой. Он посадил меня за стол, уставленный бутылками и тарелками.

— Угощайся! Что хочешь? Колбаски сейчас подрежем. Ливерную любишь? Извини, брат, но сервелата нету. Знаешь, мы ведь с твоим отцом по молодости вытворяли...

Потом я долго терпеливо слушал воспоминания о чудесных днях его юности.

— С корешом на берегу вот так же сидели. Я стаканяру замахнул и перед тем, как вырубиться, спросил: «Слабо речку переплыть?» Короче, я через три часа проснулся. А его через три дня выловили.

Слушая его, я кивал головой и старательно подъяедал из тарелок закуски. А Гуцеваров рассказывал и вытирал слезы. Наевшись, я начал скучать и придумывал предлог, как бы мне уйти. Совершенно расчувствовавшись, он неожиданно вложил в мою ладонь смятую фиолетовую бумажку. Я даже не сообразил сначала что это. Гуцеваров погладил меня по голове и поцеловал мокрыми губами в щеку. Бросив бумажку на стол, я выскочил из кухни. Помню, что в тот момент я сильно испугался. Просто прежде такого никогда в руках не держал. Она словно обожгла мне ладонь.

Прибежав, я увидел, что все за большим столом играли в карты. Сгребая деньги, Хитрый смеялся:

— Я разве виноват, если мне карта прет?

— Слышь, ты! Я тебя последний раз предупреждаю, как та лягушка: «Кватит, накуй!»

— Ой, кто это раздавал? — поморщилась Мария, забежав из кухни. — Приложился к колоде своей поганой ручкой. Кому в ручонки накакать?

Тяжело дыша, я потянул маму за руку. Вид у меня был такой взволнованный, что она положила карты и встала из-за стола. В темных сенях, где стучались об оконные стекла разбуженные весенним солнцем мухи, мы стали тревожно шептаться:

— Тебя кто в попу ранил? Ты откуда такой бешеный?

— Мне дядя Коля сейчас двадцать пять рублей дал.

— Ладно! — обрадовалась она. — А где они? Давай сюда!

В темном углу магическим светом горели зеленые кошачьи глаза.

— Я их не взял.

— Почему?

Я растерянно пожал плечами. Мне казалось, что я поступил правильно. Но мама была явно разочарована.

— Значит так. Сейчас быстро иди обратно. Он чего там делает? Пока он не передумал, заberi у него. Все равно прощет.

Развернув, она легко подтолкнула меня к двери. Вернувшись в дом Гуцеварова, я сразу заметил, что брошенной мною мятой фиолетовой бумажки на столе не было. Он снова ласково меня встретил, обнял и посадил за стол. Он просто успел забыть, что видел меня недавно. Он мне искренне обрадовался и принялся рассказывать заново свои

приключения. Мне пришлось терпеливо его слушать. Наконец я не выдержал и сказал:

— Дядя Коля, знаешь, дай мне двадцать пять рублей и я пойду.

Он осекся на полуслове, слезы высохли на его щеках. Побагровело пестрое в пятнах и оспинах, словно изгрызенное, лицо.

— Чего? Ах, ты, фраер сопливый! — Гущеваров грозно сверкнул глазами. — Четвертной тебе дать? А ты знаешь, шкуренок, как он мне тяжело достается? Отца нет, пороть некому. Но я тебя научу. Как меня в свое время учили!

С грохотом посыпались пустые бутылки. С перекошенным лицом он вскочил из-за стола. В его руке оказался резиновый шланг, который со свистом рассекал воздух. Я в темноте метался по чужому дому. Прыгнул в окно, пролетел через колючие кусты, потом перескочил через забор. Позади раздавался собачий лай. Остановился я далеко в поле, упал на землю, тяжело дыша.

Обратно в сумерках я возвращался осторожно. Забрался в сад и там случайно подслушал тихий разговор. Они сидели на лавке под яблонями. На белой стене бани я видел три тени.

— А я Вальку недавно встретила на рынке... — сказала сгорбившаяся тень. — Первую жену. Я ее не узнала, она сама ко мне подошла. Такая мадам солидная, вся в золоте. Этот армян перед ней весь извертелся. Она ко мне подходит с улыбкой: «Здравствуйте, тетя Вера. Как Вася поживает?» Я говорю: «Никак. Он умер...» По-моему, она заплакала. Как-то так лицо закрыла и пошла. Армян подходит: «А вы откуда Валентину Михайловну знаете?»

— Если бы он с ней не разошелся, глядишь, и живой бы сейчас был.

— С ней бы он все равно не жил.

— Она хоть и гулящая была, но она его любила. А Катя лучше, что ли? — хмыкнула толстая тень. — Она сама тоже гулять начала, когда он еще живой был. На похоронах видели? Мордоворот ходил такой деловой в клетчатом пиджаке? Суетился больше всех.

— С усами?

— Да. Это ведь хахаль ее. Он после похорон в открытую к ней ходить стал. Я сначала просто не поверила, что-

бы она на похороны мужа хахалю позвала. Это какую наглость надо иметь?

— Она и кольцо обручальное не носила никогда.

— Так она его в больнице медсестре отдала... — робко возразила худая длинная тень.

— Это она так говорит!

Случайно подслушанный разговор я пересказал позже маме. После этого мы в деревню больше не ездили. Я совсем тогда не придавал значения словам, которые так сильно ее обидели. Мои воспоминания о последнем дне в деревне были связаны с лаем страшной собаки, лихим свистом резинового шланга и грозным блеском красных глаз.

Как написано было когда-то в старом букваре в назидание непослушным детям:

*Да милость господня к тому снизойдет,
Кто деток порядком за дело сечет!*

III

В моем воображении возникают волнующие образы. Одинокий алый мак среди сухой желтой травы. Слепая гадалка раскладывает карты. Девочка, убежавшая в поле за бабочкой. Черного ворона раскрасили самыми яркими красками.

...На главной городской улице посажена аллея и установлены черные скульптуры, посвященные истории движения. Мужчина во фраке и цилиндре, девушка в длинном платье и с зонтом стоят на палубе корабля, в корзине воздушного шара, на месте машиниста паровоза. Обгоняя стремительно движущиеся корабль, воздушный шар и паровоз, по мокрому асфальту медленно катится детская коляска.

Неожиданно пошел снег, и гигантские снежинки стали падать на мое лицо. Проснувшись, выплюнув соску, я выпучил глаза и широко раскрыл рот. Я ловлю их ртом и глотаю.

— Эй, залетайте все ко мне! — глядя на меня, смеется мама.

...Крепко держа за руку, она переводит меня через дорожку. Пронесется по лужам автомобили, выплескивая из-под колес фонтаны брызг. Потом мы зашли в парк, она отпустила мою руку и сказала:

— Все, вот здесь можешь гулять. А то носятся, как собаки бешеные.

— Где собаки бешеные?! — я испуганно смотрю вокруг.

...Вспоминаю этот ужас, когда деревенские мальчишки в поле поймали суслика, разрезали, пожарили на костре и съели. Мне было его очень жалко, но я вида перед пацанами не показал. Хотя очень тошно было.

Однажды в школе дали задание принести на картоне скелет настоящей рыбы и подписать, где у нее плавники, где позвоночник и ребра. Утром мама купила горбатого большеглазого краснохвостого зеленого с черными полосами окуня, положила его в ванну и сказала, что позже придет и сварит. Он весь вечер плавал в ванне, которую я наполнил водой. Весь день я с восторгом играл с ним. Потом, когда мама вернулась, я слезно умолял ее:

— Мамочка, пожалуйста, давай его оставим! Пусть он у нас в ванне живет!

...Помню, как сижу в саду с двумя девочками. А они совершенно разные, две полные противоположности. Дерзкая шалунья морщится на проходящую мимо старуху и шипит:

— Это такая бабка противная!

— Когда сама состаришься, такая же будешь... — возражаю я.

— Раздался голос из помойки! — усмехнулась она. — А ты тогда какой будешь?

Не эта капризная болтушка, а ее тихая скромная подружка позже завела меня в баню. Разделась сама и раздела меня. Это потом всегда всю жизнь так было. Тихие и скромные всегда на поверку оказывались смелее, упрямее, хитрее, развратнее.

Вдруг дернулась запертая на крючок дверь.

— Эй! Вы что там заперлись?!

К стеклу маленького окошка прислонилась чья-то щека, и выпученный глаз с удивлением и возмущением смотрел на испуганных торопливо одевающихся детей.

...Выплеснув воду на камни, старик полез на полоч. Камни почернели и зашипели, окутались паром. Едва начав париться, он бросил веник, выругался и неуклюже спрыгнул вниз:

— Ого! — присев на лавку, он сплюнул и покачал головой.

Потом он лег на живот, стряхнул смоченный в кипятке веник, подставил свои мослы в коричневой дубленой коже и попросил:

— Ну-ка, давай хорошенько.

Я старался хлестать его как можно сильнее. Сам стоял, весь облепленный листьями.

— Во-во!.. Еще!.. Во давай!.. — с удовольствием кряхтел старик. — Ладно, хватит.

Он слез, посидел, отдохнул, после чего загнал меня на полок. Указал на висевшую на гвозде рваную шапку:

— Напяливай!

Намочив в холодной воде, я надел ее на голову. Теперь он стал хлестать меня веником. Вскоре у меня тонкой струйкой кровь стекла из носа на губу. Расстроившись, дед выпроводил меня:

— Э-э, худоносый! Иди, ляг в предбаннике.

Шмыгая носом, я выскочил в холодный предбанник и лег на лавку. Старик вышел следом за мной, сел рядом, смазал свою больную ногу чем-то отвратительно пахнущим и обмотал ее бинтом.

...Забежав на кухню, я схватил со стола кусок хлеба и посыпал его солью. Бабушка увидела и строго сказала:

— Нельзя так делать!

— Почему? — удивился я.

— Так Иуда делал. Посыпал хлеб солью.

Меня в тот момент необычайно поразило, что она его воспринимает реально жившим человеком. Я ведь был умненький мальчик, хорошо учился в советской школе. Тогда я не нашелся, что ответить. Теперь спустя многие годы, получив два высших образования, я бы ей возразил:

— Но у него это один раз случайно так получилось. Просто когда услышал, как Иисус сказал, что он его предаст, то от неожиданности Иуда резко дернулся и нечаянно опрокинул солонку. Он никогда нарочно соль на хлеб не сыпал.

Желтое ребро человеческое, ржавый гвоздь с голгофского креста, пузырек с каплями пота, белое перо ангела, нос серафима, ноготь херувима, черные угли и рога в корзине. Все эти вещи вроде бы своими глазами видел монах рыцарского ордена святого Антония. По его словам все это хранится в кладовке иерусалимского патриарха.

Не знаю ничего про патриаршую кладовку. Наверное, она совсем не похожа на ту, в которой меня в наказание закрывали в детстве. Зато у одной моей родственницы в паспорте хранится голубая *printed in Germany* грамота с печатью:

«Медицинское распоряжение /
освобождение от ответственности.

Я даю распоряжение о том, чтобы мне не делали никакого переливания крови, даже если врачи считают это жизненно важным для моего здоровья или для моей жизни. Я согласна на не содержащие кровь заменители, увеличивающие объем крови (такие, как декстран, солевой раствор или раствор Рингера, гидроксиптилкрахмал). Я оформляю этот документ по собственной инициативе. Это соответствует моим правам пациента и моим убеждениям. Библия приказывает: «Воздерживаться от ...крови» (Деяния 15:28,29). Это является моей религиозной позицией. Я даю распоряжение о том, чтобы мне не делали никакого переливания крови. Я согласна на любой дополнительный риск, к которому это может привести. Я освобождаю врачей, анестезиологов, больницы и их медицинский персонал от ответственности за любые неблагоприятные последствия моего отказа, несмотря на их квалифицированное лечение. В случае потери мною сознания я уполномочиваю любого из свидетелей, указанных ниже, проследить за тем, чтобы придерживались моего решения».

IV

Это была странная пара. Они жили этажом выше нас. Своих детей у них не было, поэтому ко мне оба относились с особой нежностью. Книг в их квартире было невероятное количество. Непонятно, где у них лежали белье или посуда. Ящики шкафов, кладовку и антресоль занимали книги. Я проводил там целые дни. Хотя теперь мне иногда кажется, что там я стремился укрыться от людей.

Однажды вечером, сделав уроки, я как обычно убежал, чтобы прочитать о путешествиях в неведомые страны или о величайших сражениях в истории. В этих рассказах были лязг мечей и доспехов, топот боевых слонов, заполненное летящими стрелами небо, треск мушкетов,

грохот пушечных выстрелов, испуганные глаза коней. Все это я так ясно видел и слышал в тишине маленькой темной комнаты.

Впустив меня к себе, соседка спустилась в нашу квартиру. Вдвоем с мамой они сели на кухне пить чай.

— Катя, у меня сестре операцию сделали. У тебя знакомых много. Не знаешь, где можно протез груди достать? Третий номер.

— Третий? — переспросила Катя, кряхтя, высунув кончик языка, с трудом передвигая тяжелый бачок на плите. — Хорошо, я спрошу.

Вытерев лицо и повесив полотенце, она села. На горячей плите стоит бачок, от которого через всю кухню тянутся резиновые шланги. Вода журчит в раковине. В углу стоит мешок сахара. На столе лежат завернутые в бумагу слипшиеся серые кирпичи дрожжей.

— Плита старая, долго греет... — жалуется Катя. — Вот денег накоплю и разорюсь на новую.

— Запах бражки вроде пошел? Нет? Не чувствуешь? — насторожилась соседка, двигая ноздрями. — Потрогай. Может, холодильник горячий?

Катя приложила руку к холодильнику с выступившей на нем испариной. Внутри него по змеевике течет холодая вода.

— Нет, нормально все.

— Банки меняешь?

— Обязательно. Все сливки отдельно.

Взяв ложку, Катя поднесла ее к трубке, из которой самогонка текла тоненькой струйкой в стеклянную банку. Попробовала и передернула плечами:

— Крепкая еще, зараза. Сейчас, как совсем слабая пойдет, тогда банки поменяю. Слушай, раз ты здесь, пойдём с фляги сольём? Тяжело ее одной воровать.

Они прошли в ванную. Там стояли, накрытые одеялами, алюминиевая фляга и бак из нержавеющей стали, в которых шипела желтая брага.

— Подожди, надо взболтать сначала.

— Почему она у тебя такая жирная?

— А это я, знаешь, масла сливочного бросаю. Она тогда меньше гуляет.

Они вдвоем разлили брагу по трехлитровым банкам. В опустошенную флягу Катя бросила дрожжи, насыпала са-

хар, положила томатной пасты. Опустив внутрь душ, стала заливать горячей водой.

— Андрей боится, что я гоню. Говорит: «Мама, а вдруг тебя посадят?» Я его успокаиваю: «Никто меня не посадит. Я одна с ребенком осталась. Меня любой суд оправдает». А сама как участкового увидела, как он у нас здесь ходит, у меня от страха и биться сердце перестало, и в жилках запекалась кровь. Брагу начала в ванну сливать. На меня ведь эта наша полоумная Галочка жаловалась ему. У нее ума хватило. Мало ее тут Витя голую по всем этажам гонял.

— В самом деле? Когда это?

— Когда мы только переехали. Он, как напьется, так зовет ее: «Ну-ка, иди сюда, моя голубка!» На следующий день у голубки синяк под глазом. Она постоянно у нас от него пряталась. То в одном лифчике прибежит, то...

— То в двух лифчиках? — соседка усмехнулась и поучительно сказала: — Вот так голубок жалеть. Ты сама змею на груди пригрела. Правильно люди говорят, что ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным.

— А хер бы ей в сумочку! Я даже хотела всю самогонку отнести кому-нибудь, так я знаю, что эта шмара целыми днями у глазка торчит. Ой, представь только! Мы ночью с подругой на цырлах, как воры. Лишь бы только дверь не скрипнула. Я ведь узнала, что она на самом деле звонила участковому.

— А он что?

— Сказал, что проверит.

После этого они сели на пол, взяли ножницы и стали резать цветные, похожие на обои, бумажные рулоны. Катя достала потрепанную тетрадку с фамилиями проживающих в подъезде семей. В ее обязанности, как старшей по подъезду, входило получать и распределять на всех талоны на колбасу, на сахар, на масло, на сигареты. Поставив в тетради крест, Катя сворачивала ленты талонов, писала на них фамилию и откладывала в сторону.

— Я вот заметила, что когда покупаешь дорогую вещь, о которой давно мечтала, то все равно нет настоящей радости, да?

— Почему?

— Просто, как представишь, сколько она стоит. Сколько на нее работать надо.

— Тогда не покупай.

— А ведь хочется!

Неожиданно раздался звонок. Отложив ножницы, они удивленно переглянулись.

— Кто это так поздно? Андрей пришел?

— Нет. Он своим ключом открывает.

Тихо ступая, Катя подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стоял пьяный Дмитрий.

— Катюха, открой!

Приложила палец к губам, она погасила свет на кухне. Не желая впускать его в квартиру, накинула цепочку и чуть приоткрыла дверь.

— Что это ты? — спросила она удивленно. — Чего не спится в ночь глухую?

— Катюха, меня Зойка приревновала к тебе.

— Ничего себе заявочки. И что ты предлагаешь?

— Зойка приревновала к тебе. Из дома выгнала. Куда мне теперь?

— Я откуда знаю?! Тоже мне артист. В деревню езжай!

Она захлопнула дверь, прошла на кухню и поменяла банки. Звонок снова настойчиво задребезжал.

— Кто это? — спросила соседка.

— Деверь пришел. Будем надеяться, что постоит и уйдет. Если только он сейчас бачок увидит, то его отсюда палкой не выгонишь. Слушай, Лиля, ты, если что, мужа позовешь?

— О! Еще чего! Я его сама прогоню. Или я с одним алкашом не справлюсь? — хмыкнула соседка. — Я их на работе табунами гоняю. Они меня издалека видят, все врасыпную бросаются. Я с ним сейчас поговорю, его ноги здесь больше не будет.

— Подожди. Может, сейчас сам уйдет.

Дмитрий тяжело сполз по стене, сел на корточки возле двери и закурил. Сверху по лестнице спускался бледный подросток с книгой в руках, достал ключи и спросил:

— Здравствуйте, дядя Митя! Вы к нам в гости?

— Да, родной, я к вам в гости... — пробормотал он, блеснув на него стеклянными глазами. — А эта сука меня не пускает.

Сколько себя помню, я всегда что-нибудь коллекционировал. С годами мои увлечения менялись, и тогда альбом почтовых марок без всякого сожаления менялся на значки. Потом размером с половину стены моей комнаты красный бархат с сотнями приколотых значков также легко менялся на старинные монеты. Позже монеты менялись на открытки, на редкие старые фотографии. Много лет назад я остановился на книгах.

Иногда в старинных книгах можно встретить в витиеватых каллиграфических изысках чернильный отзыв жившего давно читателя. Где-нибудь на форзаце он делает вывод, что, по его мнению, книга весьма интересна, но много непонятных слов. А самое главное, что он соизволил прочесть ее в канун Рождества 1900 года. После этого совсем не шуткой кажется гоголевский миргородский помещик, который так сильно любил дыни, что хранил семечки съеденных дынь с записками, где и когда она была съедена и кто при этом событии присутствовал. А еще в старых книгах иногда попадаются листки отрывных календарей.

Я держу в руках пожелтевший лист от 15(2) января 1927 года. Суббота. Как написано на нем мелким шрифтом напечатан он в издательстве «ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко» в Берлине.

В этот день Солнце взошло в 7:53, а закатилось в 4:26. По православному календарю это день поминовения святого Сильвестра и мученика Феогена. Тридцатая седмица по пятидесятнице. В этот день в 1667 году был заключен Андрусовский мир, в 1703 году в Москве вышла первая газета, в 1814 году открылась Санкт-Петербургская публичная библиотека.

Переворачиваю листок и на обратной стороне с удивлением читаю:

«Проф. Арчибалд Хендерсон дает в одном американском журнале «Science» интересные общие данные о современном воззрении на величину вселенной по общей теории относительности А. Эйнштейна. Радиус конечной вселенной равен около 150 миллионам световых лет (световой год — расстояние проходяемое светом в год, при скорости света в 300 000 км. в сек.). На диаметр вселенной можно уложить 10 тысяч млечных путей. Что касается веса вселенной в граммах, то он выражается числом один с 54 нулями. Для сравнения можно сказать, что вес

вселенной Эйнштейна относится к весу земли, как вес последней к весу одного килограмма.

Что такое убежденья?

Что такое — убежденья?
Мыслей старые мозоли,
След натруживаний долгих
И источник острой боли.
Ну, а быть без убеждений?
Значит: не иметь мозолей...
По коврам ходить и в туфлях,
И не знать несносных болей.
К. Случевский.

На новый год дня прибудет на воробыный шаг».

Меня поражает, что это все напечатано на одном крохотном листке. С одной стороны написано, что в этот день нужно вспоминать о том, как в 320 году римские солдаты истязали и утопили епископа Феогена, а в 355 году умер папа римский Сильвестр I, за несколько лет до этого изловивший морского змея Левиафана и этим спасший мир от конца света. А на другой стороне написано о теории относительности Эйнштейна. Я пытаюсь представить себе этого удивительного человека, который одинаково принимает на веру и библейское чудовище Левиафана, и десять тысяч Млечных путей.

Листок от 22(9) сентября 1973 года. Суббота. **Суббота предъ Воздвиженіемъ Св. Креста**. Как ни странно, но не написано время восхода и захода солнца. Можно предположить, что в этот день солнце над землей не восходило. Хотя вряд ли.

На обратной стороне напечатано есенинское стихотворение, которое я когда-то давно читал и давно забыл:

«Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.
Снег у крыльца, как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,

Тайно покинул я отчий дом.
Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый —
Старый хозяин своей избы.
Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.
Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.
Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.
Сергей Есенин.

(22-24 сент. 1925 г. Москва)

1848 умер А. Михайловский-Данилевский (исторический писатель)».

Беру в руки листок от 29 марта 1995 года. Среда. На нем читаю пословицы о семейной жизни. Про добрую и злую жену. Про то, что быстро женятся на долгую муку. Про то, что счастлива должна быть не у отца, а у мужа. Про то, что когда живут хорошо, то гадать не ходят.

«Луна в Рыбах»

СОЛНЦЕ

Восход: 7.09

Заход: 20.02

Долгота дня: 12.53

ЛУНА

Новолуние 31 марта

Восход: 6.16

Заход: 18.22

«Будь мудрой: старайся быть глупой. Наши прабабушки хорошо знали, что любят их мужья, что им нравится и как должны они себя вести. Но чтобы наши прадедушки, подавленные умом и воспитанностью своих жен, не наживали комплексов,

прабабушки поступали так, как хорошие учителя. Учитель всегда знает задачу лучше ученика, но никогда не говорит об этом, а позволяет ребенку самому прийти к правильному решению. При этом незаметно поправляет и направляет ученика, но так, чтобы тот подумал, что сам «изобрел велосипед».

Относитесь к мужу, как к ребенку. Говорят, что мужчина в отличие от женщины никогда не становится взрослым. Никто не доказал это, но никто и не оспорил! Присмотритесь, возможно, и в вашем муже сохранилось что-то от мальчика, чьим любимым занятием было пускать кораблики или играть машинками? Не стоит сердиться на него в таком случае. Лучше принять его таким, какой есть. Тогда, возможно, и он, как ваш прадедушка, скажет, что ему досталась лучшая из жен!»

Встав из-за стола, я подхожу к шкафу и начинаю искать календарь. У меня где-то тоже такой есть. Только он не висит на стене, а лежит в ящике. Перед каждым Новым Годом я обязательно покупаю, пока их сейчас еще печатают. Ведь скоро все это исчезнет.

Я открываю ящик, в который теперь редко заглядываю, но в нем хранятся самые дорогие мне вещи. Мой любимый нож, фонарь, разбитый бинокль, несколько наручных часов и несколько фотоаппаратов, фляжка, компас, лупа, ракушки, камни, ножницы, письма и фотографии, английские и немецкие карманные словари, мои офицерские погоны и карты городов, где я бывал или жил. Предыдущие три листка были из зимы, весны и осени. Значит, мне нужен еще листок из лета. Я наугад вырвал листок из лета.

3 августа (21 июля) 2015 года. Понедельник.

Восх. 5.37

Зах. 21.33

Долг. дня 15.56

Седмица 10-я по Пятидесятнице. Пророка Иезекииля. Прпп. Симеона, Христа ради юродивого, и Иоанна, спостника его. Сщмч. Петра пресвитера. Прпп. Онуфрия молчаливого и Онисима затворника, Печерских.

КАРАСИ В СМЕТАНЕ.

400 г карасей; 4 столовые ложки сливочного масла; 1 столовая ложка пшеничных сухарей; 1 столовая ложка пшеничной муки;

1,5 столовой ложки сметаны; 6 клубней картофеля; 2 столовые ложки сливочного масла (для обжаривания картофеля).

Карасей очищают, потрошат, удаляют жабры, но голову оставляют. Выпотрошенных карасей тщательно промывают холодной водой, обтирают полотенцем, натирают солью, посыпают перцем, панируют в муке, выкладывают на сковороду с растопленным маслом и обжаривают с обеих сторон до образования румяной корочки. Обжаренных карасей выкладывают затем на сковороду из белого металла, предварительно смазанную маслом, вокруг обкладывают нарезанным кружками обжаренным картофелем, заливают сметаной, посыпают сухарями, добавляют сливочное масло и ставят в духовой шкаф для запекания».

АПРЕЛЬ

I

На месте старой деревянной избы теперь стоит каменный большой дом. Хотя это ощущение оказывается ложным. В этом новом доме новым оказывается только мощь толстых стен. Став снаружи почти огромным, внутри сохранились прежние маленькие комнаты. Но еще изменилась обстановка, вещи, посуда, мебель. Появились люстры и шторы, диваны и кресла, ванна и теплый туалет в доме. На стенах с яркими обоями в золоченных рамках висят натюрморты. С корзинами винограда, с горами сочных растрескавшихся плодов, с распотрошенной птицей и рыбой, с отрезанными телячьими головами, с цветами, с кроликами, с помидорами, с бутылками вина. С обнимающим ружье охотником, уснувшим посреди корзин с убитой дичью.

Петр Сергеевич в вылинявшей черной майке с американским орлом неподвижно сидит у старой березы. В желтых зубах зажат обгрызанный и обсосанный мундштук. Горько задумавшийся одинокий старец, чьи седые волосы развеивает горячий ветер в знойной пустыне. По нему ползают мухи. Он их словно не чувствует. Они ходят по нему, двигают хоботками.

Солнечные лучи медленно текут сквозь густые ветви. Потрескивают толстые стволы высоких деревьев, тихо шелестят листья. Важный петух ворошит ногами сухую траву и сзывает суетливых кур. Потом куриный любовник в яр-

ких перьях посреди своего гарема гордо стоит на одной ноге. В тени под забором дремлет собака.

Стрелки на часах показали, что наступил полдень, но Иван еще не вставал. Тишина соблюдается в доме, чтобы не потревожить его сон.

Поднявшись с дивана в летней кухне, Мария вышла во двор и встала перед зеркалом. Расстегнула халат и посмотрела на свои гладкие мраморные плечи.

Скрипнув калиткой, из сада робко вошел мальчик. Протянув руку, жалобно попросил:

— Тетя Маша, подайте на кусочек хлеба.

— У отца с матерью спрашивай... — равнодушно сказала она. — На бутылку у них всегда есть.

Опустив голову, он молчит и не уходит. Снова накинув на плечи халат, Мария отошла от зеркала. По словам древнего философа зеркало очень чванилось, потому что в нем отражалась царица, но когда царица ушла, то осталось одно зеркало.

— Шел бы ты лучше отсюда... — посоветовала Мария и надела черную шляпу. — Скоро дядя Ваня проснется.

Лидия молча завела его в летнюю кухню, посадила за стол и наложила в тарелку плов. Он жадно ест, она сидит рядом. Мария от скуки не знает, чем заняться. Глянула молча лениво на них, снова легла на диван и прикрыла глаза. С усмешкой слушает их разговор.

— Тетя Лида, вы в бога верите, да?

Лидия молча погладила его по голове.

— А мама говорит, что вы в не нашего бога верите.

— Я в истинного бога верую!

Не открывая глаз, Мария презрительно морщится. Видно, что и к этому она давно привыкла, и ей скучно.

— Ты в тетрадку себе запишешь, что провела с ним беседу? — усмехнулась она. — Чтобы потом отчитаться там у себя?

Лидия с видом бесконечного терпения выслушала ее и вздохнула. Она достала потрепанную книжечку, которую всегда носила с собой. Надела очки, раскрыла и стала читать, беззвучно шевеля губами:

«Наш ответ каждому вседержителю тьмы, вздумавшему потушить животворящий свет. Мы не прибавляем никакой новой веры ни к 6 иудейским, ни к 666 христианским, ни к 777 другим верам. Предивное Предсказание нашего Бога

за 2580 лет ныне сбылось в точности. Все сатанинские народы и племена со всеми их 1449 адски спорящими верами и враждотворными законами. Все нынешние христиане, всех их 666 сатанинских христианств такие противники Христу или Иегове, как и талмудные евреи. Вопль христианина, погибающего от христианского варварства под музыку оркестра с грохотом, звоном, катавасиями и с миллионными фейерверками, целующие украшенную золотом и драгоценными камнями руку владыки мракобесного христианского мира сего. Слепые и глухие, заживо мертвые и хитро ныряющие в библейскую глубину смертной воды, свинопасы и пастыри псов, мятущиеся в сатанинской тьме и сгорающие в его цирках, называемых церквями, молящиеся на мошеннические доски и здыхлятину. Заклинаю вас именем распятого Бога моего Иеговы и, вместе с тем, грозно повелеваю вам, чтобы вы уничтожили все своекорыстные и умерщвляющие веры, истребили бы всех и всяких вседержителей тьмы, т. е. пап, попов, ксендзов, пасторов, рабинов, муллов, уставщиков и законников. Истинно объявляю вам, что скоро определенное число людей к бессмертию наберется и двери затворятся. И поэтому не зевайте!»

Со скрипом отворилась железная дверь. Зевавшая и дремавшая Мария открыла глаза и повернула голову. В калитку с улицы вошел Хитрый.

— Привет, Машенька!

— Здорово! — повеселев, ответила она. — Ты чего такой нарядный?

— Я всегда такой. Я вообще люблю красивую одежду. Ты просто мой гардероб не видела. Это как мы недавно в бане попарились и поехали на стрелу. Золото забыли надеть. Приезжаем, а там братва в цепях, в перстнях. На нас смотрят: «Это что за нищие приехали?»

— Не зря говорят, что встречают по одежке.

— А Ванька где?

— Спит. Он вчера поженился.

— Понятно... — он задумчиво пощипал свою козлиную бородку. — А разводиться когда думает?

— Сейчас встанет и разведется.

— Мне с ним поговорить срочно надо. И ждать я не могу, ехать надо по делам.

— Так иди разбуди! — щелкая семечки, сказала Мария.

Поколебавшись, потоптавшись, Хитрый тихо вошел в дом. Спустя некоторое время, улыбаясь, вернулся.

— Что? Поговорил?

— Ага.

— Идут они?

— Одеваются.

— Чего так долго?

— Так ведь молодые.

— Еще, поди, и без трусов спят?

— Не знаю, не видел.

— Что же ты так? Надо было посмотреть.

Махнув рукой, Хитрый поспешил уйти, и Мария снова принялась скучать. Вскоре из раскрывшейся двери лениво по-хозяйски вышел Иван. За последнее время он очень сильно изменился. С усами, пузатый. Армейская татуировка на толстом плече расплылась. Встав на крыльце, стал пить из бутылки минеральную воду. Пристальным взглядом, поиграв скулами, молча проводил Лидию с племянником, которые при его появлении вышли в сад.

Потом он сел в летней кухне, поставил перед собой тарелку с шашлыком. Достал из холодильника бутылку водки.

— Что, Ванюша? — жмурясь, сидя на солнце, спросила Мария. — Головушка болит?

Он молча выпил, поморщился, поставил рюмку и медленно стал жевать холодный кусок вчерашнего шашлыка.

Из дома вышла девушка в плаще и короткой юбке и растерянно встала посреди двора. Мария насмешливо смотрела на нее. Вчера она ее не видела. Смутившись под пристальным взглядом, девушка тихо поздоровалась. Мария снисходительно кивнула головой и громко спросила:

— Ванечка! Ты что свою невесту не угощаешь?

Иван старательно прожевал, сглотнул и глухо ответил:

— Она не хочет.

— Ты хоть предложи!

Он молча хмуρο жевал, тяжело двигая челюстями. Заскрипели ворота, за которыми появился Хитрый и торопливо спросил:

— Готова? Поехали!

Они ушли. Мария села рядом с братом и толкнула его локтем в бок:

— Ванечка, ты чего такой наглый? Ты почему сам не поехал ее провожать?

- Не царское это дело.
- А если бы Хитрому не надо было в город ехать?
- На дорогу вон вышла. Мир не без добрых людей.

Он после трех рюмок заметно повеселел. Обернулся, услышав шаги. Петр Сергеевич с трудом прошел к столу. Наложил себе гороховой каши, которую сварил утром. Опустив голову, водит ложкой по тарелке и медленно жует беззубым ртом.

Поглядев на него, Иван очень громко, чтобы тот услышал, прокричал:

- Эх!.. Мало нас осталось хороших мужиков! Да, батя?

На его черной мохнатой груди, как у средневекового князя, висит массивная золотая цепь.

— Вот так и живем... — он цыкнул и сокрушенно покачал головой. — Заездили меня эти животные. Эти чудовища на огороде постоянно пасутся. Живу в удивительном мире дикой природы. На кой мне столько родственников?

— Ванюша, сделаешь доброе дело любимой сестренке? — с лаской в голосе спросила Мария.

- Какое? — поморщился он. — Кому сделать?

Он потянулся и включил радио:

— Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди
Под музыку Вивальди, под вьюгу за окном,
Печалиться давайте, давайте, давайте,
Печалиться давайте об этом и о том.

Молча поднявшись из-за стола, Петр Сергеевич побрел в свою каморку. В которую, кроме него, никто не входил. В которой он доживал. Царит там невыносимая особенная вонь старого человека. По углам разбросано белье. Везде валяются какие-то сухари, селедка на газете, какие-то огрызки...

— И стало нам так ясно, так ясно, так ясно,
Что на дворе ненастно, как на сердце у нас,
Что жизнь была напрасна,
Что жизнь была прекрасна,
Что все мы будем счастливы
Когда-нибудь, бог даст!

В саду за столом Лидия кормила детей. Умиляясь, жалела бедных ребятишек. Дочь Дмитрия худенькая неразвита для своих пятнадцати лет, держа в руках хлеб и колбасу, смеялась и рассказывала:

— У него, тетя Лида, недавно припадки были. Так ржачно было смотреть на него. Как эпилептик дергается. Чего-то мне хочет руками показать. А я стою, мне прикормить.

— Ты что! — ужаснулась Лидия, всплеснув руками. — Про отца так говоришь!

— А чего мне над ним не угорать? Я тоже, как и вы, в бога верю. Это его бог покарал. Если он про меня, про свою родную дочь, всем слухи распустил, что я на рынке трахаюсь со всеми хачиками? — резонно возразила бледная девочка.

— Замолчи! — изумившись, рассердилась Лидия, хлопнув рукой по столу.

— Тетя Лида, а вам понравилась бы? Вот вам бы на моем месте? Он всем наговорил, что я беременная на третьем месяце. Я куда ни приду, мне все на живот смотрят. Спрашивают: «А где?»

В индийской сказке говорится, что однажды гордый человек разочаровался в окружавших его отвратительных людях. Он ушел из мира людей, стал отшельником и жил в пещере. Сначала он взял к себе кошку, чтобы ловила крыс. Потом взял корову, чтобы поить кошку молоком. Потом ему пришлось взять человека, чтобы тот ухаживал за коровой.

— Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди
Под музыку Вивальди, под старый клавесин,
Под скрипок переливы, под завыванье вьюги
Условимся друг друга любить, что было сил.

...В полутьме в дальнем углу брошенного дома на краю села на корточках сидят несколько юношей. Перетянув жгутом тонкую руку, всматриваясь, осторожно делает укол.

— Это ты сам замутил, веришь мне? Твоя подруга брала? Вы вместе заходили. Стой! Не надо меня руками трогать. Короче, мы тут прикинули. Это не из-за барыги. Это ты со своей мартышкой. Либо она тварь, либо ты. Либо вы вместе.

— Погоди, Серый! Я тебе объяснял, как дело было.

Он нервно ходит по комнате с выбитыми окнами. Под его ногами хрустят осколки.

— Что ты мне объяснял?! — он резко останавливается, во мраке горят окруженные темными тенями неистовые глаза. — Ты мне когда отдал, там сразу было видно. Барыги так не заворачивают. Я не знаю, может быть, вы как лучше хотели. О здоровье нашем заботились. Чтобы мы не травились. Или на новый вид наркотика хотели подсадить нас. Но я бы тоже мог так штукатуркой торговать. Ты раствор тот видел? Известка натуральная. Давай поехали сегодня к этому барыге? Веришь, мне лично все равно. Давай в десять ног его отпинаем?

— Серый, он на месте не сидит. Я не знаю, куда он сорвался сегодня.

— Что ты гонишь? Ты не знаешь? А маргышка знает? Веришь, я и ей табло раскрошу. Веришь?

— Давай сгоняем, но я не обещаю.

— Короче, если мы его не найдем, разбирайся с ним сам, с подругами своими. Нам только отдашь либо деньгами, либо белым. И за бензин, что мы прокатали.

Она подставляет вытянутую руку с прозрачной кожей сморщенной ладошкой вверх, словно подаяние просит. Дышит стесненной грудью, говорит вялым языком:

— У меня сосед помер. Вчера хоронили. Разговоры такие, что типа не от передозировки, а то, что белый с крысиным ядом был перемешан. Партия такая пришла. Типа сейчас война идет. В Чечне, что ли? Или где там? Короче, из-за этого хачи нам стали героин отравленный присылать. Что типа старики сами помрут, а молодежь надо травить.

Она пытается подняться и падает. На нее даже не смотрят. Здесь много глаз. Но такие изверившиеся и ожесточенные души смотрят из этих глаз, что жутко.

— Тварь одну длинную знаю. К ней в любое время можно. Все, что угодно делает, любые самые невероятные желания. Я ее, короче, недавно табуреткой глушанул нечаянно. Она аж вырубилась. Потом очнулась: «Ой, что-то меня тошнит». Я ей говорю: «Слышь, у тебя раньше сотрясения мозга были?» — «Да. Четыре, кажется». Такая герла, в натуре. Кривая, переломанная, вся в шрамах. Чего с ней только не было! Ее слушаешь...

II

Выйдя из лифта, Катя посмотрела на часы и позвонила в дверь своей квартиры. Прислушалась, постояла в нерешительности и открыла дверь ключом. В кухне на столе стояла пустая бутылка шампанского, два бокала и коробка шоколадных конфет. Страхнув мокрый плащ, Катя убрала со стола и села. Некоторое время она сидела неподвижно, лишь несколько раз поднимала голову и смотрела на часы на стене. Потом наконец встала, прошла к двери в спальню и постучала:

— Машенька!

— Да, Катюша! Подожди минутку.

— Время много. Сейчас Андрей придет.

— Да, да!

Вскоре они вышли вдвоем. Катя быстро встала к плите и стала разбивать яйца в раскаленную шипящую сковороду. Надев кожаную куртку, незнакомец сказал:

— Здравствуй, Катя! Как поживаешь?

Удивившись, она обернулась и внимательно посмотрела на него. Ей на мгновение показалось, что его лицо ей знакомо.

— Как видишь! — ответила она, пожав плечами.

Проводив своего любовника, Мария вошла на кухню. Вскипел и щелкнул электрический чайник.

— Вы одеяло теплое не догадались достать? Это я глупая. Решила, что холодов больше не будет. Рано обрадовалась, убрала подальше. Не подумала, что черемуха еще не цвела.

— А ты Баландина не узнала?

— Это Баландин?! — от изумления Катя чуть не выронила из рук сковороду с яичницей.

— Мы ведь с ним тайно переписывались все время, пока он сидел. Он давно освободился. А что мне тогда надо было делать? У меня семья, ребенок... — Мария взяла из коробки конфеты. — Но он тоже женился. Нашел где-то молодую, она ему родила.

— А почему он к Людке не вернулся? Она его не дождалась?

— Она к нему не приехала ни разу! Ни на одно письмо не ответила. Это, помнишь, она первое время, как выпьет, приходила и жаловалась: «Мне одной так тяжело. Как он там?» А я всегда сидела и думала: «Ты у меня спроси. Я тебе все расскажу...»

— А она сама замуж не вышла?

— Была она замужем. Он у нее пропал. Потом его рыбаки поймали в Волге. В июне. В пуховике. Но он у нее был в мафии, они ворованные детали с завода вывозили. Пропал зимой, а выловили его летом.

К этой встрече сегодня Мария покрасила и завила волосы. Ее голова полна тяжелых, как слитки, золотых кудрей. Глядя на нее, Катя вздыхает:

— Это мне надо было жаловаться. Все говорят, что я Васю не любила. А он правильно сделал? Я ему всю жизнь не могу простить, что он меня так рано одну с ребенком оставил.

— Разве он виноват?

— А кто виноват?! Мы только начали жить, Василий Петрович вдруг взял и помер.

— Перестань, Катя! Разве можно так говорить?

Сидевший в клетке попугай вздрогнул, он неожиданно увидел за окном воробья на ветке.

— Как там маманя?

— Умрет скоро. Она и так на два месяца пережила дольше срока, который ей врачи предсказывали. Временами не узнает никого.

— Да-а... Знаешь, я ее представить не могу больной и беспомощной. В моем представлении она такая всегда самоуверенная сильная женщина.

— Она ведь болеть давно начала. Сколько лет вы не виделись?

— Лет пять. Наверное, даже больше.

— Ты ее не узнаешь. Вот будет лежать. Ты мимо пройдешь и не подумаешь.

— Все равно, Машенька, хоть я и злая на них. А иной раз вспомнишь, как мы жили. Почему так получилось?

Халат туго стягивает ее расплывшее тело. Она смахнула со щеки слезы.

— Если бы ты знала, Машенька, как стареть не хочется. Вот представь. Я ведь по-прежнему такая молодая, озорная в душе. А у меня одни болячки. Левая нога не ходит. Показать тебе, как я хожу, когда меня никто не видит? — Катя встала и боком, прихрамывая и приволакивая ногу, прошла по кухне. — Я понимаю, что старость пришла. Но когда я успела постареть? Так быстро время пролетело. Я вообще не верю, что мне столько лет. Кажется, что еще совсем недавно в деревне картошку копа-

ли все вместе. Васька живой, дед, маманя... На фотографию посмотришь, где мы все вместе по молодости. Старики мы все теперь. А там молодые, озорные, смеемся, морды грязные...

— Слушай, Катюша... — всхлипнула растроганная Мария. — А, может, ты со мной поедешь? А? Поехали? Простишься хоть с ней. Какие теперь могут быть обиды, я не знаю?

— Да ну... какие обиды? Скажешь тоже.

— Так давай поехали.

— Прямо сейчас?

— А что? Раз решили. А то потом когда опять соберемся?

— Там Лидочки нет у нее?

— Даже если и есть? Что она тебе?

— Подожди, дай подумать... — разволновалась Катя. — Давай я ей сейчас быстро котлеты рыбные пожарю, как она любила?

— Катюша, она не ест ничего!

— Нет. Я именно такие, как она любила. Ей нравилось, как я их жарила. Не в обиду всем вам, она сама мне говорила, что у нее дети не умеют готовить.

— Это долго?

— Пряма! — махнув рукой, Катя засуетилась и загрохотала посудой.

В кувшине стоит букет сухих цветов и поникшие павлиньи перья. Из вазы, как из колчана, торчат стрелы камыша. Постукивая красными ногтями по столу, Мария зевнула и трянула головой:

— Ты про Настеньку мою знаешь?

— То, что она за американца замуж вышла? Знаю! Вот тоже целеустремленная какая... — усмехнулась Катя. — Я еще помню, когда она маленькая была, бабке жаловалась, что мужа богатого трудно будет найти.

— Что ты?! Она меня еще в детстве замучила. Как только говорить научилась, все разговоры только про мужиков.

Перестав резать рыбу на доске, Катя достала мясорубку. Закурив, Мария злорадно сказала:

— А Лидочка у нас на старости лет в бога ударилась. Она ведь после того, как у них все деньги на сберкнижке сгорели, по-моему, от радости умом маленько тронулась.

— Но она православная или в секте какой-нибудь?

— Я не знаю. У них там все точно посчитано. В какой день и во сколько часов конец света будет. Сколько человек в рай попадет. Сто сорок с чем-то тысяч по всему миру. Ей в церкви постоянно нужно отчитываться. Сколько она бесед провела, сколько книг раздала... Куда-то она недавно ездила. Не помню, в каком городе. Короче, там недавно у всех больных со всей страны сходняк был. Вот они там собрались, достали сломанный советский калькулятор и все посчитали... Лидочка оттуда такая довольная приехала. Ей ведь еще после этого какое-то официальное звание присвоили. Типа старшая сестра среди местной братвы.

— А Боря как к этому относится? Он ведь умный мужик.

— Мне кажется, ему на все давно наплевать. Он совсем интерес к жизни потерял.

— Они в деревне появляются?

— Он не ездит, ни разу его не видела. А она частенько бывает. Ее только Ванька там гоняет. Она возле него чем-нибудь начнет заниматься, он ей сразу: «Иди молись!» Про Митю с Зойкой я и не говорю. Этих в общей могиле где-нибудь зароят. Как неизвестных героев. Я на них удивляюсь. Пьют беспробудно, с помойки жрут... И ничто их не берет! В шесть утра возле помойки все, как огурцы, стоят. Даже завидно. Сколько бог людям здоровья дал. А у нее ведь весь рот золотой был. Давно все выдрала или Митя повыбивал. У нее сейчас вообще зубов нет.

— Нет. Это ведь надо! Нарожали детей ради большой квартиры. И эту квартиру пропили!

— Ванька мне рассказывал. На оптовой базе встретил его случайно. Ванька ходит, с товаром занимается. Фуры его стоят. И этот тут рядом нарисовался. Банки, бутылки собирает или что он там еще делает? Подходит к нему: «Братуха, здравствуй!» Ваньке стыдно перед своими деловыми. Он ему денег сунул, чтобы тот только отошел быстрее, не терся рядом.

Слушая ее, Катя неожиданно представила молодого веселого Митю, лежащего на кровати, перебирающего струны гитары и напевающего шутиливую песенку. Глядя на него, она звонко смеется и закрывает лицо руками.

— Зато про меня больше всех говорили, что я без Васи опускаюсь, сопьюсь... А Ванька сам как? Не женился?

— Я так поняла, что он теперь совсем не женится. Только между нами.

— Смеешься? Кому я скажу? Я сто лет никого не видела.

— Его деньги запленили. Он боится, что он женится на ком-нибудь, а она потом с ним разведется и половину отсудит. Я его хотела познакомить. У меня такая хорошая знакомая была. Но он как узнал, что юрист, так испугался.

Эта изнурительная невыдуманная подлинная, часто подлая жизнь. Это представление в балагане, где может разыграться все, что угодно. Самые низкие и самые высокие чувства.

— Я последний раз в деревне была... Не помню, в каком году. К деду на день рождения приехала. Хотела с ними помириться. Я тогда бутылку самогонки привезла с собой. В саду мы сидели. Дед мне говорит: «А я тоже гоню!» Показывает мне свою мутную в банке. Целый день баню топил, столько дров сжег. Нагнал семьсот грамм. По одной капле целый день. Кап... Потом через полчаса еще раз кап... И так кап-кап желтая, вонючая. Дает мне попробовать. Я вот так пригубила и, пока он не видит, в кусты выплюнула. Он на меня гордо так взглянул: «Ну? Чья лучше?» А потом говорит: «Катя, я тебе простить не могу, что ты гроб с Васькой не разрешила у нас поставить». Я говорю: «Вы что сдурели? Кому я такое сказала?!» Мама тоже рядом сидит. Я ее спрашиваю: «Разве я такое говорила?» Она глаза отводит: «Нам от твоего имени передали». Вот с тех пор я к ним больше не ездила.

На сковороде снова зашипело, пузырятся, подсолнечное масло. Открылась дверь, и вошел Андрей. Очень похожий на худого высокого отца, только еще выше.

— Как жизнь молодая? — ущипнув его, улыбнулась Мария.

— Нормально.

— Жениться когда думаешь? Неужели девку не можешь найти? Хочешь я тебя познакомлю?

— Девку не хочу. Хочу девочку.

— Ха! Вот ты наивный. Где ты ее сейчас найдешь? По нынешним временам это надо в детском саду выбирать и до восемнадцати лет пасти ее. Это в наши времена были девочки. Да, Катюша? А теперь простишомы все до одной.

— Это что за котлеты такие странные?
— Рыбные.
— А из мяса не получились?
— Хватит мясо жрать. Сколько можно? Видала? —
Катя удивленно подняла брови. — Все жалуемся, что плохо живем. Это есть не буду, это носить не буду.
— Андрюша, ты лучше с ней не спорь. А то вместо рыбных котлет получишь рыбий... Но он с икрой.
— Ты к бабушке в больницу поедешь с нами?
Он молча уставился на них.
— Чего ты смотришь? Съезди попрощаться.
— Мама, я устал.
— Я знаю, как ты устал... — с укором произнесла Катя. — Сейчас поешь, переоденешься и только тебя и видели?

Прикусив губу, он молча вышел. Взяв колоду карт, Мария начала раскладывать пасьянс.

— Что тут скажешь? — горько вздохнула Катя. — Он ее и не помнит.

Но немного спустя он вернулся и сказал:

— Хорошо, я поеду.

...Иногда мне кажется, что это было вчера. Иногда кажется, что ничего этого вовсе не было. Из ее глаз выкатились слезы и застыли на щеках. Я сел на стул рядом с ее кроватью и почувствовал, что она своими пальцами с острыми ногтями цепко вкогдилась в мою руку. Я увидел, как в ее глазах плеснулся с отчаянной силой весь ужас предстоящего испытания. С вздвухшегося жабьего лица на меня смотрели безумные глаза. В полной тишине страшно прошелестели слова:

— Боюсь умирать! Мало я прожила! — хрипя и задыхаясь, бабушка косноязычно шептала дрожащими губами: — Боюсь!.. Мало!..

Я невольно испуганно отпрянул от нее. Какая же это ложь, что старики не боятся смерти. Трудно поверить, пока сам не увидишь. Это такой же страх неопишуемый и дикий. Какая же это страшная большая ложь!

Неподвижная половина желтого лица. Другая половина гримасничает. Один глаз полузакрыт. Другой страшно дико выпучен, вылезает из орбиты. Жуткое отталкивающее зрелище. Беззвучно криво шевелятся губы, вылетают хрипы. Пузыри слюны.

В этот последний раз, когда я ее видел, я не чувствовал горя или сострадания. Тогда я с печалью думал лишь об одном себе.

Деда похоронили через пять лет. В ту же могилу положили, гроб на гроб. Ограду из земли выдернули, могилу разрыли, поглядели. Гроб в яме лежал еще крепкий, целый. Почва там сухая, песок и глина. Гуцеваров даже слегка черенком лопаты в крышку постучал. Никто не ответил. Оттуда звук донесся звонкий и пустой. Словно там никого не было.

— О чем ты думаешь? — услышал я свой внутренний голос.

— Я думаю о том, что когда-нибудь вот так же умру и я. Умру ли я? — взволнованно спросил я. — Неужели я умру?!

— Умрешь... — спокойно отвечал я себе. — Обязательно. Никуда не денешься.

III

Я вошел в лес, который сначала редкий и мелкий, но постепенно становится темнее и гуще. Кажется, что деревья всегда росли здесь в полной неприкосновенности. Переплетаясь в вышине, их ветви образуют густой лиственный свод, не пропускающий солнечных лучей. На узкой тропинке, вздыбленной обнажившимися корнями, даже в ясный полдень сумрачно. В таинственном полумраке при тихом шелесте листьев я невольно проникаюсь чувством благоговеющего трепета. Этот лес местные жители считают священным, его нельзя осквернить даже нечаянно произнесенным грубым словом.

На большой светлой поляне растут пять старых берез. Одна из них сухая и черная, много лет назад сожженная молнией. На их ветвях, насколько можно дотянуться с земли, повязаны сотни пестрых ленточек. Эти пять старых деревьев являются ногами бога на земле. Это место называется кереметь. Здесь стоит разохшийся деревянный алтарь, висят крюки для котлов.

При царе все обнаруженные керемети уничтожались полицией при поддержке православной церкви. Преследование язычников продолжалось и в советское время. В мордовских, чувашских, марийских деревнях до сих пор можно услышать рассказы о школьном учителе, который выс-

ледил верующих и донес в милицию, а потом ночью повесился. Про тракториста, который согласился снести священные деревья, а потом с безумным криком побежал к реке и утопился.

Хотя были председатели колхозов, которые выделяли деньги на покупку быков и баранов для жертвоприношения. Чтобы не было ни проливных дождей, ни засухи. Борьба властей с язычеством временами то усиливалась, то ослаблялась. Но всегда верующие продолжали тайно совершать свои древние обряды только с большими предосторожностями. Лишь совсем недавно они перестали прятаться и начали собираться на своих капищах без страха. Теперь они открыто бьют птицу и скот, летят пух и перья, брызжет кровь на белые одежды.

Перед молением три дня нельзя пить водку, накануне надо сходить в баню, одеться во все чистое. Животные привязываются к священным деревьям, а люди опускаются на колени и начинают молиться. Раньше бык варился целиком в огромном котле. Потом доходила очередь до баранов и гусей. Женщины закапывали в землю яйца и хлеб. После того, как мордва перестала употреблять в пищу конину, то лошадей стали просто топить в реках и озерах. Как удивительно это напоминает обряды почитавших божественный лес друидов. Когда в определенное время, при определенном положении небесных светил, старейший друид лез на дуб с ножом и белой материей, чтобы срезать оملу. Под деревом в это время его сородичи закалывали белого быка.

Все главные чувашские обряды связаны со смертью. Чуваши делят себя на черных, которые пока живы, и белых, которые умерли. Умерших считают чистыми, а смерть называют второй свадьбой. Кладбище считается деревней чистых чувашей. Раз в год осенью все родственники съезжаются помянуть своих усопших. Режут овец, их шкуры вешают на деревьях. Забирать их нельзя, иначе случится беда. На мордовских кладбищах устраиваются праздники с танцами и обильными угощениями.

Так было и во времена Волжской Булгарии, а потом и Золотой Орды. Кровопролитные сражения всех со всеми здесь продолжались до нашествия монголов. Тогда и русские, и чувашы, и мордва, и черемисы одинаково стали зависеть от милости монгольского хана. Волжская Булгария

окончательно пала в год сражения Александра Невского с немецкими рыцарями. Мордва ушла в дремучие леса, но прежняя вражда осталась. Когда татары шли опустошать русские земли, мордва вливалась в их ряды. Во времена похода на Казань в составе татар была мордовская наровчатская орда, на стороне русских воевала темниковская мордва.

Когда татары уходили, возвращались русские и жестоко мстили. После взятия Казани и Астрахани все волжские народы окончательно покорились власти царя. Началось распространение среди них христианской веры. Крещение было насильственным и сопровождалось разрушением мечетей, кереметей, священных рощ. Прежде вольные инородцы поступали в частное владение русских бояр и князей. Присоединение к русскому государству было кровавым. Последовали подряд три черемисских войны и длились они годами. Трижды в разное время поднимали восстание чуваша, бунтовала мордва. В Смутное время они приняли сторону тушинского вора и поляков, при вторжении на русские земли ногайцев мордовские толпы влились в их ряды, а позже поддерживали Разина и Пугачева.

Вся история показывала, что как только появлялись внешние или внутренние враги, все волжские инородцы немедленно присоединялись к ним. После бунта Разина им запрещено было иметь оружие, даже лук и стрелы для охоты. Не позволялось иметь в деревнях кузницы, и любые металлические вещи для домашнего обихода разрешено было покупать только в городах и в самом ограниченном количестве. Запрет этот действовал почти двести лет. Как особая мера было принято селить на новом месте русских, а инородцев переселять в русские земли. С течением времени посредством смешанных браков, которые поощрялись, мордовское население слилось с русским, стало забывать свой язык. Обрусение было так сильно, что даже оставшиеся в язычестве, при совершении своих обрядов, в молитвах и пениях мешали русские слова со словами родного языка, а имена своих богов соединяли с именами христианских святых.

В разгар эпидемии холеры Пушкин заканчивает «Онегина», венчается в Москве с Гончаровой, ссорится с тещей и приезжает в Санкт-Петербург, где император Николай I

вместе с пятитысячной толпой испуганных горожан на Сенатской площади молится о спасении. В это время в новгородской церкви отваливается толстый слой штукатурки и обнаруживается древняя смоленская икона Божьей Матери, после появления которой холера прекратилась. В это время по приказу министра внутренних дел на реке Немде христоролюбивые русские солдаты заложили бочки с порохом и взорвали священную Чумбылатову гору, где обитало божество, которому поклонялись черемисы.

Сотворение мира по-чувашки: Земля квадратная, чуваши живут в центре под священным деревом. Небосвод держится на четырех столбах: золотом, серебряном, медном и каменном. На них в гнездах сидят на яйцах утки.

Боги разные, добрые и злые, их множество. Хотя мордовских богов всего лишь семьдесят семь, у древних египтян их было семьсот, а у современных индусов их тысячи, многоликих и многоруких, у каждого есть имя.

Чувашский верховный бог Тура, мари́йский бог Юмо, мордовский Нишке. Все они требуют жертв за свое доброе расположение.

— Мордва, чуваши — люди наши! — в моем детстве так смеялась моя русская бабушка.

— А кто тебе сказал, что она русская? — смеялась моя мать. — Она сама мордовка!

Весело поется мордовская песня о том, как в широком поле растет высокая яблоня. На ветвях сидят мордовский бог Нишке и святой Николай-Угодник, которые вместе отмеривают, сколько положено каждому человеку счастья.

На небе милостивого и справедливого Нишке окружают души добрых людей. Они вьются вокруг него, как пчелы вьются вокруг матки.

— Шкай, оцю Шкай, верду Шкай, ванымьст! Боже, верховный Боже, начальный Боже, помилуй нас!

Верховный бог сотворил небо и землю, пустил в океан трех гигантских рыб, на которых держится суша, насадил леса и создал мордву. Первые люди жили счастливо и не знали никаких забот. Бог послал к ним своего сына, и он жил на земле в образе человека и помогал людям во всем. Но потом шайтан научил людей выращивать хмель, варить пиво и курить вино. Пьяные люди перестали слушать Нишке, они стали развратничать и враждовать между собой. Нишке продолжал увещевать их, тогда они схватили его,

долго мучили и забили до смерти. Мертвый Нишке вознесся на небо и сказал сверху людям:

— Не хотели вы со мной в добре жить, теперь без меня вам хуже будет.

После этого солнце стало светить и греть в семь раз меньше, зима стала в семь раз суровее, земля стала требовать усиленного труда и давать мало урожая, а временами и вовсе перестала родить хлеб, на скот напали неизвестные болезни. Прежде все были равны, а теперь появились цари, князья, судьи и другие начальники, которые стали мучить людей.

Предавшись тихому размышлению, я услышал рядом в кустах какой-то шорох, дрогнули ветки. Неожиданно мне стало жутко, и я стал пристально всматриваться, с замиранием сердца понимая, что кто-то неизвестный также внимательно смотрит на меня оттуда.

Я представил бесконечную галерею самых удивительных богов. Самые яркие и зловещие человеческие фантазии. Древние жестокие боги с кровавыми губами, хтонические чудовища. Боги египетские, семитские, арамейские, ассирийские, греческие, римские, кельтские, германские, скандинавские, славянские, фракийские, финикийские, индийские, кавказские, тюркские.

Мрачный индийский гермафродит Яма с двумя страшными собаками, которые хватают и уносят людей. Египетский бог с телом человека и головой крокодила Себек и покровительница фараонов красная кобра Уаджит. Семглавый змей Левиафан и мальчик Танатос с железным сердцем и погашенным факелом в руке. Василиск с головой петуха, туловищем жабы и хвостом змеи, обладающий ядовитым дыханием, родившийся из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой в навозной куче. Греческий трехглавый пес Цербер и германский четырехглазый пес Гарм. Свирепый зверь Сета с длинными ушами, красной гривой и красными глазами. Бог ужаса Бараба, рогатый Цернун и козел тамплиеров Бафомет с пятиконечной звездой во лбу, с рогами, бородой, копытами и женским телом. Воплощение зла великаны Турсы, появившиеся в мире еще до богов и людей. Злая карлица Овда, которая закидывает груди на плечи, а ступни ее повернуты назад. Спящая валькирия Брунгильда, лернейская гидра, эринии и фурии с волосами из змей, с собачьими мордами вместо лиц и крыльями лету-

чих мышей. Уродливые гарпии с женской головой, с крыльями и лапами грифа. Похотливое чудовище Ламия, которое когда безумствует, вынимает глаза и кладет их в чашу, чтобы успокоиться и заснуть. Она убила своих детей, поэтому похищает и пожирает чужих. Вид ее безобразен, между ног ее грязь, но она может превращаться в красавицу, чтобы мужчины удовлетворяли ее похоть. Скованный цепями под землей гигантский волк Фенрир, он дико воеет, меч воткнут в его пасть, из которой рекой льется пенная слюна. Он ждет наступления конца света, когда он освободится. Многорукая черная женщина, в пасти которой торчат два желтых клыка, с высунутым красным языком и страшно вытаращенными глазами, на голове у нее корона из костей, лотосов и перьев, на ее груди висит ожерелье из человеческих черепов. Это богиня Кали, она пляшет на теле поверженного человека, вокруг сидят, разинув пасти, бенгальские тигры. От нее во все стороны разбегаются животные, уносящие в зубах разные части человеческого тела: руку, ногу, голову.

Сидя перед жертвенным алтарем среди священных деревьев, я подумал о том, что если бы я вдруг захотел спрятаться от всех, то никто не догадался бы искать меня здесь.

Вокруг меня дикий первобытный мир, населенный языческими героями и богами. В ветвях могучих деревьев построены жилища страшных птиц. Весенний день не так долог, и скоро он закончится. Поэтому я тороплюсь уйти из темного священного леса.

IV

Моя фамилия имеет церковное происхождение. Видимо, в далеком прошлом в роду были священнослужители. Предки духовного звания. В основу фамилии положено понятие «минаея». От греческого слова **menaion** — месяц. Минеями называются православные книги, содержащие тексты церковных служб на все дни каждого месяца и рассказы о жизни святых людей. Книга для чтения на каждый день месяца. Мне казалось, получив при рождении такую фамилию, я должен был написать свою такую книгу. Ежемесячные чтения, минеевские чтения, мои минеи, мои двенадцать месяцев.

МИНЕЕВ МИНЕИ

Но меня убедили отказаться от такого названия. Привели некоторые доводы, с которыми я вынужден был согласиться.

Считается, что со смертью Овидия закончился золотой век древнеримской поэзии. Его талантом и усердием созданы два серьезных крупных по объему и значению произведения: «Превращения» и «Календарь». В первом сочинении даны описания всех превращений от сотворения мира до превращения императора Юлия Цезаря в звезду. Всего подробно описаны двести пятьдесят превращений. Его второй капитальный труд состоит из описаний римских праздников и обычаев. Овидий предполагал написать двенадцать книг по числу месяцев в году, но успел описать только первое полугодие. Потом неожиданно император Август на поэта рассердился и отправил его в ссылку к диким племенам на берег Черного моря, где тот и умер от голода и болезней. Но прежде изнеженный и избалованный римский аристократ увидел и описал суровую жизнь пастухов и рыбаков. Зимой он с удивлением гулял по прозрачному мрамору, в который превратились морские волны, и рассматривал замерзших во льду рыб. Весной наблюдал за первой травой, пробивающейся из земли, и первой ласточкой, вьющей гнездо под крышей его скромного жилища.

Свой календарь превращений есть в книге «Пчелы». За эту книгу о жизни пчелиной семьи Иосиф Халифман получил Сталинскую премию. Эту премию отец народов выплачивал деятелям науки и культуры из своих личных денег. Вождь сам был писателем и получал гигантские гонорары, его книги издавались миллионными тиражами по всему миру. В 1951 году писатель Халифман стал одним из полусотни людей, которых ежегодно материально поощрял писатель Сталин. На полученные пятьдесят тысяч тогда можно было купить три автомобиля «Победа». Писатель и биолог Иосиф Халифман верил в чудеса. Он был сторонником идей академика Лысенко, автора теории о порождении видов, призывавшего к переделке природы растений, создателя ветвистой пшеницы, утверждавшего, что

рожь может порождать пшеницу, а пшеница может превращаться в ячмень.

Когда я только начинал рассказывать о своем доме, то чувствовал, что должен, как судья в Древней Греции, дать себе две клятвы. Рассказывать по совести и ничего не объяснять. Потому как бывают такие случаи, когда правду знаешь, а объяснить не можешь.

Как напевал когда-то на другой стороне Земли в другом лесу другой человек:

— Вот дом, который построил я сам.
А вот и я, проживающий там.

Я старался честно описать только проверенные подлинные превращения. Только лично увиденные чудеса. Моя книга полного собрания наблюдений почти закончена. Но прежде еще немного воспоминаний о прекрасных весенних днях.

МАЙ

I

На чердаке нежно воркуют голуби. В углу в картонной коробке шевелятся слепые котята. Кошка спит, а собака лениво кусает блох. Раскрыт конторский сейф, в котором стоят трехлитровые стеклянные банки с медом. В горшке оцетинился желтыми иглами зеленый кактус. В мусорном ведре лежит пустая бутылка водки.

На столе стоит почерневший от копоти автомобильный поршень, доверху набитый окурками. Ножницы, болты, пружины, булавки, бинты, иглы, рыболовные крючки, велосипедный звонок. Пропуск с мутной фотографией, красное удостоверение, талоны на обед. Таблетки и пузырьки, истрепанная колода игральных карт и морская раковина с шумящими в ней волнами. Позолоченные солдатские пуговицы со звездами, синий значок в виде щита с цифрой «3». Сберегательная книжка, толстая книга с яркими иллюстрациями под названием «Новые свидетельства об Иисусе Христе». Пасхальные крашеные яйца, пряники и конфеты. Повсюду летает белый пух. В пыли лежит длинная желтая челюсть с черными зубами.

Низкие густые брови строгого угрюмого человека. Плотнo сомкнутые губы. Раздувшиеся от усердия крылья перебитого носа. Тянут шумно пыльный воздух. Дернув ноздрей, шмыгнул носом. Гусиная шея с острым выпирающим кадыком в жесткой щетине. Язык смачивает слюной синий химический карандаш.

Булькает, брызжет из чайника кипящая вода. Перестала пронзительно визжать пилорама. Стал медленнее вращаться и остановился зубчатый диск. Наступила тишина. Весело светит солнце. Мозолистые руки в синих татуировках с несколькими ампутированными пальцами взяли рубанок. Певуче засвистел нож. На пол посыпались желтые кудри завитой сосновой стружки. Почувствовался запах свежей гробовой доски.

В маленькое окно отчаянно стучатся изумрудные мухи. С другой стороны, поднявшись на носочках, прислонив лоб к стеклу, приложив ладони к вискам, пытается заглянуть внутрь любопытный улыбающийся мальчик.

В этот момент я необычайно счастлив. Все вокруг так радостно, так интересно. Так много всего хочется узнать.

II

Мы стояли на набережной, когда неожиданно поднялся сильный ветер, и началась гроза. Потемнела вода, и с грохотом стали разбиваться о камни волны внизу. Я хотел уйти, но она удержала меня, попросила:

— Давай еще постоим, пожалуйста?

Мимо нас бежали люди. Зонт совершенно не спасал от лившейся с неба воды. Ветер выворачивал его спицы. Качались деревья, летели сорванные листья и мусор. Вдали качался на волнах прогулочный теплоход.

— Тебе говорили, что ты дерзкий очень?

— В каком смысле? — удивился я.

— Ты почему так долго не звонил? Знаешь, что нравишься, и не звонишь.

Она внимательно смотрела на поднявшиеся волны и на рыбаков, под проливным дождем угрюмо сворачивавших свои снасти. Пожав плечами, я сказал:

— Я просто боялся показаться назойливым.

— Ты с этого дня больше не бойся. Я тебе сама скажу, когда надо бояться.

— Хорошо.

Опираясь на палку, мимо нас медленно прошла толстая женщина в платке. Было видно, как трудно ей идти под тяжестью собственного веса. Даже несмотря на дождь и ветер, она не могла прибавить шаг.

— У этой женщины такой бас! — прижавшись щекой к моему плечу, шепнула она мне. — Когда слушаешь, то мурашки по телу бегут.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что я ее знаю. Она в церковном хоре поет.

— А почему она с тобой не поздоровалась?

— Наверное, чтобы тебя не смущать.

— Это правильно. А то бы я сразу так смутился. Прямо сразу покраснел и убежал бы.

В этот день мы пришли в храм, она завела меня туда и показала то, что посторонним обычно не показывают. Остановившись возле ящика для пожертвований, я достал кошелек и опустил в щель сто рублей.

— Знаешь, пожертвования снимать это тоже моя обязанность.

— Ключ только у тебя?

— Нет. Ключ лежит в секретном месте. Про него знают только три человека. Хотя на практике не всегда так, но положено втроем вскрывать. Бухгалтер, прихожанин и священник. Срезается пломба, составляется «Акт снятия жертвенного ящика».

— Так все серьезно?

— Конечно! С деньгами всегда все серьезно.

Охранники в черной униформе с ней почтительно здоровались и отступали в сторону, подходили старушки с просьбами и жалобами. Спускавшийся по лестнице священник остановился и поманил ее к себе.

Взяв у меня букет красных гербер, она налила воды в вазу и поставила на пианино. На стене висела ее детская фотография. Девочка с пухлыми щеками мечтательно смотрела куда-то вверх.

— Разве бог, если он есть, когда будет выбирать между хорошим некрещенным человеком и плохим крещеным, неужели он выберет второго?

— Нет. Здесь другое. Если ты не крещен, то бог тебя просто не видит

— Хорошо. Я к вам пришел. Почему вы с меня такие деньги требуете? Мне кажется, что вот именно за крещение нельзя деньги брать. За все остальное можно. А если у меня нет денег? Вы бы меня не приняли? А, может, я праведник великий? Просто денег нет.

— Беденький мой! — усмехнувшись, она погладила меня по голове.

На стене мечтательно улыбалась маленькая девочка. За окном громко пели птицы. В чайнике бешено бурлила вода.

Затворились царские врата, за которыми слышны были шорох одежды, шепот и шаги расходящихся людей. Священник с помощью дьякона стал снимать с себя облачение. Положив крест на престол, он снял с головы фиолетовую бархатную камиллавку, похожую на рыцарский шлем. Через голову стянул тяжелую, словно кольчуга, парчовую ризу. Она символизировала багряницу, в которую был облачен Христос во время суда, а нашитые на ней ленты напоминали о потоках крови. Он вообще похож на рыцаря с помощью своего оруженосца снимающий с себя доспехи, в которых только что выходил на бой с силами зла. Расстегнул пряжку и снял пояс, символическое полотенце, которым Христос вытирал ноги своим ученикам. Снял с шеи широкую спускающуюся до земли епитрахиль, украшенную золотым шитьем и узором из шести крестов по числу таинств, которые он может совершать. Снял набедренник, означающий меч, которым Христос победил дьявола. Развязал шнурки и снял белый шелковый подризник.

— Когда покрестишься, тебе все твои грехи прощаются. После этого надо лишь новых не совершать.

— Ах, вон оно как?! Так я тогда лучше перед смертью покрещусь.

— Не получится. Все дело в том, что мы ведь не знаем, когда умрем. Это может быть неожиданно.

— Это, как говорится, кто не рискует, тот не пьет в раю шампанское.

— Чего ты боишься?

— Двух подружек. Ходят постоянно в обнимку. Одна с клюкой, другая с косой.

— Старости и смерти не надо бояться. Земная жизнь человеку дается лишь на время. Каждый должен ее прожить и умереть. Это нормальный закон...

— Совсем не нормальный!
— Просто тебя не станет.
— Просто? Ничего себе просто! Вот это откровение для тех, кто хорошо прожил жизнь в счастливом неведении.

Стол накрыт двумя скатертями из белого льна и из парчи. На столе лежит шелковый бардовый платок с зашитыми в нем частицами тела умершего человека. Рядом лежит книга в коже, украшенная финифтевыми медальонами и жемчугом. Крест из перламутра с изысканной резьбой, рубинами и разноцветными эмальями. Серебряный ящик, в котором хранятся вино и хлеб для больных и осужденных преступников. От дымящего кадила распространяется запах ладана, горит семью лампадами семисвечник. В углу стоят два гигантских с двухметровыми рукоятями серебряных веера. Здесь готовят дары, которые пришедшие люди будут есть и пить. Лежат ковш и чаша, круглое блюдо и звезда, нож и ложечка. Они отдельно накрываются маленькими покрывцами, а все вместе большим вышитым воздухом. Яркое солнце светит сквозь витражи.

Сидя перед зеркалом, она долго расчесывала волосы. Потом начала сплетать и укладывать их на голове, закалывать шпильками.

— Завтра я не смогу. У нас девичник намечается.

— Слушай, а можно к вам, пожалуйста?! Сейчас пожди... — я вскочил и стал быстро ходить по комнате, перебирая в голове разные рифмы, резко остановился и сказал: — Люблю девичники лихие, где девы дерзкие, младые, шальные, пьяные, нагие... Я вообще правильно представляю себе типичный девичник?

— Почти! — смеялась она своим чарующим обворожительным волшебным смехом.

— Красавица моя! — прошептал я, положив голову ей на колени. — Какие у тебя сильные ноги!

— Это хорошо, что ты заметил. Вот ими я тебя и задущу, если только дашь мне повод. Я очень ревнивая.

При нашей следующей встрече, сняв темные очки и стянув с шеи белый платок, она с грустью спросила:

— Почему ты передумал креститься?

— Я не передумал. Мы не отменили, а перенесли. Я себя очень плохо чувствовал. А ночью мне приснилось,

что я поймал и разрезаю рыбу, а у нее из брюха черви лезут...

— Это твои грехи.

Переодевшись, он сел и посмотрел на часы. Достал из кармана мобильный телефон, набрал номер и отправил сообщение. Этим он привел в действие электронный ударный механизм, спрятанный в черном ящике на высокой колокольне. Все привязанные к языкам и педалям веревки уходили в щель этого ящика. Все пятнадцать больших и малых колоколов заиграли мелодию. Современному звонарю никуда ходить не надо.

Однажды при луне мы целовались на школьном дворе за голубятней. Наклонившись и сорвав одуванчик, она сказала:

— Вчера ходила к своей лучшей подружке. Я рассказала ей про тебя.

— Что именно?

— Все.

— Хотел бы я это послушать.

— Ты и так все знаешь.

— А она тебе сказала, что ты очень похорошела в последнее время?

— А я похорошела? Нет, ты знаешь, она мне этого не сказала.

— Значит, она просто молча позавидовала.

Утром на залитой ярким солнечным светом кухне она сидит у меня на коленях. Зачерпнув чайной ложечкой из банки сгущенное молоко, я распахнул халат у нее на груди. Она смущенно трянула головой и попыталась сопротивляться, но я был сильнее. Тонкая желтоватая нить медленно потекла и упала на ее темный сосок. Склонившись к ее груди, я облизал и слегка куснул его.

— Теперь можешь смело говорить, что буквально меня грудью вскармила.

— Интересно, кому я об этом буду говорить? — вздохнула она задумчиво.

— Всем, кому хочешь.

— Понятно. При чем не простым молоком, а сгущенным!

— А это у обычных женщин простое молоко, а у необыкновенных только сгущенное. Вообще описание того, что женщина кормит грудью мужчину, есть у разных народов.

Враги свергают короля и вместе с дочерью и ее маленьким сыном бросают в яму. Через какое-то время верные слуги врагов прогоняют. Приходят к этой яме, не надеясь, что король жив. Он должен был за это время умереть с голода. Но она своим молоком их кормила. И своего отца, и своего сына.

— А сама она что ела?

— Об этом история умалчивает. Ей что много надо? Ты вон тарелку салата и шоколадку в день съедаешь. Она также травки пощипала какой-нибудь.

Потом мы долго сидели молча и неподвижно, словно позировали неизвестному художнику. Я подумал, что хотел бы иметь эту картину. С яркими падающими из окна лучами, с треплющейся занавеской, с откинутой рукой, с томным взглядом.

— Можно тебя попросить?

— Для тебя все, что в моих силах!

— «Бог» пиши всегда с большой буквы.

Рядом лежала кошка и притворялась спящей, иногда она чуть приоткрывала один глаз. Я подумал и согласился:

— Хорошо. Обещаю.

Потом мы разложили шахматную доску и стали расставлять фигуры. Сделав первый ход, я учтиво спросил:

— А вы хорошо играете?

— Ой, знаешь, я так давно не играла. Но в детстве я всегда всех выигрывала.

— Какой дебют вы предпочитаете?

Она долго думала, взяла пешку, повертела и поставила обратно.

— Андрюша, если честно, я не хочу играть. Лучше давай сейчас пойдем на наше секретное место? Пожалуйста, мой хороший!

Был поздний вечер. Я взял фонарь, коньяк, сыр, колбасу. Наш летний домик стоял последним в растянутой вдоль берега турбазы. Где-то играла музыка, доносился смех. Здесь было темно и тихо. Продираясь через колючие кусты, мы вышли на край обрыва. Здесь рос старый дуб, под которым мы любили лежать. Далеко внизу шумел прибой. Здесь ярко светила луна, блестела широкая река. Здесь возле дуба на самом краю, к которому было опасно и страшно подойти, стоял он.

— Вы извините, но это наше секретное место... — я старался, чтобы мой пьяный голос прозвучал спокойно и твердо.

Он молча ушел. Над нами было звездное небо. Этот черный человек, который даже не повернулся ко мне. Я просто тогда не понял. Теперь мне кажется, что он с усмешкой тогда ушел. Мне кажется, что это вот оно тогда то самое бледное рыло было...

Я три раза дунул, три раза плюнул, трижды отрекся от сатаны, трижды обратился к Богу, трижды обошел против движения Солнца вокруг купели со святой водой; меня мазали маслом, обливали водой, состригли с головы волосы и скатали их в шарик из воска, который сначала бросили в купель, а потом забрали для вечного хранения; меня завели в алтарь, куда нельзя входить женщинам, где мне запретили к чему-либо прикасаться, где я трижды опускался на колени и целовал край гигантской иконы, висевшей над величественным тронем.

В этот день Бог простил мне все грехи, которые я совершил прежде. Можно было бы именно в этот день начать новую жизнь, без грехов. Можно было бы, но не получилось.

III

В солнечный майский день распахнуты все окна. Школьный двор заполнен детьми разного возраста. Прогулываясь по тенистой аллее, я еще издали увидел взбудораженную толпу маленьких людей, услышал их крики и смех. Неожиданно почувствовал, что моя душа наполняется радостью, что мои глаза стали влажными от умиления. Вокруг меня были цветущие деревья и эта новая молодая жизнь.

Подойдя ближе, я остановился возле забора посмотреть и послушать. Из открытого окна доносятся робкие неуверенные звуки пианино. Там детские руки только привыкают касаться клавиш.

Очаровательное создание со сплетенным венком из одуванчиков на голове разговаривает по телефону:

— Я валяюсь! Ты хочешь побычьиться? Умный мальчик нашелся! Мне бы твои мозги, я бы давно профессором стала. Что? Ах, не царское это дело? А ты, Славик, оказыва-

ется, царь? Извини, я не знала. Очень приятно. А ты какой царь? Славик Первый?

Длинный сутулый подросток, на котором повисли хохочущие девчонки. Он пытается стряхнуть их и смущенно просит:

— Не трогайте мой рюкзак!

— Конечно, он твой! Я не отрицаю очевидного!

— Мы только поглядим! Что ты жмешься?

Мимо проходит толстый мальчик, и все девчонки показывают на него пальцем.

— Вы чего угораете?

— Такой бутербродик!

Откинув с плеч на спину волосы, мимо проходит высокая гордая красавица, цокая каблуками, длинными ногами в джинсах отмеривает гигантские шаги. Никак не подумаешь, что это тоже школьница. За ней едва поспевает ее мелкая подружка и просит:

— Мария Александровна, почему вас всегда в какие-то курмыши тянет? Я за вами не успеваю.

— А вы почаще семените своими кулечками, Вероника Валерьевна. Только осторожно. Не бегите. Не убейтесь, пожалуйте.

Они скрываются за кустами. В школьном ботаническом саду цветет множество видов сирени с широкими и тонкими листьями, с простыми и махровыми цветками. Душистый запах белых, фиолетовых, голубых, розовых и лиловых цветов. Сирень обыкновенная, сирень венгерская, персидская, китайская, сирень Юлия.

Перекосив лицо и высунув язык, девочка фотографирует себя, потом убирает телефон в карман и вздыхает:

— Почему так скучно? Пойти потусить с народом? Где наша звезда по имени Соня?

— Ее не будет.

— А что случилось?

— У нее мама залезла в ее контакты. Почитала там ее философские мысли, фотки посмотрела. Теперь она под домашним арестом.

Сидя на корточках, девочки младших классов играют в школу и пишут мелом на асфальте задание. Та, которая изображает учительницу, строго и громко говорит:

— А теперь, дети, напишите с заглавной буквы слово: «Г...о!»

Старая рябина с привитыми на ее стволе побегами айвы и груши. Плакучие ветви черемухи с кистями махровых белых цветков и острыми листьями. Цветет и боярышник, распространяя неприятный запах тухлой рыбы, отчего он и опыляется только мухами.

— Ты чего так похудела?

— Влюбилась.

— Не знаю. Я сколько не влюблялась в своей жизни, ни разу не худела.

В старших классах есть молодые мужчины и молодые женщины, большинство выглядят на свой возраст, а третьи все еще остаются детьми.

— Ребенок, отойди от нас, пожалуйста? — томно просит накрашенная дама свою невзрачную ровесницу. — Как будто ты не с нами.

В небе кружатся голуби. Возле школьного забора стоит железная будка голубятни и лавка, на которой я недавно целовался.

На спортивной площадке учительница физической культуры со свистком на груди жалуется учительнице иностранных языков с ярким платком на шее:

— Меня теперь после этого случая никуда не приглашают. Запрещают мне быть судьей, а я судить люблю.

К ней сбегаются запыхавшиеся дети, достают бутылки из брошенных на землю сумок и начинают жадно пить воду.

— Конечно, Ксения Владимировна, вы ведь справедливая! — подлизывается хитрая девочка.

Учительница начинает с азартом соревноваться с мальчиками в силовых упражнениях. Снова раздается восхищенный тихий голос:

— Конечно, Ксения Владимировна, вы ведь силачка!

У всех этих распутившихся и цветущих деревьев, домашних и диких, множество врагов. Короеды, древоотцы, пяденицы, шелкопряды, щитовки, тля, клещи, боярышницы, обдиралы, златогузки, червецы, листоблошки.

— Слышь, ты, трансвестит!

— Сам ты желудь!

— Потому что ты олень!

— Потому что ты лошара! Смотрите, как я его лошу!

Бросив рюкзаки, мальчишки сцепились и катаются по земле. Через них с невозмутимым видом переступают две нарядные девочки с белыми бантами. Они медленно прогуливаются, взявшись за руки.

— Шаблинская вчера с Ярошенко целовалась, а сегодня с Комаровым... — эти слова произносятся с глуповатым презрением. — У нас в классе одни дебилы и шлюхи.

— Это точно!

— И все, как ослы, слушаются Фадеева. Тоже мне неформальный лидер.

— Полное ничтожество!

— Нельзя, чтобы это так дальше продолжалось.

— А что делать?

— Я знаю! — она останавливается и пристально смотрит в глаза своей самой близкой и верной подружки. — Нужно, чтобы Фадеев в меня влюбился. Тогда он будет делать то, что я ему скажу. А все остальные будут нам подчиняться.

К ним подходят одноклассники, поэтому участницы коварного заговора многозначительно переглядываются и меняют тему разговора.

— Солдат-мандат-кандидат-акробат-агрегат-виноград-шоколад-рай и ад...

— Мармелад-лимонад-интернат-шпинат-водопад-казнокрад... Ах, я сама тащусь, какая я умная! Вот это я даю!.. Халат-салат-доклад-мулат-постулат-понтит пилат!

Улыбнувшись, я медленно пошел к своему дому. По пути складывая в рифму подсказанные ах какой умной девочкой слова:

— Жил на свете казнокрад.

Был он стар, смешон, горбат.

Он приехал в интернат,

У сирот украл шпинат.

Вечером надел халат,

Покрошил шпинат в салат.

«Не беда, если горбат,

Стар, смешон, одутловат.

Выпил водки, съел салат —

И опять ты жизни рад!»

Сей премудрый постулат
Сочинил Понтий Пилат.

...На лавке возле школьного забора, натурально как у Пушкина, сидели три сестрицы. Только они не пряли. И их неспешная беседа о счастливой семейной жизни происходила не поздним вечером.

— Лидия Петровна, ты что это на меня косишь лиловым глазом? — насмешливо молвила младшая сестрица.

— Мария Петровна, у меня знакомая в Китай ездила. Там у них в семье строгая иерархия. Старшую сестру все слушаются беспрекословно. Никто не смеет ей перечить.

— А я разве перечу? Просто возражаю. По-моему, там у них вообще нет ни старших, ни младших, потому что у них в семье только одного ребенка можно иметь.

Смуглый азиатский дворник с черной бородой удивленно приподнял бровь. Он с удивлением задумчиво взирал на все происходящее.

— Я сколько раз Андрею говорила: «Ради чего ты живешь? Я на старости лет с внуками хочу понянчиться». А он: «Мама, где я тебе их возьму?» — жалуется Екатерина Васильевна.

— Ему может рассказать, где их берут? — усмехнулась Мария Петровна. — Есть у меня одна бедовая девчонка. Сколько она народу этому делу научила.

Есть старинная картина, на которой обнаженная совсем юная девушка запрокинула голову и закрыла глаза. Ее рот раскрыт в немом стоне. Если не знать названия, то можно подумать, что это изображение женского лица в момент чувственного наслаждения. Ее скрещенные руки сложены на человеческом черепе, лежащем у нее на коленях. Такая вот кающаяся Мария Магдалина. Скорее, неоднократно подтвержденное мужское наблюдение о том, что женщина заново переживает сладостное блаженство, когда начинает каяться в своих грехах.

— Ты лучше Расскажи, как дочка в Америке живет?

— Этот придурок заставил ее операцию сделать по увеличению груди. Она такая куколка всегда была, стройная худенькая девочка, и теперь эти две трехлитровые банки висят. Я ей говорю: «Ты зачем это сделала?» А она плачет: «Мама, а куда денешься? Ему нравится!» Ой, идиот!

Задолбал ее этими пластическими операциями. У нее неестественные черты лица стали. Еще упрекает ее, мол, я в тебя столько денег вложил. Как будто это она его просила их делать. Неподъемные сиськи таскать.

— Послала бы его подальше!

— У них брачный договор так составлен, что если она с ним разведется, то ничего не получит. А она мне говорит: «Мама, я иначе жить не смогу. Я так привыкла. Чтобы был большой дом, прислуга, наряды...»

В средневековой живописи были популярны не только четыре времени года, но и четыре времени суток. Изображение простой идеальной человеческой жизни каждый день. Сначала утро, когда на кухне, в мастерской, в саду все начинают свою работу. Потом обед и полуденный отдых. Вечером все усталые возвращаются домой. Наступает ночь, засыпают дети, родители садятся у огня.

— Как она разведется? На что она жить будет? Если она в жизни ни дня нигде не работала?

— Вот тоже. С самого детства стремилась богатого найти. Заветная мечта исполнилась, а счастья нет.

— А внучка как?

— У нее там целый зоопарк. Вот вывели породы зверей, как игрушечные. Маленькая лошадь, маленькая свинья... Она вообще любит заниматься животными, наблюдать за природой. Пишет мне, что в мире так много животных погибает, что ей их так жалко.

— Я терпеть не могу этих защитников животных. Они меня просто бесят. Лучше бы про людей подумали. Вот я жизнь, считай, прожила. Много ли мне осталось? А много ли я видала в своей жизни?! Мне бы вот сейчас сначала все начать!

— И что бы ты сделала?

— А я бы тогда!.. — страстно произнесла Екатерина Васильевна, но неожиданно растерялась и замолчала.

— Не волнуйся. Мы хорошо жить никогда не будем. Дальше все только хуже будет. Молодежь отсюда и так вся уезжает. Сначала тараканы исчезли. Потом бичи все куда-то делись. А теперь и черножопых не видно. А чего торгашам тут делать? У людей денег нет. У нас семья квартиру снимала, постоянно шум, гам... тоже уехали. Теперь тишина. Мне соседка говорит: «Где же теперь чурочка наши? Со всем своим табором...»

IV

В самом начале Ветхого Завета говорится, что когда Сыны Божии сошлись с дочерьми человеческими, то от этого произошло много разных чудовищ. Такова история Пана.

Когда он родился, мать испугалась ужасного вида ребенка и бросила его. Внешность у него была получеловеческая, полукозлиная. Детство и юность его прошли в лесах и горах. Все свое время Пан проводил в пьянстве и разврате, устраивая бесконечные оргии с нимфами и вакханками, сатирами и гермафродитами. У него было большое потомство, произведенное на свет как от прекрасных нимф, так и от диких коз. Сохранились греческие скульптуры, на которых потомок богов насилует козу. Когда униженный Геракл находился в рабстве у лидийской царицы и носил женскую одежду, то неразборчивый Пан пытался и его изнасиловать. Легендарному герою с трудом удалось отбиться. Хотя это событие и не входит в число его известных подвигов.

В полуденный зной затихали звуки свирели и козлиные песни. Утомившись, пьяный Пан засыпал в тени. Описывая военные походы диктатора Суллы, великий историк античного мира Плутарх утверждал, что однажды римские солдаты схватили в лесу спящего человека-козла. Его пытались допрашивать на разных языках, но он отвечал лишь грубым криком, напоминавшим смесь конского ржания и козлиного блеяния. Вид его был омерзителен. Не добившись от него ничего, презрительно поморщившись, Луций Корнелий Сулла по прозвищу Счастливый велел прогнать его.

— Ты зачем вчера так сильно напился?

— Поверь! — виновато ответил я. — Пьян был не от водки, а от любви. От избытка чувств. А что я тебе вчера говорил?

— Говорил сначала внятно и недолго, а потом долго и невнятно. А потом еще прямо у меня на глазах стал к какой-то девке клесться. Я вообще была в шоке! Как я тебя не убила вчера?

— Милая моя, а ты знаешь, как Геракл умер? — спросил я ее очень серьезно.

— Честно говоря, нет. Совсем не в курсе.

— Вообще такая нелепая несуразная несправедливая смерть. Представляешь, он победил всех чудовищ на земле. Многоголовых, всесильных и всемогущих, с ядовитым дыханием, с непробиваемым никаким оружием шкурами, всяких... И так позорно умереть.

— Давай говори, не томи!

— Я тебе много раз пытался донести эту мысль. Все зло от женщин. Его жена отравила из ревности.

— Правильно сделала.

— Ты так считаешь? А ты могла бы меня отравить?

— Я не знаю. Скорее всего, не отравила бы. Не смогла бы. Это все-таки слишком легкая смерть. Я бы придумала что-нибудь действительно ужасное.

В цветущем саду я ощущал себя ненасытным похотливым Паном. Целуя ее шею, шепотом спросил:

— Хочешь засос поставлю?

— Не хочу!

— А что хочешь? — продолжал я игривым тоном.

— Колечко! — лукаво улыбалась она, глядя на мое вытянувшееся от удивления лицо.

Мне казалось, что я где-то видел картину или читал описание того, как Иисус в яркий солнечный полдень в белых одеждах проходит по саду и останавливается перед деревом, под которым пьяный Пан спит мертвецким сном. С кривыми рогами, с засохшей рвотой на бороде и груди. Широко раскинув руки и толстые в грязной шерсти ноги с копытами. Постояв и посмотрев на него, Иисус идет дальше. Это образ того, как в человеческой истории христианство сменяет язычество. Но сколько я потом ни искал, нигде так и не нашел ничего подобного. Может быть, я сам это выдумал.

В яркий солнечный полдень в цветущем саду мы лежим, крепко обнявшись.

— Почему у тебя руки лекарствами пахнут?

— Разве? — она поднесла к носу свою ладонь. — А, по-моему, колбасой.

— Да? Тогда, наверное, «Докторской».

Глядя сквозь ветви деревьев в синее небо, мы слушаем торжественную тишину. Про которую известно лишь то, что она в заброшенных местах живет одна.

— Смотри, какой зверь ползет.

Я представил, как старый хромо́й паук снял с куста и волочит за собой свою тяжелую пыльную паутину с недо-
еденными останками мух.

— Не вижу! Где? Тебе хорошо. Ты лежишь, у тебя перед глазами красивый вид. А мне за твоей головой ничего не видно.

— А моя голова, получается, некрасивый вид?!

— Я просто хотел сказать...

— Спасибо, я поняла. Из тебя сегодня комплименты так и сыпятся.

Мы лежим молча, улыбаясь друг другу. Еще в утробе матери ребенок начинает улыбаться. Первые слезы у него появятся через полтора месяца после рождения. А нахмуриться и сердито сдвинуть брови у него получится лишь через полгода.

— А ты ведь знаешь, что я жаворонок. Я в пять утра вскочила такая вся восторженная и давай всех будить: «Эй, вставайте! Смотрите, какое утро! Пойдемте гулять!» Никто, конечно, не встал. Я одна пошла, погуляла. А там кладбище рядом. Потом в гостиницу возвращаюсь. Там все злые, невыспавшиеся. Говорят мне: «Ты на кладбище ходила? Ты там место присмотрела себе?»

— А ты точно жаворонок? Что-то мои наблюдения никак этого не подтверждают.

— Это я только с тобой поздно просыпаюсь. А вообще я всегда очень рано встаю. Настоящий жаворонок. Поверь мне! Не сомневайся.

— А ты какой жаворонок? Полевой, лесной или хохлатый? Некоторое сходство в самом деле есть. Любишь купаться, хотя и не в пыли. Беленький животик, маленький клювик и прелестно поешь.

Я ласково провел ладонью по ее волосам, похожим на коричневые пестрые перья.

— Знаешь, есть такая древняя примета. Когда к больному человеку подносят жаворонка. Если он отворачивается, то больной умрет. Пока ты от меня не отвернешься, я не умру!

— Обещаю никогда не отвернуться. Милый мой, хороший мой, любимый Андрюша! Я всегда...

— Тихо! — взволнованно воскликнул я. — Смотри, смотри!

Затаив дыхание, мы заворожено смотрели на чудо. Рядом с нами из черной земли с великим трудом на белый свет вылез черный жук. Вылез, расправил пластинчатые усы и жесткие крылья, широко расставил волосатые ноги. Неуверенно потоптался на месте и наконец тяжело взлетел. У него мало времени. Ему осталось жить из трех лет всего несколько дней. Его жизнь кончена, но можно сказать, что его жизнь только начинается. Ему надо успеть полетать, обильно поесть, найти подружку, которая после встречи с ним закопает в землю тридцать яичек, и тогда они оба умрут. Он три года лежал в земле, чтобы вылезти на несколько дней. Так же будет и с его потомством. Жирная желтая личинка три года будет лежать в земле, чтобы превратиться на месяц в куколку в колыбельке, а потом однажды в мае снова вылезти из земли зловещим черным майским жуком и порезвиться несколько дней.

конец

1976 — 2018 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТО.....	3
ОСЕНЬ.....	47
ЗИМА.....	92
ВЕСНА.....	139

ОТО г.о. Тольятти "ТПО" 2018

Редактор **Владимир Мисюк**

Минеев

КАЛЕНДАРЬ ПРЕВРАЩЕНИЙ
роман

Отпечатано в Дмитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 27.02.2018.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 12.

Тираж 150 экз.